

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ЛЕЙЛИ
И МЕДЖНУН

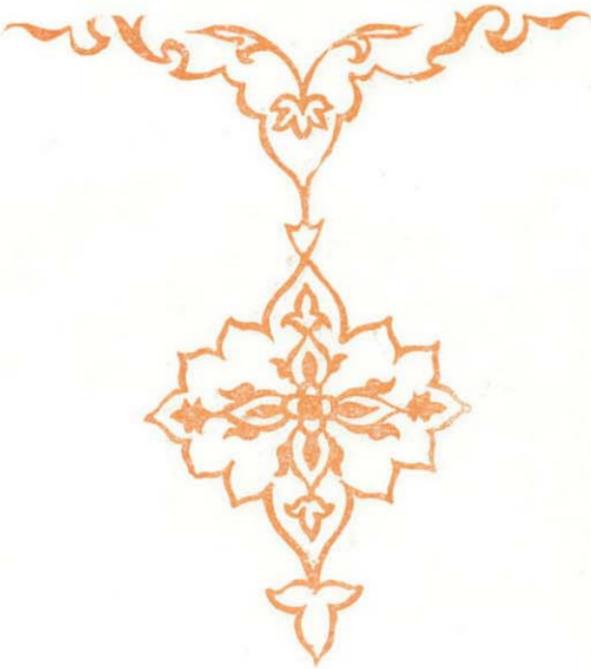
К 840-ЛЕТИЮ
НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

●
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ им. НИЗАМИ

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ЛЕЙЛИ
И МЕДЖНУН

*Перевод с фарси, предисловие
и комментарии
РУСТАМА АЛИЕВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭЛМ*
БАКУ—1981

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Азербайджанской ССР*

•
Редактор
А. В. Старостин

© Издательство „Элм“, 1981 год

Н $\frac{70403 - 000}{M-655-81}$ 117-81

НИЗАМИ И ЕГО ПОЭМА «ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН»

Зарождение печальной повести о Меджнуне и Лейли относится к глубокой древности. Предание об их любви, первоначально сложившееся на арабской почве, получило в дальнейшем широкое распространение на всем мусульманском Востоке среди многих народов. Со временем эта легенда обрела права гражданства в Иране, Средней Азии, Азербайджане. Образы Меджнуна и Лейли неотступно преследовали воображение многих поэтов, однако впервые за поэтическую разработку этой темы взялся Низами Гянджеви, бессмертное творение которого способствовало еще большему распространению трагической повести о любви Меджнуна и Лейли.

Каждая поэма Низами представляет собой целый мир в движении. Этот мир не устаревает, а наоборот, молодеет из века в век на протяжении вот уже восьми столетий. В чем секрет этого? Видимо, в том, что великий художник изобразил такие непреходящие человеческие чувства, мечты и чаяния, которые будут живы, пока живет само человечество. Безусловно, Низами для духовной культуры Азии сделал больше, чем Шекспир для Европы. Он предопределил весь дальнейший ход развития художественного мышления, поэтического искусства, этических и эстетических идеалов всех народов Ближнего и Среднего Востока.

По мере развития культуры раздвигается и сфера влияния творчества Низами. Бесперывно ширится круг его читателей, из года в год умножается число поэтов, писателей, художников, композиторов, черпающих вдохновение из сокровищницы духовного наследия Низами. Низами, как и Шекспир, необъятен. Оба они не умещаются ни в свои творения, ни в свое время. Низами жил раньше Шекспира, он начал создавать свои бессмертные произведения за четыреста лет до рождения последнего. При всей общности конечной цели, результатов, достигнутых их творческим гением, они — художники разного склада, каждому присуще собственное своеобразное поэтическое мышление. Особенно ясно это бросается в глаза при сопоставлении предлагаемой читателю поэмы Низами и

драмы Шекспира «Ромео и Джульетта» — произведений наиболее близких друг другу по тематике и по духу. Низами задолго до создания «Ромео и Джульетты» заявил, что нет на свете повести печальней, чем повесть о Меджнуне и Лейли. Воспев идеально чистые человеческие чувства без примеси низменной страсти, Низами тем самым подспудно создал и свое знаменитое этическое учение о возвышенной любви, которое в дальнейшем проникло в европейскую литературу в XIX в. Основным смыслом этого учения, которое входит составной частью во всеобъемлющую концепцию гуманизма Низами, заключается в том, что подлинно любящий может принести в жертву своим чувствам лишь самого себя, но не других, что ради соединения с любимой он не имеет морального права перешагнуть через невзгоды других, что свое счастье нельзя строить на несчастье других людей, что наслаждение любовью, добытое ценой страдания других, рано или поздно отравляет саму любовь.

Основным моральным принципом поэмы «Лейли и Меджнун» — это так называемый «благородный эгоизм», который впоследствии начали проповедовать в европейской литературе XIX в. Как известно, благородный эгоизм, или благородная эгоистическая любовь ничего общего не имели ни с античной, ни с мусульманской, ни, тем более, с христианской этикой и эстетикой, так же, как и с рыцарской любовью. Кредо разумной эгоистической любви сводится к тому, что если человек любит другого, то он должен стремиться только к счастью любимого, к тому, чтобы видеть только в нем источник своего счастья.

* *

*

Низами родился в августе 1140 года в Гяндже. Полное имя его — Ильяс, сын Юсуфа, сына Муайеда. Низами — его поэтический псевдоним, что значит «нанизывающий слоги». Отец Низами — Юсуф, по-видимому, принадлежал к средним слоям городского населения и жил в достатке. Он дал своему сыну блестящее образование. Благодаря своим необыкновенным способностям и трудолюбию Низами постиг основы всех главных отраслей тогдашней науки. В круг его познаний входили философия (античная, индийская и мусульманская), история, богословие, математика, медицина, астрономия и др. Поэт владел в совершенстве персидским и арабским языками. В одном из своих произведений, он пишет:

Ясность мысли моей — от источников знания.

Все науки познав, я добился признанья.

(«Искендер-наме», пер. К. Липскерова)

Однако наибольших успехов Низами добился в литературе. Поэт хорошо знал историю арабской и персидской литератур, в совершенстве постиг основы поэтики. Еще в юношеские годы Низами пробовал свои силы на поэтическом поприще. Громадное поэтическое дарование и энциклопедические знания завоевали молодому Ильясу большую популярность. Его нежные лирические газели распевали во многих городах не только Азербайджана, но и Средней Азии и Ирана. Перед поэтом открывалась возможность блестящей карьеры. Однако он, не желая потерять драгоценную свободу, решительно отказался от придворной службы. Он жил своим трудом, терпел лишения, но это не сломило его воли.

В 1173 г. поэт приступил к работе над первой своей поэмой «Сокровищница тайн», которую он закончил в том же году. Поэма эта принадлежит к числу дидактических произведений. На Востоке поэмы такого рода известны еще со времен Рудаки, написавшего дидактическую поэму «Калила и Димна», из которой до нас дошли только отрывки. Однако поэма Низами как по содержанию, так и по форме была совершенно новым явлением в литературе. Она состоит из двадцати бесед (глав), где поучения переплетаются с замечательными притчами.

В поэме даются советы венценосцам о том, как жить и управлять страной. Поэт призывает властителей заботиться о подданных, не обременять их тяжелыми поборами, творить добро, не жить в бессмысленной роскоши, не пускать на ветер народное достояние и т. д., ибо в противном случае их постигнет небесная кара и их власть рухнет.

Низами отправил свою поэму Фахр-ад-Дину Бахрам-шаху, правителю Арзинджана в Малой Азии. Хотя поэт особых даров за свой труд не получил, поэма сразу же обратила на себя внимание литературных кругов.

Правитель Дербента Дарий Музаффар ад-Дин в 1170 г. послал поэту гордую кыпчакскую рабыню по имени Афак, которую ему не удалось покорить, сделать украшением своего гарема. Однако Афак вступила в дом поэта не как рабыня и наложница. Поэт принял ее как жену; Афак тоже нежно полюбила поэта. Вскоре она умерла, оставив после себя малолетнего сына Мухаммеда. Образ любимой жены никогда не покидал поэта, и, чтобы увековечить ее имя, Низами создал поэму «Хосров и Ширин», произведшую настоящий переворот в литературе того времени.

Эта поэма — гимн любви. В ней поэт воспел страстную, но чистую любовь гордой и умной красавицы Ширин к иранскому принцу Хосрову. В начале поэмы Хосров — безвольный юноша, ставший жизненные утехы превыше всего. Однако затем он меняется

под благотворным влиянием любви Ширин, становится гуманным правителем, заботящимся о своих подданных, ведет скромный образ жизни, как бы воплощая в себе те черты, которые должны быть присущи, по мнению поэта, идеальному венценосцу.

Поэма «Хосров и Ширин» принесла поэту заслуженную славу. Она быстро завоевала популярность на всем Ближнем и Среднем Востоке. Поэма была принята благосклонно и при дворе. Однако материальное положение Низами не улучшалось. К этому времени почти все его близкие и родные скончались. Одиночество и невзгоды омрачали жизнь поэта.

Но житейские тяготы не могли заглушить источник творческого вдохновения поэта. Он пишет новую поэму — «Лейли и Меджнун», которую завершает осенью 1188 г. За нею последовали еще две поэмы — «Семь красавиц» и «Искендер-наме» («Книга об Александре»). В этих поэмах, составивших «Пятерицу» («Хамсе»), Низами с огромной художественной силой воплотил свои общественные идеалы, совпадающие с чаяниями и мечтами народа.

Умер Низами в 1201 г. в своем родном городе Гяндже, где его могила и поныне служит местом паломничества.

История создания поэмы «Лейли и Меджнун» такова. В 1181 г. Низами закончил свою знаменитую поэму «Хосров и Ширин» и посвятил ее Джахан-Пахлавану (ум. в 1185 г.). Она произвела настоящую сенсацию. Слава, выпавшая на долю атабеков благодаря этой поэме, взбудоражила правителей и царей, соперничавших в ту пору с атабеками. Именно этим обстоятельством объясняется то, что в 1188 г. Ширваншах Ахсатан I (1160—1198), который ненавидел атабеков и все тюркское и постоянно враждовал с Джахан-Пахлаваном и Кызыл-Арсланом (1186—1191), отправил специального гонца к поэту в Гянджу с заказом написать в его честь новую поэму. Ширваншах, желая войти в историю, писал поэту:

Я хочу, чтобы в память о любви Меджнуна
Ты создал повесть, подобную редкому жемчугу...
Вершину тысячи повестей о любви
Ты разукрасил кончиком своей кисти.
Эта повесть должна быть шахом (царицей)* всех повестей,
И ты должен потратить на это сокровищницу слов.
Разукрась эту девственную невесту
Убранствами персов и арабов.
Ты знаешь, я ведь такой знаток слов,

* Здесь и далее в круглых скобках даны уточняющие, дополняющие значения.

Что новые двустишия от старых отличаю...
Смотри из шкатулки мыслей,
На чье ожерелье ты нанизываешь жемчужины!
Тюркство не свойственно нашей верности,
[И потому]* тюркоподобные слова нам не подобают.
Тому, кто из высокого рода,
Нужно высокое слово.

Здесь следует обратить внимание на выражение «Тюркство не свойственно нашей верности, [И потому] тюркоподобные слова нам не подобают». «Тюркоподобные слова» на языке Ахсатана и его окружения означало слова «грубые», «неотесанные», «низкого пошиба» и т. д.

Среди биографов Низами велись дискуссии по поводу этих строк. На основе приведенного двустишия и строк «убранством персидским и арабским украсил бы эту юную невесту» некоторые авторы до сих пор утверждают, что Низами собирался писать поэму на тюркском языке, а Ахсатан I приведенными выше словами запретил ему это делать. Но тогда спрашивается, кто же запретил Низами писать по-тюркски остальные поэмы? Другие исследователи (В. Дастгирди и Е. Э. Бертельс) отмечали, что здесь Ахсатан намекает на известную легенду о султани Махмуде и поэте Фирдоуси, которому «неотесанный тюрк» не заплатил обещанной им награды за эпос «Шах-наме». Здесь есть доля правды, однако одним этим не исчерпывается смысл слов ширваншаха. Он прежде всего, видимо, хотел оскорбить и унижить своих заклятых врагов, «грубых и неотесанных тюрков» — атабеков Мухаммеда Джанхан-Пахлавана, Кызыл-Арслана и др.

Дело в том, что Низами тоже была обещана награда за поэму «Хосров и Ширин», но, к сожалению, Джанхан-Пахлаван постоянно находился в походах, и по вине его чиновников поэт ничего не получил.

Ахсатану I было хорошо известно, что поэма «Хосров и Ширин» при дворе атабеков «была принята с большим сердечным одобрением, и была возвышена до небосвода. Пообещали столько имений и богатств, что поверить в это было невозможно. Много ненарезанных тюков китайского шелка, много мускуса, на который не осела пыль с воздуха, а также (много) хуттальских коней с царственной поступью, с золотыми уздечками и царскими чепраками».

Но ширваншах знал и то, что «задержалось выполнение обеща-

* В квадратных скобках даны слова и выражения, которые подразумеваются по смыслу текста.

ний, вьючное животное пало, а вьюк застрял, обещавший унес свои пожитки (т. е. умер) и оставил несжатым засеянное поле» поэта.

Возводивший свой род к «высокой» древнеиранской династии Сасанидов, кичившийся своим происхождением и ненавидевший тюрков, Ахсатан I решил воспользоваться этим обстоятельством и выместить злобу на своих политических противниках.

Вышеприведенными словами Ахсатан прямо говорил поэту: «Мы высокородные цари и исполняем свое обещание, мы верны своим словам и не поступаем так, как поступили низкородные тюрки—султан Махмуд по отношению к Фирдоуси и атабеки Джахан-Пахлаван и Кызыл-Арслан по отношению к тебе. Поэтому ты создай нам подобающие нашему высокому роду высокие, а не «грубые», «неотесанные», «тюркоподобные» слова.

Несмотря на политическую подоплеку письма Ахсатана I, его оскорбительные слова глубоко заделали поэта:

Когда кольцо шаха дошло до моих ушей,
Сознание из сердца подскочило к устам.
Не было у меня силы, чтобы отказаться,
Не было и зорких глаз, чтобы добраться
до такого сокровища.

Погрузился я в смущение и блуждал в нем,
Из-за дряхлости возраста и слабости состояния.
Не было близкого друга, с которым я
мог бы поделиться тайной
И которому мог бы подробно рассказать
о моих делах.

Вынужденный обстоятельствами, уступив уговорам любимого сына, Низами, затаив обиду, в течение четырех месяцев написал поэму «Лейли и Меджнун». Решив ответить ширваншаху на его выпад против тюрков, он поместил свой ответ в заключении книги, чтобы сразу же не разозлить ширваншаха и заставить его прочесть поэму до конца. Обращаясь к Ахсатану, поэт говорит:

Хотя чистое сердце и победоносное счастье
И являются твоими добрыми советчиками,
Все же и от этого советчика с божьей благодатью
Выслушай два-три слова, словно утренняя молитва.
Посмотри, сколько голов погубил мир,
И сколько царей он пережил.
Ты, бдительный шах, знающий свое дело,
Становись же [теперь], если сможешь,

бдительным тюрком.

Трудно придумать более утонченной издевки по адресу ширваншаха, чем та, которую содержит последняя строка. В расшифровке она звучит так: хотя ты поднаторел в государственных делах, но ты *еще* не стал человеком, ибо у тебя нет ни черт вождя, ни свойств полководца, ни достоинств богатыря, ни способностей бойца-героя, ни величия души, ни мудрости, ни справедливости, ни правосудия, ни благородной внешности, ни искренности и т. д. В конце призыв «становись тюрком!» дан в условном контексте «если сможешь». Это свидетельствует о том, что поэт специально подчеркивал неспособность Ахсатана стать таковым (тюрком). Более убийственного ответа на выпады Ахсатана против тюрков, пожалуй, никто, кроме Низами, не смог бы дать.

Как отмечалось, предание о Лейли и Меджнуне, возникшее первоначально на арабской почве, распространилось по всему мусульманскому Востоку и обросло множеством наслоений. Однако следует полагать, что главным материалом для Низами служили не фольклорные версии предания, а письменные источники, которые до XIII века существовали только на арабском языке. Низами для создания своей поэмы, по-видимому, пользовался такими источниками, в которых эта тема была детально разработана¹.

История о Лейли и Меджнуне зародилась в конце VII—начале VIII в. н. э. среди североарабских племен бедуинов. Письменное оформление этого предания относится к началу X в. Основными письменными источниками легенды о Лейли и Меджнуне, которыми мог пользоваться Низами, являются «Трактат о поэзии и поэтах» Ибн Кутейбы (ум. в 889 г.), «Книга песен» Абу-л-Фараджа ал-Исфахани (ум. в 967 г.) и доньше популярная на Востоке «Повесть о Меджнуне», составленная Абу-Бекром ал-Валиби (XI в.).

Содержание ранней повести о Лейли и Меджнуне во всех вышеуказанных источниках почти одинаково.

В Северной Аравии, в племени Амир жил одаренный юноша по имени Кейс ибн-ал-Мулаввах (по другим вариантам — Кейс ибн Муад или Махди ибн Муад и т. д.). Юноша с детства страстно привязался к девушке из своего племени — Лейли, с которой он пас верблюжат.

Лейли также нежно полюбила Кейса. Влюбленные часто встречались, и Кейс читал ей свои стихи, в которых описывал свои чувства и красоту Лейли.

Однако отец Лейли отказывается выдать дочь за Кейса. Кейс

¹ И. Ю. Крачковский. Ранняя история повести о Меджнуне и Лейли в арабской литературе. Сб. «Алишер Навои», М.-Л., 1946.

убегает в пустыню и живет там среди зверей, слагая прекрасные стихи о своей любви и возлюбленной. Он получает кличку Меджнун, что значит «безумный», «одержимый», «бесноватый». Родители насильно увозят его в Мекку, желая там исцелить его. Но Меджнун, случайно услышав имя Лейли, опять впадает в безумие. В священном храме Ка'бе он молит бога не исцелить его, а усилить его любовь к Лейли, и опять убегает в пустыню.

Услышав о прекрасных стихах и любви Меджнуна, некий Науфал ибн Мусахик старается помочь ему, но безуспешно. Отец Лейли выдает ее замуж за богача. Однако Лейли удается сохранить целомудрие. От горестей и сожалений муж Лейли заболевает и вскоре умирает. Умирает и Лейли, разлученная с Меджнуном. Меджнун, узнав о смерти Лейли, приходит на ее могилу и умирает там.

Имеется ряд дополнительных эпизодов, возникших значительно позже самого ядра повести и впоследствии привнесенных в основной сюжет.

Наиболее популярны следующие эпизоды:

1. Меджнун в пустыне случайно встречает охотника, поймавшего газель. Глаза газели напоминают Меджнуну глаза Лейли, и он, отдав охотнику свою одежду, освобождает газель, которая становится неразлучным другом Меджнуна.

2. Меджнун встречается со старухой, которая ведет на цепи человека, притворяющегося сумасшедшим, — эти несчастные таким способом зарабатывали себе на пропитание. Меджнун убеждает старуху посадить на цепь его самого, чтобы ему таким образом повидаться с Лейли.

3. Беседы с вороном и другими птицами.

Уже к началу XI в. история о Меджнуне и Лейли приобрела отчетливые черты законченной драматической повести. Могучее перо Низами превратило эту повесть в одну из величайших эпических драм мировой литературы.

Характерная особенность двух сюжетных поэм Низами — «Хосров и Ширин» и «Лейли и Меджнун» заключается в искусном переплетении и взаимодействии эпического и лирического элементов, в органическом сочетании этих двух начал. Эпическое повествование зачастую приобретает выраженный драматический характер, но изложение действия сопровождается лирическими излияниями героев, дидактическими поучениями и другими отступлениями от имени самого поэта.

Все эти элементы в «Лейли и Меджнуне» переплетены еще более органично, чем в «Хосрове и Ширин». Конфликт начинается и

завершается в трагических коллизиях, в столкновении естественных человеческих стремлений, чувств с законами окружающей действительности.

Для главных героев любовь — это естественная атмосфера, в которой им легко и свободно дышится и живет. Вне этой атмосферы жизнь для них бессмысленна. Но такая любовь чужда и непонятна окружающим, она противоречит освященному веками и традициями укладу мусульманского Востока.

Вследствие этого естественные душевные стремления героев неизбежно, независимо от их воли, приходят в столкновение не только с существующими законами и обычаями, но и с их собственными понятиями о долге. Эта внутренняя и внешняя борьба, которую вводят главные герои, лежит в основе сюжета поэмы.

Центральное место в поэме занимает образ Меджнуна. Поэт рисует, как постепенно нарастает его любовь к Лейли и приводит в конце концов к гибели. Автор знакомит читателя с родословной Меджнуна. Мы узнаем, что отец его «славнейший между шейхов властелин», справедливый человек. Но жизнь его омрачает отсутствие сына-наследника.

Лишь после того, как отец раздарил чуть ли не все свое богатство и провел несколько лет в молитвах, «Аллах вознаградил его» — жена родила ему сына, названного Кейсом. Мальчик с детских лет выделяется своей исключительной чувствительностью. Необыкновенный склад его души поэт приписывает влиянию сверхъестественных сил. Способность Кейса к сильным чувствам, то, что «в его крови была разлита сущность любви», по мнению автора, является следствием воли рока. Однако в дальнейшем Низами вопреки этому убедительно показывает, что любовь — неотъемлемое чувство, свойственное человеческой природе, вовсе не зависящее от воли рока.

Безумная любовь Меджнуна делает его изгоем среди своих соплеменников. За ним с криками бегают дети на улицах, на базарах, его преследует толпа. У него требуют, чтобы он перестал даже думать о Лейли и произносить ее имя. В своем окружении он не находит места, где мог бы помечтать о любви. Тогда Меджнун по утрам начинает убегать в пустыню, а вечером, когда «дурные глаза сомкнутся», пробирается на улицу своей возлюбленной, упивается тем воздухом, которым дышит она, и только поздней ночью, изможденный, возвращается домой. А рано утром он опять уходит в степь, туда, где нет «дурных глаз», где можно воспользоваться дуновением утреннего ветерка, чтобы послать Лейли свои любовные посланья, где можно свободно произносить имя Лейли, слагать в ее честь газели и оплакивать свою горькую судьбу.

Отец хочет спасти сына. Он едет к отцу Лейли, чтобы посва-

гать ее за сына, но, увы, слишком поздно. Отец Лейли, этот уважаемый среди соплеменников старец, храбрый и смелый воин, олицетворение «священных традиций», не может согласиться «запятнать свою честь»; «очернить свою седую бороду», выдав замуж свою дочь за «умалишенного», за «одержимого нечистой силой». Он считает, что Меджнун ославил себя среди всех племен своими любовными стихами, унизил мужскую честь, так цеступленно полюбив женщину. Здесь интересно сопоставить коллизию «Лейли и Меджнун» с сюжетом «Ромео и Джульетты», как это делает акад. И. Ю. Крачковский. Если в «Ромео и Джульетте» влюбленных порицают за недозволенную любовь, то в «Лейли и Меджнун» общественное мнение осуждает любовь вообще. Господствующие религиозно-этические представления того времени были именно таковы, какими изображает их Низами.

Исцелить Меджнуна от любви, которую все считают безумием, уже невозможно. Любовь к Лейли — естественное, необходимейшее условие его жизни, а он должен отказаться от нее ради того, чтобы жить! Понятно, почему Меджнун, узнав об ответе родителей Лейли, приходит в отчаяние. Он попал в заколдованный круг. Из этого круга ему нет выхода, но не потому, что у него слабая воля, пассивная натура, как считают некоторые критики, а потому, что он сам этого хочет. Ведь как «исцелиться» от того, что «впитано с материнским молоком», во имя какой цели он будет стремиться заполучить Лейли, если сначала он должен разлюбить ее, излечиться от тех светлых чувств, в которых заключен смысл его существования.

Меджнун любит и уважает своих родителей, дорожит своей честью, своим достоинством. Его терзает сознание того, что он огорчает отца и мать, что он не может оправдать их надежд. Постоянная внутренняя борьба подтачивает его силы, но в этой борьбе чувство любви побеждает.

Когда Меджнун осознает это, он уже не может жить среди своих сородичей. Ему приходится порвать с обществом, в котором он жил до сих пор. Он убегает в пустыню. Это — кульминационная точка трагедии. Теперь никакие события, влияния не могут изменить решения Меджнуна. Он решительно и бесповоротно порывает все узы, связывающие его с окружающей действительностью, сбрасывает с себя ярмо условностей. Он больше не может жить в обществе людей и убегает в пустыню к диким зверям.

Этот бунт Меджнуна против современного ему общества напоминает в какой-то степени позднейший романтический бунт байроновских героев, бегущих от варварства цивилизованной жизни к

дикарям. Меджнун не находит счастья вообще среди людей, он становится безумцем от бесчеловечности современного ему общества.

Однако, в отличие от байроновских героев, Меджнун не питает к людям ненависти, ибо понимает, что зло, причиненное ему, есть следствие их невежества. Единственное утешение для него—дружба с животными. Отметим, что Низами очень последователен в толковании данных эпизодов.

Если последующие поэты, обращавшиеся к той же теме, дружбу Меджнуна с дикими животными объясняли вмешательством сверхъестественных сил, говоря, что то были не звери, а ангелы в образе животных, то Низами в трогательной дружбе Меджнуна с животными не видит ничего необычного. Меджнун кормит животных той пищей, которая у него есть, а они за это оберегают его от опасностей. Здесь Низами еще раз противопоставляет естественный мир зверей, воздающих добром за добро, искусственному миру людей, ставящих преграды на пути тех, кто стремится к любви и добру.

Родители Меджнуна насильно увозят его в Мекку. Но он молится не об «исцелении», а наоборот, просит бога сделать его любовь к Лейли еще более страстной. Страсть его разгорается все больше. Родители убеждаются в бесполезности своих стараний и больше не трогают его.

Услышав о трагической участи Меджнуна, правитель одного из арабийских племен по имени Науфал решает помочь Меджнуну и идет войной против племени Лейли. Но во время боя сам Меджнун желает удачи племени Лейли и сражается на стороне ее сородичей.

Тогда Науфал отказывается от своего намерения, и у Меджнуна исчезает последняя надежда на соединение с любимой. Отчаявшийся Меджнун упрекает Науфала в невыполнении обещания, хотя он сам только что мешал сражавшимся на его стороне. Такая непоследовательность героя не кажется у Низами поэтической небрежностью—напротив, это еще более подчеркивает внутреннюю борьбу, происходящую в Меджнуне. Его стремление соединиться с Лейли вступает в противоречие с его возвышенной любовью к ней, в силу которой он не может причинить зло никому, кто близок к любимой; но в то же время он и не может отказаться от своего стремления к ней. Эта трагическая коллизия в конце концов убивает его.

Между тем Лейли против ее воли отдают замуж за богатого юношу по имени Ибн-Салам. Весть об этом усугубляет отчаяние Меджнуна. Он рыдает, стонет, не зная сна и пищи. Он беспрестанно слагает и поет газели о своей любви, которые любители поэзии собирают и записывают. Постепенно поэтический образ вытесняет

живую Лейли из его сознания — он живет только мечтой о ней. Когда Лейли умирает, Меджнун приходит на ее могилу и тоже умирает там.

В образе Меджнуна Низами показал противоречие между естественным чувством человеческой любви и искусственно созданными преградами на пути к ней.

Образ Лейли — одно из лучших созданий пера Низами. Этот образ выписан живо, рельефно, с любовью. Наряду с традиционными чертами описания, характерными для восточных красавиц, здесь мы видим и четко обозначенные индивидуальные черты, с помощью которых Низами создает запоминающийся образ.

Лейли — красавица, дочь знатного человека. Жизнь ее должна была бы быть легкой и спокойной. Она выросла в дозволстве и неге, потом ее выдали бы замуж за сына какого-нибудь шейха, она родила бы множество детей и умерла бы, не испытав никаких тревожений. Но случилось иначе. Лейли встретила с Кейсом, привязалась к нему; постепенно привязанность превращается в настоящую любовь. Без этой любви она уже не может жить. Но она слишком рано на собственном горьком опыте убеждается, что ей нельзя любить. Любовь женщины — это тяжкий грех, позорное преступление против родителей, против соплеменников, против самой себя. Женщина — «это товар, который можно продавать и покупать». Именно на таком языке идет разговор между обоими родителями во время сватовства в главе «Отец Меджнуна отправляется сватать Лейли». Этот разговор напоминает диалог двух купцов.

Таким образом, и у Лейли ее чувства вступают в противоречие с долгом. Однако она, убедившись в том, что ей не полагается иметь своих желаний и чувств, не ропщет против этой несправедливости, не уходит, как Меджнун, в горы. Ее рабское положение кажется ей если и не естественным, то во всяком случае необходимым — так уж заведено исстари. Раз ты женщина, то твой долг — беспрекословное исполнение воли сначала отца, а затем мужа. В доме отца ты обязана беречь свое целомудрие, не выходить из дому, опасаться чужих взглядов.

Начинается тяжелая внутренняя борьба. Любовь толкает Лейли на рискованный шаг: она назначает тайное свидание Меджуну. Но в решительный момент понятия о «чести», «долге», «женском стыде» удерживают ее. Когда Меджнун приходит к ней, она убегает и скрывается в шатре.

Внушенное воспитанием понятие долга заставляет Лейли отказаться от стремления соединиться с любимым. Когда ей приказывают не встречаться с Кейсом, она безропотно выполняет этот приказ. Когда, ее выдают замуж за незнакомого человека, она тоже пови-

нуется. И все же торжество внешних понятий долга оказывается чисто внешним. Повинуясь воле отца, Лейли избегает встреч с Меджнуном, но она не может перестать любить его. Выйдя замуж, выполнив волю отца, она все время вспоминает о былом счастье, мечтает о несбыточном, предается сладостным любовным страданиям...

Лейли считает, что она страдает больше, чем Меджнун. Меджнун — свободный мужчина, он пользуется теми правами, которых она как женщина лишена. Когда Меджнун уже не в силах жить среди своих соплеменников, среди «озверелых дикарей», он покидает общество, уходит в пустыню к зверям, чтобы поставить себя вне законов человеческого общества. Никто не может заставить его оставаться среди людей. Но положение Лейли иное. Если бы даже она захотела бежать, как Меджнун, в пустыню, окружающие не дали бы ей этого сделать. Тот же ее отец, который по-своему очень любил свое единственное дитя, не задумываясь, убил бы Лейли в этом случае.

Если Меджнун среди зверей делает все, что ему хочется: вслух мечтает о своей возлюбленной, изливает свои горести, слагает и поет газели в честь Лейли, то последней приходится скрывать свои чувства от людских взоров, притворяться, не высказывать внешне своих страданий. От этого муки ее еще нестерпимей. Эту разницу в положении влюбленных поэт раскрывает с большой художественной убедительностью.

Поведение Лейли, не забывающей о своей любви и остающейся ей верной, является само по себе подлинным героизмом. Она совершает неслыханный по тем временам подвиг: в первую брачную ночь, когда Ибн-Салам хочет заключить свою жену в объятия, Лейли не дает ему прикоснуться к себе. Но жестокая внутренняя борьба подтачивает ее силы, и она в конце концов умирает.

...Огонь ее жизни уже потух, остались искорки, которые поддерживаются мыслью о Меджнуне. Осень. Тлеют, затухают и последние слабые искорки жизни в природе. Лейли тихо угасает, благословляя родителей, с именем Меджнуна на устах.

Образ Лейли — прекраснейший женский образ, созданный Низами, одно из величайших достижений мировой поэзии.

Существенную роль в трагедии играют отец Лейли и отец Меджнуна. Если Меджнун и Лейли олицетворяют вечные, истинно человеческие начала, то отец Меджнуна, как и отец Лейли, — типичные представители своего времени, своей среды, ограниченной кругом условностей.

Отца Лейли и отца Меджнуна при всем различии их индивидуальностей роднит одна общая характерная черта. Они оба —

живое олицетворение традиций, созданных их предками и освященных веками. Они слепо придерживаются раз и навсегда установленных догм, сознавая, что всякое нарушение их будет ударом по самим основам их существования и авторитета.

Отец Лейли и отец Меджнуна по-своему добры и справедливы. Они желают для своих детей только счастья, но это счастье они понимают по-своему.

Собственные поступки и чувства служат для них единственным мериллом при оценке поступков и чувств других людей. Когда они обнаруживают, что чувства их детей не такие, как у их отцов, они сразу решают, что их детям грозят «опасности» и «бедствия», которые не только погубят их, но и опозорят все племя, их род. И вот отцы, не жалея сил, «спасают» своих детей, свою честь и доброе имя. Они не догадываются, что в этом «спасении» заключается гибель для их детей, а вместе с тем и гибель их надежд. Так ничего и не поняв, сетуя на волю рока, они губят и детей, и самих себя...

Большое внимание уделяет Низами образу Науфала. Это справедливый, разумный правитель, примеру которого, по замыслу автора, должны следовать все венценосцы.

Бегло, но с большой поэтической силой очерчен образ Ибн-Салама, жениха и мужа Лейли. Он богат, знатен, умен, красив, учтив и смел; он — вместительница всех тех добродетелей и доблестей, к которым стремится большинство его современников. Ибн-Салам — типичный представитель блестящей молодежи, и любая семья с радостью готова породниться с ним.

Но у него нет того внутреннего совершенства и тех высоких чувств, которые возвышают Меджнуна над сородичами. Ибн-Салам, увидев Лейли, влюбляется в нее, но он любит ее не так, как Меджнун. Ему нет никакого дела до ее души. Поэтому и отношение поэта к нему явно отрицательное.

Вся система образов Низами подчинена одной цели — раскрытию идейного содержания поэмы. Той же цели служит и композиционное построение поэмы. Конечно, Низами не мог не отдать дань традиции. Прежде чем перейти к сюжету поэмы, он пишет ряд вступлений. Сначала следуют главы, посвященные восхвалению Аллаха и пророка, затем идет обращение к ширваншаху. После этих вступительных глав, ставших ко времени Низами обязательным литературным канонам, идут главы, носящие характер дидактических и философских отступлений: «Об отказе от служения царям», «О том, что нельзя терпеть гнет», «О радости служения народу» и др. Хотя эти главы не имеют прямого отношения к самой теме поэмы, они приобретают огромное значение при изучении творче-

ства и мировоззрения поэта. Далее излагается история написания поэмы, после чего следует сама поэма.

Поэма разделена на небольшие главы. Изложение событий построено по хронологическому принципу. Однако автор часто параллельно какает в разных главах событий, связанных в одних случаях с Лейли, в других — с Меджнуном.

Поэма изобилует лирическими и философскими отступлениями, мыслями о жизни, поэтическом творчестве, общественных обязанностях человека и т. д. Интересны, например, мысли Низами о поэтическом творчестве, в частности те бейты, в которых он советует своему сыну не увлекаться поэзией.

Почти каждая глава, каждый раздел поэмы, за исключением тех, в которых содержатся традиционные славословия бога, пророка и пр., начинается с обращения поэта к виночерпию с просьбой дать ему «чистое вино», «живительный напиток», чтобы он утопил свое горе, свои страдания в нем, чтобы он «погрузился в забвение». Эти обращения служат средством усиления эмоционального настроения повествования. В других разделах поэмы эти обращения к виночерпию находятся в конце, обрамляя лирические или же философские отступления. Так, каждый раздел вступления, где поэт вспоминает об усопших родственниках и близких, завершается этими обращениями к виночерпию, придающими рассказу поэта особую выразительность.

Действие в поэме разворачивается постепенно, неторопливо; как мы указывали, изложение то и дело перемежается авторскими отступлениями или лирическими монологами и письмами Лейли и Меджнуна. И тем не менее, поэма до предела насыщена драматизмом. Поэт мастерски использует богатый арсенал изобразительных средств восточной поэзии — оригинальные поэтические сравнения, эпитеты, метафоры, неожиданные гиперболы. Все эти образные средства художественного поэтического выражения служат всестороннему раскрытию содержания.

Условный поэтический язык лирической поэзии у Низами приобретает небывалую весомость и выразительность. Так, например, в главе о замужестве Лейли поэт сравнивает ее с «рубином», а ее мужа Ибн-Салама — с «камнем», называет ее «сокровищем», а его — «змеем», ее — «луной», а его — «драконом». Эти традиционные сравнения в сочетании приобретают особую значимость, выразительность и помогают глубже раскрыть идейное содержание поэмы, яснее представить положение, в котором оказалась Лейли: она прекрасна, как рубин, но, подобно тому, как рубин заключен в камень (горную породу), Лейли томится в неволе у нелюбимого Ибн-Салама; ее краса бесценна, как сокровище, но ее, как сокровище, сторо-

жит змей — ненавистный муж; она прекрасна, как луна, но находится в пасти дракона, как, по представлению древних, луна во время затмения.

Описывая встречу Ибн-Салама с Лейли, поэт называет ее «свечой», а его «ветром». Опять-таки это сравнение, само по себе не отличающееся оригинальностью, здесь помогает с большой поэтической силой раскрыть характеры героев, их взаимоотношения¹. Поэт при помощи данного образа показывает, что Ибн-Салам и Лейли как личности абсолютно противоположны друг другу, исключают друг друга, ибо когда ветер стремится к свече, он тушит ее... Таким образом, читателю сразу становится ясным, к каким печальным результатам приведет насильственная женитьба Ибн-Салама на Лейли.

Очень интересен часто встречающийся в поэме прием гиперболизации явлений, когда гиперболы гармонично вводятся в художественную ткань произведения. В совершенстве владеет поэт и искусством метафоры, причем для своих метафор он берет самые обыденные, простые предметы и явления из повседневной жизни, поэтизирует и одушевляет их.

Одним из любимых художественных приемов поэта является цепь параллельных контрастных образов, вариаций, при помощи которых он блестяще передает состояние и характер своих героев. Таково, например, описание встречи двух влюбленных в главе «О том, как Меджнун отправился взглянуть на Лейли».

Низами — один из величайших мастеров пейзажа в восточной литературе. В поэме можно найти великолепные описания смены дня и ночи, лета и осени, пейзажи, рисующие величественные горы и выжженные аравийским солнцем пустыни, цветущие сады и поля. Особенно запоминается описание прихода осени, умирания природы в главе, где говорится о смерти Лейли. Эта сцена написана с такой поэтической силой, что оставляет необычайно яркое, почти зрительное впечатление.

Низами использует все семантические возможности слова, все его значения и оттенки, нередко при этом создавая головоломки, трудные для понимания и особенно для передачи на другом языке. Поэма написана в форме месневи, то есть попарно рифмованными стихами, размером хазадж. Этот размер очень плавен и обладает большим ритмическим разнообразием. Его можно читать и в ускоренном, и в замедленном темпе в зависимости от характера и логического развития повествования.

¹ Кроме того тут присутствует и игра слов: слово «хава» по-персидски означает и «ветер», и «страсть».

В «Лейли и Меджнуне» Низами с гениальным мастерством показал тончайшие изгибы человеческой души, многообразные струны человеческого сердца, страсти и высокие чувства, борьбу и столкновение светлых человеческих стремлений с жестокими законами мрачной средневековой действительности.

Поэма «Лейли и Меджнун» Низами вызвала к жизни целый ряд одноименных поэм, в той или иной степени близких ей по содержанию. Видное место среди них занимают творения Навои (XV в.) и Физули (XVI в.).

Подлинное изучение Низами в нашей стране началось после установления Советской власти. Накануне 800-летия со дня рождения Низами был осуществлен невиданный по своим масштабам план мероприятий по увековечению памяти поэта, всестороннему изучению и широкой популяризации его творческого наследия.

Впервые были собраны старейшие рукописи сочинений Низами, опубликованы тексты, воспроизводящие состояние произведений Низами в конце XIV в., написано значительное количество монографий, статей, эссе о жизни и творчестве поэта, переведены полностью или частично на азербайджанский, русский и другие языки все его дошедшие до нас произведения.

Образы героев Низами были увековечены в живописи, скульптуре, мозаике, в балетном и оперном искусстве. Труды А. Е. Крымского, Е. Э. Бертельса, И. Ю. Крачковского, М. Рафили, А. Ализаде, Г. Араслы и других ученых щедро пролили свет на жизнь, эпоху, биографию и творчество великого поэта. Особо следует отметить фундаментальную монографию З. М. Бунятова «Государство атабеков Азербайджана», в которой ярко воссоздана общая картина исторических событий, общественной и в какой-то степени культурной жизни той эпохи.

Исключительно ценную работу проделали и видные иранские ученые Вахид Дастгирди и Са'ид Нафиси. Высокоэрудированный, великолепно знавший классическую культуру мусульманского Востока, образную систему персоязычного и арабоязычного мышления, стилистики и стихосложения В. Дастгирди впервые осознал необходимость тщательной работы по восстановлению поэтического наследия Низами. В сороковых годах нынешнего века он опубликовал собрание сочинений поэта на основе 30 рукописей, снабдив текст своими комментариями.

Однако издание В. Дастгирди было осуществлено по традиционному методу, без учета современных требований текстологической науки, без фиксации разночтений. Именно это обстоятельство заставило советских ученых под руководством члена-корреспондента АН

СССР Е. Э. Бертельса с участием академика АН Азербайджанской ССР А. А. Ализаде вновь обратиться к подготовке научно-критического текста «Пятерицы» Низами. В период, предшествовавший юбилею поэта, была создана комиссия, которая собрала старейшие рукописи «Пятерицы» и отдельных ее поэм, были подготовлены и опубликованы их научно-критические тексты.

Надо отметить, что старейшие списки, находившиеся в распоряжении ученых-текстологов, были переписаны во второй половине XIV в., то есть почти через двести лет после создания поэм «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун» и т. д. Как известно, чтобы исказить текст классических памятников не нужно много времени и усилий. Искажение начиналось еще при жизни автора, с момента переписки и размножения его сочинений. Это обстоятельство хорошо понимали сами поэты и писатели того времени. Как метко заметил один из них, «персидский текст после третьей переписки превращается в арабский».

Искажение текстов происходило так быстро и в таком широком масштабе, что это вызвало в средневековой литературе появление специального жанра — авторского обращения, которое адресовалось к переписчикам, которые вследствие различных причин искажали текст поэтических и прозаических произведений. Классические образцы подобных обращений содержат азербайджанский и персидский «Диваны» Физули. «О господи,—говорил поэт,—храни и берегай в крепости своей эту прекрасную.. красавицу (книгу)... от всех злодеев, а особенно от трех разрядов гнусных людей. Во-первых, от того дурного писца, круглого невежды, чье дурное перо является ломом, разрушающим здание просвещения, а перо, наводящее тоску, служит зодчим, воздвигающим здание глупостей. Он то одной точкой превращает «любовь» в «мучение», то, изменив одну букву, из «блага» создает «бедствие»¹:

«Пусть отсохнут руки писца, который разрушает
Благоустроенный храм науки и просвещения!...» —

воскликает поэт.

Несмотря на значительный объем работы, проделанной азербайджанскими текстологами, проблема восстановления подлинных текстов, вышедших из-под пера Низами, не была полностью решена. Отсутствие достоверных, древних списков сочинений Низами, слабое состояние текстологической науки, некомпетентность большинства составителей в области классической филологии, требующей от текстолога прекрасного знания литературы на персидском, араб-

¹ Физули. Избранное. Баку, Азернешр, 1958, с. 46.

ском и тюркском языках, правил стилистики и стихосложения, географии и аномастики, истории и исторических реалий, географии и т. д., — все это привело к тому, что уровень чистоты текстов произведений Низами, опубликованных у нас, оказался ниже, чем в издании Вахида Дастгирди. Этот факт предопределил, естественно, и характер поэтических переводов произведений Низами на азербайджанский, русский и другие языки — в их тексты перешли все ошибки оригинала. Отсутствие научно достоверных текстов произведений поэта, внесение в них на протяжении восьми веков дополнений, интерполяций, изменений, переделок породили, в частности, путаницу в средневековых и современных источниках, освещающих биографию поэта. Для иллюстрации сказанного можно привести такой пример.

Как упоминалось выше, Низами родился в древней столице Арана городе Гяндже. Он рос, жил почти безвыездно (лишь один раз он ненадолго покидал Гянджу, причем уезжал недалеко) и умер там. Однако слава поэта впоследствии стала так велика, что многие города стремились приписать себе его происхождение. Именно на этой почве возникла знаменитая легенда о том, что Низами родился в священном городе Куме, расположенном на расстоянии ста пятидесяти километров к югу от Тегерана, где похоронена «непорочная дева» — сестра имама Рзы.

Впервые эта легенда сообщается в историко-литературной хронике «Хуласат-ал-Ахбар ва Зубдат ал-ас'ар» («Квинтэссенция известных и сливки стихов») Таки ад-Дина Авхади, который закончил свое сочинение в 1606/7 гг. Авхади пишет: «Родом он был из области Кума, но родился он в Гяндже».

Как доказали В. Дастгирди, Е. Э. Бертельс и С. Нафиси, эта легенда возникла у Авхади на основе двух бейтов, внесенных в текст «Икбал-наме» после XIX в. патриотами города Кума и поклонниками Низами. Здесь я привожу подлинный текст Низами:

«Низами, открой замок сокровищницы,
До каких пор и доколь ты будешь пленником
Гянджи (сокровищницы)?
Выложи, если ты уложил какую-нибудь дичь,
Пускай в хождение, если накопил сокровищницу».

Текстолог, знакомый с искусством Низами, который выжимал из слова все его возможности, подобно ювелиру, который выявлял все грани алмаза, сразу заметит, что поэт здесь обыгрывает этимологическое и лексическое значения слова «Гянджа», которое обозначает «сокровищница». Если перевести на обиходный язык смысл

этих двустиший, то он таков: «До каких пор ты будешь оберегать сокровищницу мыслей в этом городе — Сокровищнице? Покажи всем, если ты поймал в этом море мыслей редкую дичь, улов (образ), сделай доступным всем людям всю сокровищницу утонченных истин, которую ты накопил». Подтекст же двустишия повторяет излюбленную жалобу-сравнение Низами: «До каких пор ты будешь пленником Гянджи—Сокровищницы, вырвись из нее на арену мира».

Если вставить в эти стихи даже не целое двустишие, а лишь одно слово, то уже нарушается связь между посылкой и следствием, логический ход повествования и целостность образа.

Однако это не помешало интерполяторам из Кума вставить следующие двустишия между цитированными бейтами:

Незами, зе кенчине богшај бэнд
Керефтарије Кенчэ та чэнд, чэнд?
Борун ар экэр сејди эфкэндеи
Рэван кон экэр кэнчи акэндеи.

Подобно жемчужине я затерян в море Гяндже,
Но я из Кухистана, города Кума.
В Тафрише есть деревня по имени Та.
Низами оттуда стал искателем [славного] имени.

В этих четырех интерполированных строках содержится несколько вопиющих ошибок. Во-первых, «моря Гянджи» никогда не существовало и, следовательно, не было и почвы для поэтического сравнения, развернутой метафоры. Во-вторых, слово «Кухистан» в персидских текстах, тем более, в поэтических, всегда писалось через букву «кяф» (ك). а не «каф» (ق), как это мы видим в арабизированной форме этого персидского слова. В-третьих, город Кум не имел никакой области, пригорода или округа под названием Кухистан, ибо, как это известно любому компетентному географу, «Гухистан, арабизированная форма Кухистана, — область (вилайет) в Хорасане». В-четвертых, Тафриш — округ, который тоже не имеет никакого отношения к городу Куму, ибо он расположен на западе Ирана, в районе города Саве. В-пятых, до XIV в. название Тафриш писалось не через « ت манкута», а через «та-и муаллафа», а буква «ф» через «б» — Табриш. Для доказательства можно сослаться на стихотворение, приведенное в знаменитой исторической хронике Раванди «Рахат ас-Судур» («Услада сердец»), написанной в 1202 г. и принадлежащей перу поэта Шамс ад-Дина Лазари. Жалуюсь на

¹ Бурхан-и Кати Мухаммед-Хусейна Табризи, т. III. Тегеран, 1962, с. 1549.

террор, убийства и кровавые деяния ордена исмаилитов-ассасинов, поэт пишет:

«Государь, место батинитов («скрытых») — это Кум, Кашан, Абе и Табраш». Следует заметить, что Табраш дальше рифмуется со словом аташ («огонь»), что изобличает интерполятора еще в одной ошибке. Наконец, как показало сравнение текста «Икбал-наме», опубликованного В. Дастгирди, и исследования С. Нафиси, ни в одном из древнейших списков поэмы таких строк нет!

Таким образом, беспочвенность указанной легенды очевидна. Для иллюстрации трудностей, стоящих перед исследователями, работающими над восстановлением первоначального текста поэм Низами, приведем еще пару примеров.

«Лейли и Меджнун» является третьей поэмой Низами. К моменту ее написания он был уже окончательно сформировавшимся художником с определенными общественно-политическими, этическими и эстетическими воззрениями, творческими принципами и стилем.

Заметим, что сначала Низами написал саму поэму, а затем уже оформил ее соответствующим образом, присовокупив к ней традиционное славословие Аллаху, пророку, панегирик ширваншаху Ахсатану, биографические сведения и несколько назидательных отрывков. Именно в процессе написания этих славословий и дидактических отрывков поэт произвел подсчет количества строк поэмы, о чем специально упомянул в следующих стихах:

Все, что было накоплено в ларце ума,
Я израсходовал на ее украшения.
Эти четыре с лишним тысячи двустиший
Были сложены в течение менее, чем четырех
месяцев.

Если бы меня не отвлекали посторонние дела,
Я закончил бы ее в течение четырнадцати суток.
Да будет благосклонен тот,
Кто благословит появление этой благородной
повести.

Украшена она была наилучшим образом,
В последнее число раджаба в [году]
«си», «фи», «дал».

Ясная дата, которую она имела при себе, —
Это восемьдесят и четыре после пятисот.

Как явствует из этого прямого указания поэта, он завершил свою поэму, которая состояла из четырех с лишним тысяч бейтов, в течение четырех месяцев 30-го раджаба 584 г. (26 сентября

1188 г.). Автор точно указывает объем поэмы — «четыре тысячи с лишним бейтов». Это значит, что всего в поэме было четыре тысячи и тридцать, пятьдесят или самое большее сто двустуший.

Однако во всех изданиях, опубликованных до Вахида Дастигирди, количество бейтов доведено до пяти тысяч трехсот. Впервые на это обратил внимание сам В. Дастигирди. Глубокий знаток стилистики, он сразу заметил, что целые эпизоды добавлены к поэме позднейшими переписчиками или редакторами. Тысяча шестьсот строк—это целая поэма!

Такие добавления в ту эпоху были в большой моде. Интерполяции и дополнения, внесенные на протяжении многих веков в тексты восточных авторов, являются главным источником многочисленных недоразумений и ложных толкований, а иногда и весьма печальной славы, которая надолго закреплялась за крупными мастерами поэтического слова. Дело в том, что авторитет и популярность выдающихся поэтов на протяжении всего классического периода служили гарантией успеха приписываемых им произведений начинающих или малоизвестных поэтов и писателей. Известный историк и географ X века Ал-Мас'уди вот что пишет о знаменитом арабском писателе ал-Джахизе: «Рассказывал Абу-Усман... ал-Джахиз, что сочинит он бывало книгу, богатую мыслями, красивую слогом, и припишет ее себе, — но не видно, чтобы ее хотели слушать или желали бы ее иметь. А затем сочинит другую книгу, худшую и менее поучительную, и припишет ее Абдаллаху ибн ал-Мукаффе или Сахлю ибн Харуну или кому-нибудь другому из предшественников, имена которых известны как имена писателей, и все заявляют на нее спрос и спешат переписать ее, — и только из-за того, что она написана одним из предшествующих писателей, а также из-за того, что в душе людей этого века таится зависть к автору, который является их современником».

Именно желанием малоизвестных поэтов обеспечить успех своим произведениям, прикрывшись именами великих и признанных авторов, можно объяснить происхождение включений в текст «Шахнаме» Фирдоуси, «Куллията» Са'ди и т. д. Кроме того, имена и слава выдающихся мастеров слова часто служили якорем спасения для вольнодумцев и инакомыслящих поэтов и философов, создававших и распространявших произведения, содержание которых шло вразрез с учением ортодоксального ислама и было, таким образом, направлено против догматов тогдашней действительности. Только этим можно объяснить возникновение многочисленных антиклерикальных и богоборческих, бунтарских, вольнолюбивых четверостиший, которые создавались под именем клеймечного мусульманским духовенством Омара Хайяма.

Иногда эти отрывки, искусно введенные в художественную ткань тех или иных произведений крупных поэтов, в какой-то степени даже влияли на дальнейший ход литературного процесса, вызывая целый ряд подражаний.

Именно так произошло в данном случае. Во всех рукописях, использованных составителями критического текста поэмы «Лейли и Меджнун», оказались, без всякого сомнения, добавленные впоследствии эпизоды «Зейд и Зейнаб», «Зейд видит во сне Лейли и Меджнунна в раю» и т. д. Объем этих дополнений составляет тысячу триста бейтов, то есть две тысячи шестьдесят строк — почти половину «Евгения Онегина»! Из этих интерполированных строк примерно тысяча двести строк принадлежат неизвестному поэту, который произвел основательную редакцию поэмы. Остальные он извлек из разных мест самой поэмы, увязал их с собственными добавлениями, чтобы совместить с сюжетной линией. В. Дагстгирди выделил все эти добавления, но вместе с подлинными стихами Низами в объеме восьмьсот строк, извлеченных из разных мест поэмы. Все эти интерполяции были восстановлены (!) в тексте «Лейли и Меджнун», подготовленном и опубликованном нашими текстологами. Не будучи достаточно компетентными в отношении стиля Низами, его источников, последующих одноименных поэм, они буквально следовали редакции текста, представленной в рукописях XIV в.

Основательное знакомство с текстологической наукой должно было подсказать им, что эпизодов «Зейд и Зейнаб», «Сон Зейда» и других не было в арабских источниках Низами и они не зафиксированы в одноименных поэмах ближайших последователей Низами — Хосрова Дехлеви, Джами и Алишера Навои. Этот эпизод встречается у Физули, который тоже пользовался позднейшими рукописями. Физули, как это рассмотрено нами в специальной статье, видимо, тоже где-то чувствовал чужеродность этих интерполированных эпизодов. Но он, будучи великим поэтом, сумел творчески подойти к этому, органично ввести всю легенду о Зейде и Зейнаб в свою поэму.

Глубокое знакомство со стройным гуманистическим учением Низами о возвышенной любви, его стилем должно было подсказать составителям текста, что лубочные по форме и содержанию отрывки эти — черная заплатка на «белом убранстве» поэмы.

Естественно, возникает вопрос: почему так случилось? Почему оказался искаженным один из замечательных шедевров Низами? Ответ этот напрашивается сам собой. В поэме не было так называемого «счастливого конца», что, конечно, удручало читателя-обывателя. И вот, последующие «редакторы» стремились приспособить поэму к невзыскательному вкусу среднего читателя.

Все эти искажения, к сожалению, полностью отражены в научно-критическом тексте поэмы «Лейли и Меджнун», опубликованном нашими текстологами, и, естественно, отсюда перешли в переводы. Поэма «Лейли и Меджнун» была переведена на азербайджанский язык Самедом Вургуном. По точности, мастерской передаче изощренного словесного искусства Низами средствами современного азербайджанского языка, по завершенности воссоздания поэмы перевод Самеда Вургуна является шедевром, образцом воплощения выдающегося памятника, созданного на одном языке в равноценный в другой языковой оболочке, отвечает современным требованиям, предъявляемым к сложному искусству перевода.

К сожалению, все недостатки, искажения, дополнения, содержащиеся в научно-критическом тексте издания, перешли и в этот перевод. Остальные поэмы Низами еще ждут своего высокохудожественного стихотворного перевода. Конечно, эта задача грандиозная. Переводчик должен быть поэтом, если не равным Низами, то по крайней мере поэтом-востоковедом высокого класса. Ведь кроме языкового барьера существуют и другие многочисленные барьеры — этический, эстетический, теософский, философский и пр. В переводчике должны соединяться высокий поэтический талант, эрудиция историка и литературоведа; он также должен быть тонким знатоком богопонимания Низами.

Предлагаемый читателю перевод является своего рода продолжением текстологической работы, начатой В. Дастгирди, и первой попыткой представить филологически полный текст русским читателям, а также поэтам, желающим предложить новый вариант художественного стихотворного перевода.

При переводе мы прежде всего ставили перед собой задачу: раскрыть содержание текста «Лейли и Меджнун», дать свое толкование его. Известно, что тексты классических произведений тюркских и персоязычных литератур допускают самую различную, подчас взаимно исключаящую друг друга трактовку. Этому способствуют как многочисленные искажения и разночтения в дошедших до нас рукописях, так и особенности арабской графики. Поэтому понадобились обширные комментарии, призванные ликвидировать разногласия толкования.

Исходя из специфики поставленных задач мы стремились сделать перевод максимально точным, но вместе с тем и не нарушающим норм русского языка. Перевод осуществлен с издания В. Дастгирди с использованием и бакинского издания текста поэмы. Все приписываемые перу Низами эпизоды («Зейд и Зейнаб», «Сон Зейда» и т. д.), а также отдельные бейты, более позднее происхождение которых было установлено еще В. Дастгирди, даны нами в постраничных сносках.

I. НАЧАЛО КНИГИ.
ВО ИМЯ АЛЛАХА,
МИЛОСТИВОГО И МИЛОСЕРДНОГО

О Ты, чье имя — лучшее начало,
Как я могу начать книгу без Твоего имени?!

Ты — разрешитель дел всего сущего,
Имя Твое — ключ от всего сокрытого.

С извечных времен никакие письма
Не были начертаны без Твоего благостного имени.

Ты творец основы всех творений,
Запрещено тиранство у Твоей двери.

Обращение к Тебе: — «Да благословит Аллах!»
Благодать Твоя вечна, умножь ее для нас¹.

Завесы семи невест² и девяти паланкинов³
Находятся в Твоем чертоге.

Ты — сущий за пределами разума,
Ты знаток всего тайного и явного.

Все, что ушло [в небытие] и успокоилось [в бытии],
Ты создал своим: «Да будет!» — и стало!⁴

Ты даровал разум, Ты первопричина души,
Твоей воле покорны все бытие и небытие.

Лишь Тебе доступен мир непостижимый,
Лишь Ты можешь наполнить или опустошить мир.

Лишь Тебе присущи Твои свойства,
Лишь Ты можешь наложить запрет на известное дело.

Твоей воле принадлежит неограниченная власть,
И вселенная происходит от Твоего приказа.

Ты -- конечная цель [мечтаний] тех, у кого высокие помыслы,
Ты — желание сердец жаждущих.

Ты накладываешь сурьму⁵ [на глаза] прозорливых
(высоко видящих),
Ты отпираешь двери тех, кто видит внутри.

На листе Твоем начертаны
Уроки времени изначально и до конца.

Ты господин, а все остальные — Твои слуги,
Ты властелин (султан), а все остальные — никто.

Твой путь благодаря вечно не меркнушему свету
Свободен от соучастия и соучастника⁶.

Перед Твоими бесчисленными творениями
Пытливый ум бессилен.

Порядок мира, как и подобает,
Ты создал отлично и должным образом.

Над пегим конем утра и над черным конем вечера
Ты возвел крышу конюшни.

Ты придал колесу [небосвода] семь узлов,
И этим же [колесом] развязал семьдесят узлов.

Прах Ты растер в пепел,
И этим же [пеплом] Ты очистил сто зеркал.

Ты начертал разные слова на разных листах,
Но образы всего сущего Ты вывел в двух знаках⁷.

Не раскапывая горы, Ты из «каф»-а и «нун»-а
Создал Бисутун, подобный небосводу⁸.

Ключ от всех сокровищниц, где бы они ни были,
Заключен в этих двух знаках.

Знаки [всего сущего] всюду создал Ты правильно,
Ты не допустил ошибки даже в одной точке⁹.

В мире мироздания ничто
Невозможно начертать лучше Твоих начертаний.

Или Ты дай мне сладкий напиток Твоей милости,
Или же не отравляй меня ядом своего гнева.

Но если и гнев Твой — наша конечная доля,
Все же и милость Твоя предназначена для нас.

До тех пор, пока во мне есть дыхание,
Я не выпущу из рук конец Твоего аркана.

И в тот миг, когда дыхание мое подойдет к концу,
Оно будет произносить Твое имя.

В тот миг, когда я приготовлюсь к смерти,
Я заверну Твое имя в свой саван.

Когда мое ничтожное существо превратится в прах,
Куда бы я ни шел, буду служить (поклоняться) Тебе.

Под благочестивой защитой Твоей крепости,
Кто такой проклятый сатана, что [он может сделать мне]?!

Если моя перевязь украшена Твоим талисманом,
То какой толк сатане от того, что он будет полководцем.

Я избрал своим святилищем Твой порог
С криками о помощи ишу я Тебя.

О горе, [сейчас] много разрушителей святилищ
И убереги меня от того, чтобы я стал разрушителем
святилища.

Я одинок, с изъянами внутри,
Ты знаешь как поступить со мной, о защитник одиноких.

Так как у меня нет кроме Тебя спасителя,
То неизбежно я уповаю на Твое великодушие.

Если Ты хоть капельку эликсира чистоты
Наложешь на медь [моей души], я стану одним из избранных.

Если Ты озаришь их хоть одним лучом своей милости,
Земля станет золотом, вода станет жемчугом.

Но будь я жемчугом или обычным черепком,
Лик мой убран Твоим украшением.

Мой рукав гордится Твоим благовонием
Будь я алоэ или обычной полынью^{11*}.

Не принесу я к Тебе ни веры, ни повиновения,
Ибо я разорен полностью и взываю к Тебе лишь для того,
чтобы Ты заступился за меня.

Пока не утонул [мой] корабль в море,
Окажи милость, помоги и спаси.

Подними меня, ибо я падший,
Ибо я сошел с коня усердия¹².

И Ты по своей божественной милости
Направь мои стопы туда, куда Ты хочешь.

Освободи меня из своей темницы мрака
И озари меня Твоим светом.

До каких пор дело, от которого зависят мой страх и надежда,
Ты будешь оставлять на рассмотрение солнца и луны?

До каких пор мои нужды и долю
Ты будешь поручать воле шаха и пастуха?

Разве есть более благодатный стол, чем Твой?
Разве есть кто-нибудь более щедрый, чем Твое величество?

Ты дай мой закят (долю) из своего гумна¹³,
Не посылай указ о моем хлебе насущном то этому, то другому.

Чтобы моя разоренная нива стала
Благоустроенной водою и землей,

Подари мне горсточку земли со своего порога
И каплю воды, которая унесет от меня все злые сомнения.

В тот день, когда Ты отнимешь меня от меня
Не уничтожь то, что останется от меня.

И в тот миг, когда Ты вернешь меня мне самому,
Осени меня сенью своей милости.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Пока я буду на счету бытия,
Помня о Тебе, я буду пить вино.

Не той сенью, что далека от светильника,
А той сенью, что составляет свет светильника.

Дабы с Тобой я из тени превратился в свет,
И чтобы подобно свету я удалился от тени¹⁴.

В чем бы обществе я ни дышал здесь,
Я оставлю его когда-нибудь в один день¹⁵.

Двери всех лишены постоянства,
Лишь Твоя дверь вечна.

Время нам дается лишь при жизни,
А время после смерти непрочно.

Но Твое время (существование) постоянно,
То есть и при жизни, и после смерти¹⁶.

До тех пор, пока будет продолжаться Твое время,
Я не откажусь от верности Тебе.

Я не дышу без постоянной мысли о Тебе,
И думая о Тебе, я ни о ком не вспоминаю.

Еще до того, как я был сотворен Тобою,
И не знал об этих приготовлениях.

Ты создал мою шагреню (грубую кожу) из земли,
А затем из той же земли Ты создал мне сафьян
(сафьяновую скатерть для хлеба насущного).

В мой образ Ты вдохнул бытие,
А затем украсил его своей животворной десницей.

И теперь, когда я являюсь объектом для Твоей щедрости,—
И так будет продолжаться до тех пор, пока меня не
поглотит небытие,—

Я сижу там, куда Ты посадил меня,
И я повинуюсь Тебе там, куда Ты поведешь меня.

Стал я просителем Твоим на этом пути,
Ты то возводишь меня на престол, то опускаешь на дно
колодца.

Будь я стариком или молодым,
Мои пути различны, но я всегда останусь таким, каким

был.

Если я и перейду из одного состояния в другое состояние,
Все равно лист мой завернется в ту же трубочку
[какой Ты меня сделал].

В начале Ты создал меня лишенным нужды
И в конце Ты не оставишь меня без помощи.

Если смерть приблизится, почему я должен страшиться ее?
Ведь я знаю, что она послужит мне дорогой к Тебе.

Это будет не смерть, а сад и цветник для меня,
Ибо это дорога, ведущая в чертог Друга.

Сколько же мне стонать из-за смерти,
Если смерть будет ниспослана Тобою, да наступит моя смерть!

Если взглядеться разумом в сущность вещей,
То это будет не смерть, а переход из одного места в другое.

[Переход из] места, где едят, в место, где спят,
А из этой спальни на царский пир.

Если сон ведет к Твоему пиру,
Я не откажусь от того, чтобы покоиться в этой спальне.

Раз любовь к Тебе будет витать над моей обителью,
То я буду там сладко спать и радостно просыпаться.

Если Низами, Твой раб, из-за отчаяния
В стихах, обращенных к Тебе молитвой, проявляет дерзость,

[То не наказывай его], ибо он — капля, созданная облаками
Твоего моря,
И если капля выходит за пределы [моря], не выливай ее.

Если он (Низами) отторгнет с уст своих сотни слов,
То каждым словом он будет прославлять Тебя.

Он, сотни тысяч раз смущаясь, признает,
Что у Тебя записаны тысячи его грехов.

Если он, будучи немощным, не в силах говорить
(умолять о прощении),

Ты ведь знаешь язык немых!

Если мой облик черен, как у абиссинца, то ведь это Ты
создал его таким,
Если образ мой бел, как у хозяина, то Ты сам сотворил
его таким.

Если Ты сотрешь все, что Ты написал [из моих грехов],
Тогда сомкну я уста и не буду болтать много.

Но если Ты привлечешь меня к месту судилища,
То это Твое дело, о Судья над всеми судьями.

Прежде чем смертный час приблизится вплотную
И отберет у меня узды жизненных дней,

Позволь мне милостиво вступить
В сад гробницы моего пророка^{17*}.

2. СЛАВОСЛОВИЕ ПРОРОКУ— ДА БЛАГОСЛОВИТ ЕГО АЛЛАХ И ДА ПРИВЕТСТВУЕТ!

О главный всадник царства бытия,
О искусный правитель (султан) разума,

О завершение пророков, посланных Аллахом,
О конечная сладость и первая соль¹,

О первенец (первый плод) сада первой семьи [бытия],
О полководец последней группы [посланников],

О властитель страны довольства малым,
О повелитель царства [божьего] и наместник [Аллаха],

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:
Дабы я смог воздать тебе надлежащую хвалу,
А затем искать расположения сердца.

Кто бы ни кичился перед тобой самопоклонством,
Тот испытает удары твоего обоюдоострого меча.

О ты, кто дошел до небесного лотоса,
О ты, кто вступил на небесный престол,

О ты, чей прах — тутия для прозрения,
Очи бытия стали светлыми благодаря тебе.

Светильник, не получивший свет от тебя,
Погаснет от ветра самодовольства.

О ты, златоуст самого красноречивого племени,
О ты, чей неотразимый удар — самое лучшее доказательство,

О ты, обладающий божественными доводами,
О ты, знающий утренние тайны,

О ты, господин чертога обоих миров,
О ты, знаток всех родов царства всех сфер.

О ты, обошедший все страны небесного свода,
Поднявшийся выше семидесяти тысяч завес.

О ты, сидящий на престоле разума и души,
Михраб земли и неба,

Благодаря твоей вере земля возвысилась до небес,
Нет, нет, небо стало твоей землей.

О ты, перед кем бессильны (кем потрясены) шесть сторон,
О ты, кто погнал своего коня по семи сводам.

Шесть-семь тысяч лет прошло после рождения Адама,
Когда мир стал свидетелем невиданного торжества
[то есть ты родился].

О ты, с чьего стола разум собирает крошки,
А душа записывается в слуги у твоей двери².

Каждый разум безумен, если он не занят тобой,
Каждая душа мертва, если она не умирает из-за любви к тебе.

О ты, чьи прозвище, кунья и имя
«Поддерживаемый» Абул-Касим Мухаммед³.

Хотя разум удивительный мастер,
[Но лишь] на скрижалях твоих слов он высказывается до

конца

И ничья печать не подтверждается,
Если он не питает любви к Мухаммеду⁴.

О царь приближенных к Его чертогу,
О ты, чей пир пируется за пределами семи шатров⁵.

О ты, обладающий царством щедрости,
О ты, преследующий мировую цель и являющийся целью мира

О ты, сливки сущности всех мыслей,
О ты, источник воды вечной жизни.

Твой прах — тонкая кожа лица Адама,
А твой лик — свет очей мира (вселенной).

Вращающийся небосвод под ударом твоего коня,
Хотя он и имеет семь коней, но перед тобой пешка^{6*}.

Вокруг твоего святилища вращаются семь звезд⁷,
Они лишь делают вид, что кружатся по небосводу.

Кто осмелится на ковре бытия
Не унизиться пред тобою подобно праху?!

Твой эликсир придал земле цвет,
Ради тебя была сотворена вселенная.

Глава конницы ты, а остальные [пророки] — простые конники,
Ты — главная цель [бытия], а остальные нахлебники.

Ты — властитель на престоле вселенной,
Ты — царь царей (шахиншах) в стране жизни.

Лагерь твой — голубой небосвод,
Твои локоны — шатры, а твои взгляды — тугра⁸.

Эти пять молитв, которые составляют основу обета,
Перед твоим дворцом раздаются пять раз⁹.

* Здесь в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Небосвод мчался, чтобы поклониться тебе,
Стремление его в сторону заката (запада) было лишь
предлогом.

В храме веры из пяти основ,
Ты закрыл двери перед тысячами насильников¹⁰.

И в чертоге этом из семи сводов,
Ты обосновал четырех халифов (стихи).

«Преданный» был предводителем преданности,
А «прозорливый» был разлучен с «разлукой»¹¹.

А тот «богобоязненный и благочестивый старец»
Был обучен вместе со Львом Аллаха¹².

Все эти четыре были [воинами] одного поля битвы,
Все они были базиликами у одного источника.

Благодаря этим четверем халифам земля стала праведной,
Ведь дом благоустроен четырьмя стенами.

От смешения (общения) этих четырех,
Эти четыре обители стали хлебосольными¹³.

Ты дал вере четыре ноги,
И этим ты поставил под нее четыре арки¹⁴.

Подобно твоим прекрасным бровям, на горизонте
Эти четыре [ноги] и арки стали слитными парами¹⁵.

С этими браслетами на руках
Ты совершил танец до места, где находится прах [Аллаха]*.

3. МИРАДЖ (ВОСХОЖДЕНИЕ НА НЕБО ПРОРОКА)

О ты, чей образ — лестница [самых высоких] мыслей,
О ты, чей мирадж — небесная повесть.

Ты открыл двери семи сокровищниц¹,
Ты ступил ногой на четыре жемчуга.

* Здесь в некоторых рукописях имеется еще один бейт:

Нет никакого сомнения в их чистоте.
Из этих четырех ни один не обладал никаким недостатком.

Вознесясь за пределы тесного времени,
Ты остановил своего коня на ночлег на макушке небосвода.

Когда ночь подняла свое черное знамя,
Твой конь цвета ночи в пляске пустился в путь.

Твоим уединенным приютом стал небесный престол,
Твои ноги обрели крылья для полета.

Ты вознесся над брэнной обителью
К вершине чертога Матери².

Джабраил подошел к тебе со стягом в руках,
Говоря: «Небосвод надел пояс слуги перед тобой».

На семи небесах все обитатели,
Чтобы глядеть на тебя, стали в два ряда.

Вставай, не время спать,
Луна ожидает тебя, солнце!

В записях Меркурия стерлись
Письмена о твоей остановке там³.

Венера с подносом, полным драгоценностей для посыпания
пути перед владыкой,
Ждет, когда засияет твой свет с востока⁴.

Солнце, согнувшись в виде полумесяца,
Очистило твой путь от всяких трудностей.

Маррих будет служить тебе проводником,
Он, как ничтожный слуга, будет следовать за твоим скакуном.

Башня Муштари, восхищенного твоим светом,
Говорит: «Да будет далек дурной глаз с Его пути!»

Кейван, с черным стягом на плечах,
В знак рабства перед тобой продел кольцо в ухо.

В сопровождении таких слуг
Тебе полагается выступать величественно.

Сия ночь — ночь победы, торопись,
Пойми цену своей ночи Кадр, торопись!^{5.*}

О счастливец, та ночь стала как день
Благодаря твоему шествию и осветила весь мир.

Ты циркулем обвел землю
И уровень ты вознес на небеса.

Молния, которую звали Бураком,
Из-за привязанности к твоим ногам стала послушной.

Она взмыла ввысь, с тобой на своем девственном седле,
Ты, как счастливец, полетел на нем.

Ты так погнал своего коня,
Что оставил позади себя вращающееся на двух конях время⁵.

Небесный чертог с четырех сторон
Высыпал тысячи жемчужных гроздьев (Плеяд)⁶,

Но из красного и белого плодов того года
Ты удостоил взором лишь знамение: «Не косился»⁷.

На вершину куполов семи сводов
Ты водрузил девять стягов и девять колец.

Ты разорвал знамя круговорота (небосвода),
Ты разбил кольцо луны.

Павлиноперый голубой небосвод
Рядом с тобой лишился крыльев и перьев.

Джабраил отстал от тебя в пути.
«Аллах с тобой!» — напутствовал он тебя издали.

Микаил посадил тебя на свою голову
И повез тебя к себе подобному слуге Господа⁸.

Исрафил пал к твоим ногам,
Но он оставил тебя на полпути⁹.

* В некоторых рукописях здесь следует еще один бейт:

Эта ночь — украшение вечности,
Эта ночь — ночь вознесения Мухаммеда.

Рафраф стал твоим спутником
И повел тебя к лотосовому престолу.

Когда ты вознесся над лотосом
Тогда и зачеркнул все путевые листки¹⁰.

Ты прошел семиковровый пол
До тронного свода, что вне пространства.

Небесный престол, крича «Хвала Аллаху»,
Осенил твоим светом [весь мир].

Ты из гостиной небесного престола взлетел ввысь
И разорвал на своем пути семьдесят завес.

Освободился ты от тяжести одежды
И оставил и венец, и престол.

Ты разогнал рынок сторон¹¹
И избавился от труда верхней и нижней сторон.

Ты поставил шатер за пределами обоих миров
Под сводом чертога избранного.

Ты узрел величество Всевышнего
И тайную речь Его услышал.

Воображение и разум совершенно бессильны
Постичь, как ты узрел и услышал Его.

Ты попросил то, что ты желал
И желанное выпало на твою долю.

И от Его божественного величества
Ты вернулся так, как того ты хотел.

На твоем челе цвели розы
С печатью щедрости Его величества на своем рукаве.

Ты привез указ [Аллаха] о спасении [тварей],
Привез его для нас, грешников.

Разве мы достойны, чтобы такой властелин, как ты,
Приютил нас под своей сенью!?

Так как ты являешься светлым солнцем,
Неудивительно, что ты светишь над нами.

Твои помыслы — море благородства (великодушия),
Голубой сад (рай) — твое местопребывание.

Без тебя были закрыты двери великодушия перед людьми,
Как были закрыты и двери пророчества.

Кто не склоняет своей головы к твоим стопам,
Того судьба вычеркивает из своего списка.

А тот, кто опоясан поясом верности к тебе,
Сидит, созерцая вечность.

Сад Ирема охвачен страхом и надеждой
И платит дань твоему благоухающему зефиру.

О ты, кто вознесся на небесный престол
И вернулся сокровищницей на землю,

Открой Низами тайну
Скорости, с которой ты величественно одолел небеса!

До каких пор ты будешь оставаться за завесой
И до каких пор будешь находиться под покрывалом сна?

Встань и сбрось с лица завесу,
И двух-трех шагов своим слоном с царства скинь!¹²

Освободи эту скатерть от тяжелого груза,
И убери эту завесу с лица дела!¹³

Удали краску с лица этих черного и белого,
И уладь вражду между четырьмя стихиями.

Примири этих двух враждующих¹⁴
И найди общий язык между этими четырехножками¹⁵.

Если ты привьешь благое воспитание им в жизни,
То тем самым разрешишь все трудности¹⁶.

Ты подари немного своего благоухания ветру
И, быть может, тогда и нам достанется его доля.

С той скрижали, которую ты прочел изначально,
В душу нашу ниспосли хоть одно знамение.

Из той науки, которую ты постиг без труда,
Запиши в нашу тетрадь хоть одно слово.

Покажи нам, кто мы такие,
Кто из нас идолопоклонник, а кто разрушитель идолов.

О ты, в чьем ведении находится удачный исход моих дел,
Сила сердца Низами исходит от тебя.

Прими молитву этого сердца,
И ради Господа заступись перед Господом за меня

До того, как спустят нашу завесу
И не поднимут завесы, которая существует [меж нами].

4. ВЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СОТВОРЕННОСТИ СУЩЕГО

Когда [цари] дают всеобщий прием (пир),
То всему городу преподносят чаши,

И благодатные тучи щедрость льют,
И все базилики оживают.

Рассыпают щедро [дары], словно льют вино,
И смеются все открыто, подобно розе.

Освещают, словно солнце, лучами [великодушия] всех,
И кошельками рассыпают золото по дорогам.

И дают все дары людям,
И прощают все долги и делают их дозволенными!

И расспрашивают всех [поданных] мира [о делах],
И о том, как справляются с бедами времени.

Говорят такие слова, которые облегчают удел [людей],
И [от этих слов] люди улыбаются, словно бутоны от росы.

И я, у кого леденцы в рукаве (кармане),
Тоже буду сыпать их ради возлюбленного друга,

И всех людей мира напою своим прекрасным напитком
(стихами),
И пусть мой дорогой сын послушает меня.

Я приготовлю еду для всех,
И часть печени моей достанется ему (сыну)².

5. НАЧАЛО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

О созерцающий изображения творений,
Убери с дороги взоров то, что мешает.

Каждый, кто на твоём пути обладает существованием,
Занят служением и поклонением [Аллаху].

Не звони колокольчиками, словно перед пустым барабаном,
И не считай бессмысленным песню каждого¹.

Каждый атом, будь он пылью,
В мастерской царства (бытия) занимается каким-то делом.

Эти семь крепостей, что возведены,
Созданы не ради шуток.

И эти семь сводов под [божественным] чертогом
Воздвигнуты не ради забавы.

И чтобы облегчить твоё и моё дело (короче говоря),
Все это, о чём я говорил, не игра.

Смысл нашего начала (жизни), что разворачивается,
Не заключается в страсти, сне и еде.

Лучше тебе отвернуться от сна и еды,
Ибо это ты найдёшь у всякой коровы и осла.

Когда Он начал из стихий создавать существа,
Наш листок Он начертал особым образом.

Дабы мы взглянули в сущность [бытия] и обнаружили тайну,
И нашли начало узла всех дел.

Чтобы мы узрели небо и землю,
И обследовали по одному то и другое,

Чтобы постичь, для чего созданы стихии и дела их,
И кто Господь и каковы его дела.

Нет сомнения, что каждый знак,
Который начертан на этом листе, сотворен.

Каждое сущее, на котором лежит печать порядка,
Свидетельствует о работе его создателя².

Заклинаю тебя Господом,
К которому должны вести эти тонкие мысли,

[Скажи:] «Кто видел в мире зеркало,
Которое прежде было бы кем-то не очищено?»

Зеркало без блеска невозможно,
И если ты станешь утверждать обратное, это будет чепухой.

Украшай ты свой взор помощью [Аллаха],
Каждый раз, когда вглядываешься во что-нибудь.

Ты не гляди на то, как это создано,
Ибо оно находится за пределами, доступными глазам.

А смотри ты на то, как оно возникло из себя,
И как его состояние само по себе выправилось.

Тебе совершенно необходимо постичь то,
Что [все сущее] является атрибутом создателя.

Когда ты поймешь, что изображение — дело рук художника,
Тогда ты избавишься от невежества, а я перестану поносить
тебя.

Каждое прекрасное изображение, которое ты встретишь, —
Дело его создателя, и лишь о нем ты размышляй.

Если ты ступишь за пределы этих семи сводов шелкового
цвета,
То ты будешь закидан камнями³.

Если ты поразмыслишь о смысле того, почему эти своды
так одеты,
То он станет тебе ясным, если постарайшься.

Начало тайны творения
Очами зрения невозможно обнаружить.

Божественный промысел так сплел эту нить,
Что ее начало невозможно найти.

Нить божьего могущества
Не может распутать никакой развязыватель узлов.

Все мудрецы бессильны и потрясены
Перед тайною того, как появилась эта записка
(как Он сотворил этот мир).

Но если даже кто-нибудь узнает, как Он создал мир,
То найдется ли кто-либо, кто может создать что-нибудь
подобное?!

Раз мы не в состоянии установить (создать) мир,
То тайна того, как он создан, выше нашего воображения.

За тайною завесой небес
Заклучена тайна, которая сокрыта от наших глаз.

Сколько бы я ни гнал коня своего [воображения],
Не могу добраться до той тайны.

На скрижали звездных таблиц
Я прочел все звездные рукописи,

Но сколько я ни старался подняться выше—
Мне это не удалось, ибо не нашел силы в себе.

Знаю я: все, что создано,
Раскрыто с помощью его руководства⁴.

Все, на что можно направить взоры,
Заклучает в себе скрытую сокровищницу.

Ты сделай так, чтобы ключ от этой сокровищницы
Был стальным, а не стеклянным.

Дабы, когда ты будешь торопиться к сокровищнице
Ты нашел там сладкий напиток, а не яд*.

Вокруг всего, что скрыто,
Сделаны линии составителем таблиц.

И когда эти линии доходят до высшей точки,
То они возвращаются назад от этого поворотного пункта.

Когда же мысль доходит до конечной точки линии,
Ей остается лишь возвратиться назад.

Когда циркуль начинает кружиться,
То возвращается назад с первого же шага.

Круг, который проведен вокруг дома,
Начертан для этой же цели.

Дабы, если кто высунет голову из этого круга,
Стал несчастным (бродягой) как круг на двери⁶.

Ты не трогай цепи небесных сводов,
Ибо у этой цепи есть конец.

Если это проявление воли стихий, то оставь его,
Ибо здесь тоже наступает когда-то конец.

За пределами этого круга находится [божественная] сфера,
Куда путь лежит через бессилие и покорность⁷.

Освежи дыхание свое чистым звуком [божьих] ладов,
Ибо Он никому не показывал кривых ладов.

Эти семь небесных сводов в подборе ладов
Пускают в дело игру воображения⁸.

* Здесь в некоторых рукописях имеются еще три бейта:

Знаешь ли ты, что бездонные сокровищницы
Не свободны ни от яда, ни от противоядия?

Муса обладал сокровищницами жемчужин,
А Карун тоже владел множеством сокровищниц,

Но когда между ними возникли разногласия,
Тот (Муса) обрел пользу, а тот погубил душу⁵.

Из этих ладов создать песню нельзя,
Ибо невозможно постичь тайну этих ладов.

Если ты знаток ладов на обычный лад,
То ты не знаешь даже своих собственных ладов⁹.

Если у тебя голос и искусство пения как у Барбада,
Без ладов не играй ни разу на этом сазе¹⁰.

Погляди на себя — у тебя завеса чести разорвана,
И потому не уединяйся ни за какой завесой.

Ты стремись, подобно Низами, к такой завесе,
Чтобы быть прославленным добрым именем.

До каких пор можно быть ~~прахонравым~~,
До каких пор можно получать пощечины от земли и ветра?!

Бегать подобно ветру за землей
И заниматься коллочками и щепками?!

Ветер, который является перекупщиком земли,
Служит сторожем у могильной ямы.

Он у этого покупает, а тому продает,
Он на одном зарабатывает, на другом терпит убыток.

Вся земля от края до края —
Это прах, слой на слое.

То возникает землетрясение, то обрушивается поток,
Которые то здесь смывают [один слой] праха, то там
рассыпают другой слой.

Когда землетрясение рассыпает, а потом смывает,
То открывается новый слой на карте земли,

И этот слой под ударами времени
В конце концов становится ущельем.

Реки, которые текут по трухе земли,
Образованы трещинами от ветра, грязи и воды.

Если пройдешь по улицам земной обители, то увидишь, что
Тучи и небо всюду в беготне и стараниях (трудятся).

Все они связаны друг с другом
Подобно слоистому мячу¹¹.

Подобный шарообразный порядок присущ не только земле,
Каждая линия (планета) вокруг нее имеет такой же

вид¹².

Любой дым, который поднимается из этой ложбины,
Взмывает вверх на высоту двух-трех копий,

А затем по наклонному пути
Вращается вокруг земной обители.

Туча, которая поднимается из пустыни,
Торопливо стремится до своей высшей точки

И на вершине своего подъема трепыхается (суетится),
Не поднимаясь выше той точки,

А затем она тоже начинает так же кружиться,
В плоскости круга.

Ты видишь, как стоит она [на небе] подобно шатру,
Положив голову на горизонт земли.

Если ты понаблюдаешь за ее кочевой и обозом,
То убедишься, что она склоняется по кругу.

Каждая субстанция, которая представляет собой простой
элемент,
Стремится в царство всемирного океана¹³.

Небосвод, который является океаном на семи волнах¹⁴,
Сколько бы ни шел, всегда на вершине*.

* Здесь в некоторых рукописях имеется еще один байт:

Небосвод, вращающийся по кругу, словно циркуль,
Не стал взлетать лишь из-за этого дела.

Будь он в своем перигее или в апогее,
Куда бы ни двигался, он всегда стремится выше.

Но на определенной высоте кончается его шествие по
вселенной

И достигнув высшей точки, он завершает свою полноту¹⁵.

Исследователи высот, которые хотят постичь высшую точку,
Утверждают, что небосвод выше этого не поднимается¹⁶.

Наука о небесах не раскрывает тайны [бытия],
Всякая наука сама освещается Им.

Будь источником зерно или семя,
В нем всегда заключено что-нибудь из четырех стихий.

И невозможно раскрыть тайну
Того, как произрастает это зерно из смеси воды и земли.

Если даже змья придает ему (зерну) силу [родить],
То она ведь не умеет придать [рождающемуся] внешность¹⁷.

Кроме того, когда земля находилась под ногами (топталась),
В [непосеянном] зерне не был заключен образ колосьев.

Но допустим, что зерно порождает колос,
Но кто придает этому колосу его вид?!

Если ты прояснишь своим воображением за завесу [тайн],
Тогда поймешь, что всему этому есть причина.

Покажи, что собой представляет, по-твоему, эта причина,
И воспой ее, ибо такие речи драгоценны.

Мудрец при виде каждого следствия понимает,
Что оно является порождением причины.

Остерегайся, Низами, таких [умственных] странствий,
Не попади в силки этой [бренной] обители¹⁸.

И так же зеркало, где бы оно ни было,
Не отражает ни одного предмета криво.

Каждая стихия, что любит противоречить,
Подобно фальшивым ладам звенит противно.

О, если бы судьба ниспослала мне такое счастье,
Чтобы кто-нибудь из великих заказал мне какую-нибудь
работу!»

Так я мечтал и гадал
И в этот миг прошла надо мной [счастливая] звезда.

Счастливец если трудится, то трудится так [плодотворно].
Если судьба дружна, то она дарует сокровище!

В тот же час прибыл гонец с дороги,
И привез письмо его величества шаха⁴.

Прекрасным почерком было написано им письмо,
Которое состояло из пятнадцати чудесных строк.

Каждая буква напоминала цветущий сад
И светила лучше, чем шаб-чираг⁵.

«О друг кольца рабства [нашего]⁶,
Чародей мирового слова, Низами,

Из мешка своих утренних дыханий
Сотвори новое волшебство из словес.

И в мастерской чудотворчества
Сотвори новое чудо из слов.

Я хочу, чтобы в память о любви Меджнуна
Ты создал повесть, подобную редкому жемчугу.

Если можешь, подобно девственной Лейли,
Ты разукрась жемчугами слова [повести].

Дабы я прочел ее и мог воскликнуть: «Взгляните на этот
сахар!»

И, крутя головой, восхищался: «Взгляните на этот венец
[слов]!»

Вершину тысячи повестей о любви
Ты разукрась кончиком своей кисти.

Эта повесть должна быть шахом (царицей) всех повестей.
И ты должен потратить на это сокровищницу слов.

Разукрась эту девственную невесту
Убранствами персов и арабов⁷.

Ты знаешь, я ведь такой знаток слов,
Что новые двустишия от старых отличаю.

Если ты заплатишь за это полноценным золотом [слова], ты
сотворишь чудеса,
Если употребишь низкопробное золото, ты лучше не приступай
к ней.

Смотри из шкатулки мыслей,
На чье ожерелье ты нанизываешь жемчужины!

Тюркство не свойственно нашей верности,
[И потому] тюркоподобные слова нам не подобают.

Тому, кто из высокого рода,
Нужно высокое слово⁸.

Когда кольцо шаха дошло до моих ушей,
Сознание подскочило из сердца к устам.

Не было у меня силы, чтобы отказаться,
Не было и зорких глаз, чтобы добраться до такого сокровища.

Погрузился я в смущение и блуждал в нем,
Из-за дряхлости возраста и слабости состояния.

Не было близкого друга, с которым я мог бы поделиться
тайной
И которому мог бы подробно рассказать о моих делах.

Сын мой — Мухаммед-и Низами,
Который был дорог моему сердцу, словно душа,

Положив письмо на ладони, словно сердце,
Сел рядом, словно тень.

Из любви ко мне поцеловал ноги мои [и сказал]:
«О ты, кто заполнил поднебесье звоном своих литавров!

Ты воспел Хосрова и Ширин,
Образовав сердца многочисленных людей.

Теперь ты обязан воспеть Лейли и Меджнуна,
Дабы бесценный жемчуг обрел пару.

Получше изложи эту чудесную повесть,
Молодой павлин прекрасен в паре,

В особенности такой государь, как шах Ширвана.
Не только шах Ширвана, но и царь Ирана,

Благодетель и оплот искусства,
Щедрый и великодушный покровитель [изящной] словесности.

Требует в своем письме эту повесть,
И [поэтому] садись и пиши своим пером».

Я сказал ему: «Твои слова уместны,
О зеркалоликий и железоумный [сын].

Но как же быть? Ведь атмосфера мутна,
Помыслы обширны, а в груди тесно.

Если поприще легенды узко,
То шествие слова затрудняется.

Ристалище слова должно быть просторным,
Дабы талант мог погнать своего коня.

Хотя это сказание [весьма] распространено,
Но изложение веселья с ним несовместимо.

Орудием слова служат веселье и радость.
От этих двух [тем] слово создает для себя предлог.

Голые слова, описывающие безумие,
Цепи и оковы, навевают лишь скуку.

В области, дорог которой я не знаю,
Ясно, что я не могу гнать [коня] тонких мыслей,

Тут нет ни сада, ни царских пиров,
Ни лютни, ни вина, ни радостного веселья.

О голых песках и непроходимых горах
Сколько можно слагать слова в печали?

Повесть нужно слагать о веселье,
Дабы стихи играли с повествованием.

Вот почему с самых древних времен
Никто не подходил близко к этой грустной легенде.

От сочинения [этой повести] у поэта (сказителя) разобьются
крылья,

И потому она до сих пор осталась несочиненной.

Но раз шах мира поручает мне
Сложить эту повесть в его честь,

То, несмотря на тесноту простора,
Я доведу ее изящество до такой степени,

Что чтение ее наполнит
Дорогу его величества шаха непросверленными жемчугами.

Читатель ее, если даже он будет человеком вялым,
Влюбится пламенно, если только он не будет мертвецом!»

Тогда снова мой наследник, рожденный от халифа (поэзии),
По настоянию которого была открыта эта сокровищница,

Мой единственный жемчуг от первой любви
И одинокий тюльпан моего последнего напитка⁹

Сказал: «О ты, чьи речи — мой напарник,
Ведь они (речи) по существу мои братья¹⁰.

Сочиняя такую быструю [по действию] повесть,
Не ослабь силы сочинения.

Для всех, кто читает любовные истории,
Эта повесть послужит словно соль [для еды].

Хотя соли в ней хватает,
Но [запомни, что пока что] на скатерти необработанный
шашлык.

Он будет нанизан на твой вертел
И будет съеден (готов) только после того, как ты его
приготовишь [до конца].

Это (эта легенда) — красавица с прекрасным лицом,
Но лик ее совершенно не разубран.

Никто [до сих пор] не потратил на нее жемчугов, подобающих
ей,
И потому она осталась с голым (неукрашенным) лицом.

Она — душа, и пока кто-нибудь от души не постареется,
Она не облачится в достойную одежду.

Вдохни в нее жизнь ради людей мира, поскольку твое
дыхание воскрешает,
Ибо ее дорогая душа [по сути своей] близка тебе.

Твое дело — трудиться над сочинением слов,
А мое — молиться о том, чтобы удача сопутствовала тебе».

Выслушав слова моей души (сына), утешительные для сердца,
Я окреп сердцем и начал надрывать душу¹¹.

Я пустился на поиски жемчугов,
Начал рыть шахты и добывать эликсир.

Мой поэтический дар искал короткий путь.
Ибо длинная дорога таит в себе опасность.

Но я не нашел пути короче [избранного мной размера]¹²,
И более проворного, чем он, коня не было.

Размер этот — море с легкими и быстрыми волнами,
И рыбы в нем живые, а не мертвые.

Много книг сочинили в этом размере,
Но ни одна из них не обладает приятностью.

Из этого моря помыслов (размера) ни один водолаз.
Не может достать такой прекрасный жемчуг.

Каждое двестишье [этой книги] — ожерелье с жемчугами,
Которые лишены изъяна и полны достоинств [искусства].

В поисках этого бесценного товара
Моя нога ни разу ни на волосок не спотыкалась.

Я спрашивал, а сердце отвечало,
Я рыл родник, и он тут же давал воду.

Все, что было накоплено в ларце ума,
Я израсходовал на ее украшения.

Эти четыре с лишним тысячи двестишестидесяти
Были сложены в течение менее четырех месяцев.

Если бы меня не отвлекали посторонние дела,
Я закончил бы ее в течение четырнадцати суток.

Да будет благословен тот,
Кто благословит появление этой благородной повести.

Украшена она была наилучшим образом,
В последнее число раджаба в [году] «си», «фи», «дал»¹³.

Ясная дата, которую она имела при себе,
[Это] восемьдесят и четыре после пятисот.

Завершил я ее, прекрасно работая,
И бросил на этот паланкин,

Дабы никто не получил к ней доступа,
Кроме благословенного взора шаха.

7. ВО СЛАВУ ШИРВАНШАХА АХСАНА, СЫНА МАНУЧИХРА

О предводитель конницы венценосцев,
О глава всех главных государей,

Хакан мира и великий государь,
Абсолютный царь всех царей мира,

Обладатель царского престола,
Властелин белых и черных¹.

Владетель качеств величия и гордости,
То есть Джалал ад-Дин ва-д-Даула².

Венец царей Абу-л-Музаффар³,
Достойный престолов семи стран.

Ширваншах с величием солнца,
Кай-Хосров с саном Кай-Кубада.

| с 26. ноя. 857

Ты — шах [искусства] слова по имени Ахсатан,
Ты такое солнце, у которого солнце служит рабом.

Султан, отрекшийся от шатров⁴,
Кто наяву, на деле является халифом,

Из рода Бахрама Марса, с ликом Венеры,
Жемчуг раковины Манучихра.

Из сегодняшнего племени до изначальных времен
Царство его переходило из поколения в поколение, как по
цепи.

Линия его предков, переходя из века в век,
Восходит к Адаму, и с тех пор все они были шахами.

В его царствовании — да будет оно вечным! — над миром
Его перо коротко, а меч длинен.

Восседающий на престоле непреходящего царства.
Повелитель, беспорочный, словно разум,

Возвышающийся до семи вращающихся небес,
Михраб молитв семи мужей⁵,

Он не [просто] кормилец, а небо насущного хлеба,
Он повелитель, а престол его простирается до горизонта.

Он обильный источник тончайших мыслей,
Он знаток небесных тайн.

Тайны двенадцати башен
Мяжки для него, словно воск.

Эти семь щитов с шестью пальцами,
С одним глазом, четырьмя руками и девятью спинами,

Чтобы не сняли свою голову с его крючка,
Подобно кольцу висят головой на крючке⁶.

Его имя — море чистых жемчугов,
Живая вода является его должником⁷.

Шахта драгоценностей разорена щедростью его рук,
Море по сравнению с его великодушием стало миражом.

С одной стороны, его победа завоевывает мир,
А с другой стороны, его щедрость засыпает мир.

Своим мечом из индийской стали он отнимает сокровища,
А дарует царства крыльями своего хлыста⁸.

Из ноздрей его счастливой судьбы течет вода Каусара,
Ад трясется перед его булавой.

Он — солнце всех царств мира,
Пир и битва возвеличены им.

Марс с мечом, а Венера с чашей
Стоят у него справа и слева [готовые служить ему],

Венера помогает ему осушать чаши,
А Марс служит его оруженосцем.

От его меча сыплется гора рубинов (огня),
А его чаша, словно гора, сыплет рубины.

Если ты взглядишься в эти кровеподобные рубины,
То увидишь, что одни из них—палачи, а другие
рубиноподобное вино.

Милость его в пору, когда виночерпий пускает (разносит)
по кругу утреннюю чашу,
Прекрасна, как ветерок вечности.

Рана, которую он наносит врагу,
Страшна, да будет рана дурного глаза от него далека!

Милость его скачет, словно утренний ветер,
Куда бы она ни направилась, она ласкает душу.

Удар его смертелен, как молния,
Куда бы он ни направил его, он мгновенно сжигает.

Милость его ласкает душу больше, чем утешный зефир,
А гнев его отнимает душу больше, чем ночь разлуки.

Когда он поднимет свой стяг, то его наконечником
Он просверлит даже стальной гранит.

Когда он приводит в движение зубец (цику) своего знамени,
Тогда для него любое земное восстание не стоит и гроша.

Испокон веков в круговороте времени
Огонь находится наверху, а вода внизу.

И когда он восседает на своем облакоподобном [коне],
Море воды поднимается выше огня⁹.

Кейсар (византийский император) служит у него конюхом,
А фагфур (царь Китая) простой нищий у него, не более.

Солнце, которое известно своим открытым лицом
(великолепием).

Как будто ничтожное чихание на его пиру¹⁰,

И полная луна, которую величают светилом,
Ничтожнее его слуг, таскающих седло его коня.

Говорят, что стрела Ариша,
Которая была словно Адово копье¹¹,

По сравнению со стрелой лука государя,
Показалась бы небольшим дротиком¹².

Говорят, что Парвиз
Обладал прекрасным видом и внешностью,

Но если Парвиз станет состязаться даже со слугами
у его стремени.

То он проиграет все фигуры¹³.

На кого бы ни обрушился его острый меч,
Тот не спасется от верной смерти.

На какой бы щит он ни направил свое копье,
Ни одной пластинки в кольчуге он не оставит целой.

Пол-удара его булавы
Оба мира расколет на две части.

В любви он сияет, словно солнце,
В гневе беспощаден, как время.

В любви он, подобно утру, бесподобен,
А в гневе он, подобно солнцу, сокрушает льва¹⁴.

Шестью буквами своего имени
Он положил наземь лопату времени с ее шестью сторонами¹⁵.

Так как его имя бросает лишь шестерки,
То у всех нарды лишаются своих ставок¹⁶.

Если его враги кишат как муравьи,
От ветра гнева его они успокаиваются.

Когда он встает, словно солнечная свита,
То все тени убегают с его пути¹⁷.

Куда бы ни ступил его скакун соловой масти,
Лев с простора земли исчезает.

Когда он запускает стрелу, словно указ о казни,
То никто более не может читать книгу жизни.

Когда он заносит страшный кинжал,
То рубин проливает кровавые слезы в сердце камня¹⁸.

Когда он обнажает свой обоюдоострый меч,
То он сечет вражеские головы десятками.

Если враги его даже Афрасиябы,
То он один косит врагов словно солнце¹⁹.

Не успеют его войска затянуть свои пояса,
Как он уже сокрушил своих врагов.

Когда же войска его приходят к нему на помощь,
То они не видят из войска врага ни одного в живых.

Хотя у стремян его находятся сотни Рустамов,
Но он сокрушает врагов описанным путем.

Когда он устраивает царский пир,
То он становится [щедрым], словно весеннее облако.

При виде многострунных сазов
Он раздаривает невиданные [сокровища].

Он раздаривает жемчуга целыми мерами,
Он дарует свободу рабам целыми толпами.

Не бывает и дня, чтобы он не раздаривал сотнями
Такие чаши, какие жалел даже для себя Джамшид²⁰.

Нет таких плеч в мире,
Которые бы не носили его [дарственные] халаты.

По сравнению с его щедростью мускус выглядит смолой.
Не только китайский [шелк], но и сам Китай ничтожны
[перед его великодушием]²¹.

Он один завоевывает крепость,
А за одну касыду дарует целый край.
Той благодати, которую он изливает в порыве.
Не вместит в себе целое море.

Золото по сравнению с его щедрым сердцем
Кажется не золотом, а грубым камнем.

Если шахи обычно наполняют казну,
То подлинный шах он, ибо раздаривает казны.

Он проявляет даже по отношению к комарам такую щедрость,
Что они становятся больше, чем слоны Махмуда²².

Под сенью его слоноподобного престола
Слоны не могут поднять его чаши²³.

Он море с вкусной (пресной) водой,
И хотя он [постоянно] в движении, но вкусная вода его
всегда спокойна.

День, когда он дает прием,
Становится Новрузом великим²⁴.

Не видя его, я могу сказать о его упорстве и удачах,
О том, как величественно он восседает на престоле.

Он подобен полной луне, которая встает из-за горы,
Окруженной плотным рядом звезд.

Или же он похож на светлый солнечный диск,
Который восходит над беседкой [для любования].

Или же он подобен божественной милости,
Которая ниспускается с утренней зарей.

Каждый глаз, который узрит такой свет,
Становится недоступным для дурного людского глаза.

Господи, ты меня, кто прославился как Увайс
Совершенной любовью к Мухаммеду,

[Осчастливь] и на мою долю ниспошли, как об этом я мечтаю,
Счастье узреть шаха, кто обладает прекрасной наружностью
Мухаммеда²⁵.

8. ЧЕЛОБИТНАЯ

О мир души и душа мира,
Радующий сердце Адама и адамовых потомков.

Твой венец находится выше солнечного венца,
Твой престол величественнее Джамшидова трона.

Благодеяние мира происходит от полноты твоего величия,
Свобода людская заключена в услужении тебе.

Все царства находятся под твоим покровительством,
Твоя подпись: «Это верно» витает над всеми¹.

Царство мира почитаемо благодаря тебе,
И полнота власти над миром подвластна тебе.

Хутба, которая читается на твое имя, — украшение ислама²,
И твоя печать священна для халифа.

Если вдохнуть твою хутбу в землю,
То из земли вместо травы будет расти золото.

Если твоей печатью украсят камень,
То никто не дотронется рукой до золота и серебра.

Довольные твоим величием,
Копьеносцы лучше сторожат государство.

Небосвод — главный конюх твой,
И потому он заполняет склады ячменем и соломой³.

Признаками (символами) его ячменя и соломы
Служат созвездие Девы-колоса и Млечный путь⁴.

Ты взял у воздуха приятный нрав,
А у весеннего ветерка отобрал способность источать амбру.

Благодать, исходящая от тебя, — вода живая,
Она источник всех сущих [на земле] народов.

Лучшие дары весны,
Являются покорным рабом праха твоих ног⁵.

От Кафа до Када всюду, где есть [хоть одно] сердце⁶,
Оно гордится тем, что служит тебе рабом.

Победоносной десницей ты даруешь венцы,
Подобно господней милости ты прощаешь грехи.

Вечно останется в царстве благодарность тебе,
Ибо царство со всех сторон окружено твоей милостью.

Когда ты шествуешь впереди, ты освещаешь путь,
Когда ты шествуешь сзади, то охраняешь мир.

Ты — факел, освещающий путь впереди,
Подобно последнему утру ты светел и искренил⁷.

Ты хранитель печати дивана свершений⁸,
Ты властитель над делами мира.

Те, кто предводительствуют этими делами,
Все склонялись в прах перед тобой.

Ты — начальник ума и надзиратель над мудрыми мыслями,
Ты — вершитель всех дел в своем царстве.

Счастье, которое является заветной мечтой каждого,
Питает к тебе большую благосклонность.

Победа, от которой враги убегают,
Возвращается под сенью твоего счастья.

Твой освященный удачей стяг как будто
Соткан из удач и побед.

В того, кто является твоим сотоварищем в бою,
Ты вселяешь мужество тысячи мужчин.

Ты умеешь бросить на его полу голову врага
Без того, чтобы пролить [собственноручно] его кровь.

Ты сажаешь на трон счастья всякого,
Кого ты достаиваешь благосклонным взором.

Если ты взглянешь на Низами
Благосклонным взором, имя его прославится,

Он, кто является одним из стражей на твоей улице,
Тоже послужит благой приметой твоего счастья.

[Ведь знаешь ты, что] птица, которая называется Хумай,
Приносит [людям] полное счастье.

И не удивительно, что тень птицы его сущности — [Хумай],
сотканная из любви к тебе,
Принесет тебе счастье.

Каждая птица, которая является утренней птицей,
Дышит молитвой за [благополучие] шаха.

И славится она высоким саном и почетом,
И призывает тебе победу и удачу.

Пусть высокое положение и почет сопутствуют тебе,
Да поконтся твой престол на победах и удачах.

Пусть каждый год (вечно) мир осчастливится тобой,
Да никогда не лишится мир тебя.

Пусть счастье будет покорно тебе и удача [будет] другом

твoим,

Пусть божья помощь сопутствует твоим делам.

Пусть очи друзей всегда зрят

Счастье шаха и сына шаха.

9. О ПОРУЧЕНИИ СВОЕГО СЫНА СЫНУ ШИРВАНШАХА

Когда алый алмаз однажды утром
Из тьмы явил свой свет,

Алмаз, извлеченный мною из своего рудника,
Моя спина (опора) и рожденный моей спиной.

Насыпал алмазы в шапку рудника!
И заговорил о шахе — руднике алмаза.

нет 1900

«Меня, лишенного поддержки, свяжи [с шахом] уговором

[любви]

И поручи защите этого государя.

Поручи меня сегодня его покровительству,
Ибо у него новое перо [власти] и я новичок в учении².

И когда его великодушие достигнет совершенства,
Тогда твои назидания он примет за добрые предзнаменования,

Ибо этот владелец престола, возвышающийся до небес,
Хотя еще мал, но помыслами велик.

Он — звезда на небе царства,

Он — плоть царя и душа царства.

Он — Юсуф с семью пирами и девятью престололами,

Он — властитель времени и наследник [царя].

Он — обладатель нового пира, нового веселья и новой любви
В раковине царства Манучихра.

Он по славе своей — гордость обоих миров,
Он по рассудительности своей — мозг царей.

Он — наследник дани семи стран,
Он — победитель игры в четыре жемчуга³.

Он — свет очей великих,
Он — михраб для молитвы венценосцев⁴.

Он — украшение престола и гордость венца,
Ибо счастье нуждается в его лице.

О царевич, твоя слава
Доставляет очам Ахсатана радость.

Ты — плоть смешения двух царств⁵,
Ты подобен двухцветному утреннему яблоку.

О единственная [царская] семья, посаженная для
царствования,
И оставшаяся от рода Кай-Кубада.

Ты — центральная точка в кругу, начертанном
Семью циркулями для свершений*.

Господь оказывает тебе свое покровительство
И оберегает тебя от дурных глаз.

Я уповаю на господя,
Что тебя с твоей беспредельной пронизательностью и
рассудительностью

Он по своей милости возвысит до такой степени,
Что ты будешь окружен всяческими благами.

Ты прочтешь книги царей
И будешь знать речения мудрецов.

Увидев сокрытое в этом ларце сокровище,
Которое подобно двухнедельному месяцу над башней,

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:
Ширван стал благодаря тебе великой Страной благоденствия,
И в этой Стране благоденствия благодаря тебе [господствует]
справедливость.

Ты поймешь, что такая прекрасная (девственная) невеста
Не появится никогда до истечения веков.

Если ты не смог удостоить своим [благосклонным] взором
ее отца,
То возьмешь на себя заботы о ее брате.

Чтобы обласкать его полностью,
Ты назначишь на его имя постоянную пенсию⁶,

Дабы он не нуждался ни в чьей помощи,
Чтобы не глядела его голова вперед, а взоры — назад.

Высказался я, и теперь сказ мой короток:
Да сопутствует удача тебе и счастье шаху.

Пусть его очи всегда наполняются этим светом⁷,
Пусть твой кипарис никогда не разлучается с тем садом⁸.

Пусть твое лицо всегда опирается на спину шаха⁹,
Пусть спины и сердца врагов будут разбиты.

Пусть шах вечно здравствует благодаря тебе,
Подобно Хызру, благодаря живой воде.

Пусть вечно сияют светила небес
Над этими двумя особами.

10. ЖАЛОБА НА ЗАВИСТНИКОВ И ЗЛОПЫХАТЕЛЕЙ

Сердце, наполняясь порывом, ибо время порыва.
Почему же должен молчать [самый искусный] оратор мира?!

Ристалище слова сегодня принадлежит мне,
Разве есть где-нибудь [что-то] лучшее, чем мои слова?

Я питаюсь плодами труда собственных рук,
Если я обладаю великолепием, то это благодаря своей
сокровищнице.

Если я утром погөню волшебного [скакуна своего дара],
То сочиню Семиглавую [книгу]¹.

Такое чародейство разрешено,
Его отрицание неправильно.

Я так совершенен в чародействе слов,
Что моим прозвищем стало: «Зерцало тайн».

Меч моего языка по остроте
Обладает тайной чудес Масиха².

Речь моя обладает такой силой,
Что она раскрывает иррациональные корни языка³.

Слова мои дышат таким жаром,
Что если дотронешься пальцем до них, обожжешься.

Поэзия питается водой из моей реки,
Она прославилась лишь в мой век.

Эти чревоугодники, в чьих словах нет соли,
Пожирают мир под моей сенью⁴.

Свалить дичь — дело львов,
А лисы питаются за счет дичи, добываемой львами.

Для еды у меня лишь один рот и одно горло,
И пусть питается за мой счет целая толпа⁵.

Завистинк, вместо того, чтобы признать мои плавные [стихи],
Занимается злословием, да будет оно далеко от меня и от
тебя!

Распластавшись передо мной, словно тень,
Он суетится, сочиняя возражения против меня⁶.

Если я занимаюсь сочинением газелей,
То он тут же предается их подделке⁷.

Если я создаю торжественные касыды,
То он [тут же] приступает к слабому подражанию мне.

Опять же, если он сочиняет повесть,
Что же вам сказать, он лишь сказочки сочиняет.

Я чеканю полноценные монеты,
А он занимается подделкой монет.

Обезьяна тоже подражает всем людским делам,
Но это то же самое, что отражение звезд в мутной воде⁸.

Каждый свет, сияя над каждым существом,
Страдает от тени, образуемой им же самим^{9*}.

Тень, которая является ничтожным отблеском человека,
В смешном подражании [хозяину] весьма настойчива.

Она подражает и не смущается,
Ибо она слепа и потому не стыдится.

Даже пророк, у которого не было тени,
Все равно не был свободен от тенеподобных [завистников].

Но великий океан, [вода] которого чиста,
Разве станет бояться собачьей слюны?!

Хотя от [дурного] глаза желтоухих,
Лицо мое покраснело от кипящей крови¹⁰,

Но, подобно морю, сам я очищаю свои берега,
Притом без горькой мины¹¹.

Я, подобно светильнику, получаю прозорные удары,
И от смеха, подобно свече, ослабеваю¹².

Я ведь не зеркало и не сделан из железа,
И потому зачем я должен общаться с каменносердыми?!

Ты не смотри, как я рою рудники [драгоценных слов], ибо я
лучше смотри, как от зависти роют свою душу мои враги.
мужчина,

Злопыхатель против моего искусства не поправится¹³,
Ибо нет лекарства от недуга четвергов¹⁴.

* В некоторых рукописях далее следует еще один бейт:

С одной стороны, слушай и смотри — и вдруг умирай,
С другой стороны — внимай шуму и гаму.

Вор, обкрадывающий мой дом, чтобы оправдать дело своих
рук,
Поносит меня и злословит; что я ворую¹⁵.

Когда люди разыскивают воров в квартале,
То вору выходят и кричат: «Держите воров!»

Я прощаю им то, что воруют у меня,
Но пусть грех за злословие падает на них!

Они видят дарование, но не понимают, что это дарование,
И тем самым совершают зло, ибо так мало они понимают.

Если они обладают зрением, да лишатся они зрения!
Если они слепы, да ослепнут еще больше!

Они воруют, а я от стыда [за них] сгораю,
Но это пособничество вора́м, а не смущение¹⁶.

Нет, нет, они привыкли воровать,
Так подойди и скажи им: «Дверь открыта».

О, если бы я был на месте тех, которые нуждаются в прибыли,
Какое несчастье было бы!

Сокровища обоих миров заключены в моих руках,
Разве я стану смотреть, как обворовывают меня нищие?!

Мне полагается раздавать милостыню слугам,
И пусть он хоть ворует, хоть так берет.

У меня целое море жемчугов и рудник сокровищ,
Разве я стану обижаться на тех, кто делает подкоп под
них¹⁷.

Сокровищницу можно беречь замком,
Красоту можно беречь рутей¹⁸.

Мать, снабдившая меня рутей,
Родила меня в кольчуге Исфандиара.

Если ты вникнешь в смысл букв «Низами»,
То обнаружишь в нем тысячу и одно имя¹⁹.

А если отбросишь из [слова] «Ильяс» значения «алифа» и

А также «ба», то в нем найдешь девяносто девять имен²⁰,

Итак, у меня тысяча и одна крепость,
И девяносто девять разных доспехов.

И потому я огражден от беспокойства,
И мне не страшно разграбление моей сокровищницы.

Сокровищница, которая хранится в такой крепости,
Не доступна подкопу, и что он может сделать?

Ведь сокровища без змеи не бывает,
Где есть финики, там есть и колючки.

Каждый именитый, покоривший [славой] мир,
Всегда подвергался хуле со стороны своих спутников.

Юсуф, котрый спорил с луной [по красоте],
Не спасся от зависти своих братьев²¹.

Иса, чье дыхание не испускало дым,
Горел муки от всех евреев²².

Ахмад, который был совершенством арабов,
Был измучен колкостями Абу-Лахаба²³.

Еще издавна мир устроен так,
Что без жал пчел не бывает меда.

11. ПРОСЬБА О ПРОЩЕНИИ ЗА СВОИ ЖАЛОБЫ

С того дня, как я стал «Я»,
Я не причинил боли даже муравьиному крылышку.

Своего жемчуга я не мыл чужой чистой водой,
Не стремился портить чужие дела.

Так как я не обладаю [дурным] нравом своих противников,
То не говорю ничего дурного даже о собаке¹.

Собачьи пороки [моих противников] превращают меня во
льва,
И потому я говорю: «Ничего, пусть будет так!»

Знаю я, что гнев лучше скрывать,
И лучше было бы не говорить то, о чем было сказано.

Однако по счету мудрости
Трусостью было бы держать язык за зубами.

(Тот, кто [хорошо] знает страны²,
Знает, откуда [происходит] наш товар.

Я не враг тому, кто злобно поднимает на меня руку,
Его враг — его бесчестие.

Сердце, помалкивай (много не болтай) о болтунах.
Лучше предавайся спокойно своим заботам,

Подобно розе готовься к отъезду³.
И поцелуй [подобно ей] руки того, кто срывает тебя⁴.

И своим хлебом насущным сделай свою кровь,
Если нет головы, то шапку держи выше.

Ты [лучше] терпи обиды и не обижай,
Ибо лучше тебе быть обиженным, чем людям базара⁵.

12. НАЗИДАНИЕ СВОЕМУ СЫНУ МУХАММЕДУ НИЗАМИ

О четырнадцатилетний свет моих очей,
Овладевший познаниями обоих миров.

Когда тебе было семь лет,
Ты был подобно розе на попечении луга¹.

Но теперь, когда ты достиг четырнадцати лет,
И подобно кипарису твоя голова поднялась высоко,

Не сиди беспечно, ибо [теперь] не время для игр,
[Сейчас] время доблести и возвышения².

Стремись к знаниям и учись величию,
Дабы изо дня в день тебя видели лучше и лучше.

Слава и имя рода пригодятся лишь в детстве.
Но большое дерево не может [почитаться] за счет своего
происхождения.

Там, где ты должен выказать себя великим,
Тебе не поможет то, что ты мой сын.

Подобно льву, ты сам сокрушай врагов,
И становись сыном своих собственных [великих] добродателей.

Если ты будешь стремиться к счастью, соблюдай правило:
Соблюдай правила приличия с божьими людьми.

Если станешь плести небылицы,
То не забывай о господней каре.

Сообразно своему состоянию ты избирай себе такое занятие,
Чтобы от содеянного тебе не было стыдно.

Если, сын мой, ты привяжешься сердцем к этому совету,
То из наставлений отца извлечешь пользу.

Я вижу у тебя стремление к величию,
И вижу у тебя влечение к стихотворчеству.

Но не предавайся стихам и ремеслу стихотворцев,
Ибо «самые лучшие стихи — самые лживые из них»³.

Не ищи [с помощью] этого ремесла славы,
Ибо это искусство завершается Низами.

Хотя стихосочинительство высокочтимо,
Ты стремись к науке, которая приносит пользу [людям].

В таблице кривых линий⁴,
Ты лучше старайся познать себя.

Познай ты линии своего нрава,
Ибо познание это успокаивает душу.

Пророк сказал: «Есть две науки:
Наука о верованиях и наука о телесах».

В пупке этих двух наук заключено благовоние⁵.
И [знатоки] этих двух [наук] — факих и врач.

Или будь врачом, равным по искусству Исеб,—
Но не врачом, калечащим людей, —

Или же будь факихом, факихом, подвизающимся в
благочестии,
А не факихом, преподающим хитрость⁷.

А если ты станешь и тем и другим,
Ты станешь почитаем всеми.

Если ты будешь владеть обоими искусствами века,
То ты достигнешь величия в обеих колыбелях⁸.

Прилагай усилия к каждому листку, который ты будешь
читать,
Дабы познать ту науку до конца*.

Быть искусным попонщиком
Лучше, чем быть плохим шапочником.

Мое дело говорить, а твое дело приложить к делу [мои
советы],
Ибо нельзя сидеть без дела.

13. О ПОЛЬЗЕ НЕМНОГОСЛОВИЯ

Хотя слово обладает приятностью воды,
Но разумно говорить мало слов.

Хотя вода доставляет свежесть,
Но если пить ее много, она причинит боль.

* В некоторых рукописях далее следует еще один бейт:

Когда ты станешь совершенным в науках,
Тогда ты перед всеми будешь пользоваться славой.

Говори мало, подбирай слова, словно жемчуга,
Так, чтобы твои немногие [слова] наполнили мир.

Можно гордиться лишь жемчугоподобными словами,
[Ведь это не] кирпичи, которых нужно класть много.

Жемчуг, чья сущность чиста,
Украшает воду и землю.

Пока цел, он украшает сокровищницу и рудники,
Когда же его размельчат, то он служит лекарством.

Один букет роз, услаждающий обоняние,
Лучше, чем сто скирдов сена.

Хотя перед [нами] сто звезд,
Лучше поклониться одному солнцу.

Хотя все звезды и сияют,
Но освещает лишь одно солнце.

14. ПОМИНАНИЕ НЕКОТОРЫХ УСОПШИХ БЛИЗКИХ

Виночерпий, так как я поклонник вина,
Поддай мне чашу вина —

Вина, которое прозрачно, как мои слезы
И в религии влюбленных позволено!

Я протягиваю руку к вину в надежде,
Что оно развяжет [узел] моего стесненного сердца.

На пути моем сидит лев [моих горестей],
Хочу я на пути этом обойти льва.

Доселе я испытал [много] веселья,
А сейчас я уже не тот, кем я был.

А когда пройдет то, что есть у меня в руках,
Стану я еще более беспомощным, чем я есть сейчас.

Виночерпий, подай мне рубиноподобного вина,
Ибо слово бросило свою подкову в мой огонь¹.

[Налей] вина, которое распутывает узлы дела
И возбуждает дух как дух².

15. ПОМИНАНИЕ ОТЦА

Если отец мой — Юсуф, сын Заки, сына Муайяда,
По примеру своего отца ушел [из этого мира],

То не стоит мне судиться с круговоротом времен,
Что мне убиваться, ибо это не насилие, а [закон] времени¹.

Поразмыслив об ушедших отцах,
Я отторгнул от сердца жилу отцовскую,

Дабы, испив нектар, доставшийся на мою долю от жала,
Ради поддержания тела, забыл [о своем горе]*.

Виночерпий, не сиди, подай мне вина,
Чтобы оно могло разжечь мою вялую кровь.

16. ПОМИНАНИЕ МАТЕРИ

Если моя мать, госпожа из курдов,
Умерла раньше меня, подобно всем матерям,

К кому обратиться с причитаниями,
Чтобы привел ее обратно [сжалившись над моими] стонами?

* В некоторых рукописях здесь следует еще один

бейт:

Какой отец остался со времен Адама,
Чтобы я стал требовать цену крови отца от мира?

Горя неимоверно больше, чем можно глотнуть его,
Пучина [скорби] глубже роста мужа.

Чаша этого горя так переполнена,
Что исчерпать ее нельзя даже тысячью ртов.

От того горя и скорби безбрежной
Единственное лекарство — лекарство забвения.

Виночерпий, ноги моего коня изранены,
Поддай вина, ибо впереди путь отъезда, —

Вина, которое возбуждением ударит в голову
Так, что на ногах вырастут тысячи голов¹.

17. ПОМИНАНИЕ ДЯДИ ХАДЖЕ УМАРА

Уход Хадже Умара, который был моим дядей,
Причинил мне боль,

И от горечи этого глотка горя
В свирели горла застряли мои стоны.

Боюсь я этой голубой цепи,
Которая из-за моих стонов схватит меня за горло [на том
свете]¹.

Виночерпий, из кувшина винного погреба
Поддай мне вина [цвета] гранатовых зерен, —

Вина, которое дарует жизнь нивам,
И которое является сестрой райского напитка².

18. ПОМИНАНИЕ УСОПШИХ ДРУЗЕЙ И О ДРУЖБЕ С ДРУГИМИ

Сколько можно говорить о друзьях, о где же мои друзья?¹
Где мои сподвижники и товарищи мои?

Медовый улей, который благоденствует своим медом,
Изготавливает свой мед благодаря своему сообществу².

Кокон обладает шелковой шапкой
Только из-за поддержки своих спутников — друзей³.

Только для радости своих друзей муравей тащит
Былинку, которая тяжелее его самого.

С каждым, с кем ты находишься на этом пути, будь
единогласным
И песню свою настрой на его лад.

Из лада этого узкого мотива
Выпадет твоя песня, если не настроишься под них⁴.

В Китае не всегда прядут шелк,
Там то прядут шелк, то плетут циновку.

Все [дела], которые поддерживаемы справедливостью
(равновесием),
Завершаются [всегда] согласием.

Каждую лютню, что не ладит с песней,
Певец тут же обрывает.

Виночерпий, возьми душистого, как мускус, вина
И брызни на меня, и успокой меня, —

Вина, которое является выжимкой жизни
И девственной плотью кувшина из зеленых побегов⁵.

19. О ПРЕДАНИИ СВОЕГО БЫТИЯ ЗАБВЕНИЮ

Сколько можно отравляться ядом и пить противоядие
В этой обители, облаченной в прах?

Это обитель паука,
Где он то наносит рану и царапает,

Или нападает на муху,
А то спасает руку человека от кровотечения¹.

Подобно кокону, замуруй дверь дома,
Чтобы ты мог сладко положить голову на ложе сна.

Эта обитель — обитель горестей,
Ясно, что она подарена нам на несколько лет.

Виночерпий, не сиди праздно без вина и веселья,
Подай горького вина и сладкого веселья, —

Вина, которое соответствует состоянию мужа
И выявляет то, что лежит у него в изгибах [души].

20. О ЗАБВЕНИИ ТЩЕСЛАВИЯ

Подобно змее, не стремись поднять голову,
Ибо в этом случае может настичь тебя сзади поток¹.

Если даже у тебя есть семь голов, как у дракона,
То могут положить все эти семь голов на твою ладонь².

Лучше тебе не испытывать опасности там,
Чтобы не страдал ты, если свалишься оттуда³.

Во время падения с крыши,
Одно дело [падать] с высоты в сто гязов, другое дело —
в один шаг⁴.

Будь подобным праху и не бойся опасности,
Ибо прах спокойнее остальных трех жемчугов (стихий).

Хотя все эти три жемчуга блестящи,
Но самый желанный из всех — прах.

Он ясен и во взаимодействии с остальными тремя,
Но все остальные три в нем неустойчивы⁵.

Виночерпий, принеси тюльпаноцветного вина
И осуши половину сам под звуки чанга⁶, —

Вина, которое возвещает об утре
И благоустраивает дворец духа.

21. О ЗАБВЕНИИ ПРОШЕДШЕЙ ЖИЗНИ

Сколько можно горевать о ненаступившем горе,
Знать и делать вид, что об этом и не слыхивал.

Лучше, если ты запомнишь мое слово
И не вспомнишь о прошедшей жизни.

Прошедшая жизнь — это съеденная пища¹,
А будущая пища [жизнь] еще в неразвернутой скатерти².

Считай, что она — перелистанный листок,
Считай, что ты открыл его и исписал.

Допустим, что ты прочел Семиглавую книгу³,
Или же проживешь семь тысяч лет,

Но разве, когда кончится [жизненный] срок,
Не пройдут эти семь тысяч лет?

Раз наше тело создано для погружения [в прах],
Карая разница между высоким и коротким [ростом]?

Виночерпий, для утреннего похмелья
Поддай такого вина, чтобы я захмелел до того, как его

выпью, —

Вина, которое бодрило бы, как солнце⁴,
Чтобы от него появилась вода в засохшем роднике.

22. ОБ ОТКАЗЕ ОТ БЕСПОМОЩНОСТИ И ЗАСТЕНЧИВОСТИ

До каких пор можно быть оцепеневшим, как лед.
И бычь в воде, как мертвая мышь?!

Как роза, оставь мягкосердечие,
Как фиалка, оставь двуличие.

Бывают случаи, когда нужно быть колючкой,
И делу пригодно безумие.

23. ПРИТЧА

Один курд в Ка'бе потерял осла¹,
Он начал бегать по Ка'бе и кричать:

«О, эта пустыня беспредельна,
Почему же именно мой осел пропал?»

Сказав это, он посмотрел вокруг
И увидел осла, а, увидев осла, засмеялся.

Он воскликнул: «Мой осел пропал,
Но я нашел его с помощью буйства!»

Если бы не поднял шума тот курд,
Осел пропал бы и не таскал бы его груза.

Эта деревня, что служит крепостью для безрассудных,—
Надел, приносящий пользу убивающим слабым.

Без львиной храбрости ничего нельзя добиться,
И от тех, чье сердце, как у коров, не жди доблести².

Виночерпий, налей вина чистого в чашу,
Брызни этой водой [на нас] и зажги наш огонь. —

Вина, которое отмоеет лицо камня,
И обнажит яхонт на лице камня³.

24. О ТОМ, ЧТО НЕЛЬЗЯ ТЕРПЕТЬ ГНЕТ

Зачем ты покоряешься презренным [насилъникам],
Зачем становишься игрушкой подлецов?

Почему ты подставляешь шею для подзатыльников,
Почему соглашаешься со всяким насилием?

Будь подобен горе с высокой спиной¹,
Будь груб с мягкотелыми!

Если, подобно лилии, ты будешь ткать шелк,
То будешь питаться грязной гушей на чистой земле².

Приниженность приносит вред твоим внутренностям,
Терпеть насилие — удел слабых.

Держи, подобно колючке, копье на плечах,
Дабы охапками захватывать урожай роз.

Сожаления и крики о помощи губят силы и [мужество],
И человека губят [бессмысленные] сожаления.

Виночерпий, не сиди праздно, ибо уже поздно.
Подай вина, ибо голова трещит от занятий, —

Вина, которое является светильником для путников
И от питья которого каждый старик становится молодым.

С двумя-тремя беззаботными гуляками
Направляйся в путь, который свободен от гордыни.

25. ОБ ОТКАЗЕ ОТ СЛУЖЕНИЯ ЦАРЯМ

Общайся, подобно солнечному свету, с частицами¹.
Что общего меж тобою и веселым пиром Джамшида?

Стремись не находиться на содержании у царей,
Ибо такая жизнь приносит воину блуждание [по свету]².

Ты избегай общения с царями,
Как сухая вата горячего огня.

От этого огня, хотя и он полон света,
Безопасен лишь тот, кто далек от него.

Мотылек, воспламененный любовью к свету,
Как только садится на пир со свечою, сгорает.

Виночерпий, я задыхаюсь от горя,
Поддай вина, которое избавит меня от горестей,—

Вина, которое обладает чистотой серебра
И оказывает великое воздействие на сердце!

26. О ТОМ, ЧТО НЕ СЛЕДУЕТ ОТНИМАТЬ У ЛЮДЕЙ ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

Довольствуйся лишь собственной долей
И не помышляй о том, чтобы есть чужой хлеб насущный.

Судьба отвернется от того легкомысленного,
Который протягивает ноги за пределы одежды.

Птица, которая взмывает выше положенной ей точки,
Стремится вперед по дороге гибели.

Змея, которая сворачивает со своего пути,
Из-за отклонения от своего обычая извивается¹.

Богомолец, который бряцает оружием,
Получит лишь подзатыльники за свои усилия.

Лисице [бессмысленно] драться со львом,
Ведь ты знаешь, в чьих руках меч.

Виночерпий, подай вина, горячащего мозг,
Подай чашу с возгласом «пей!»

Вина, которое является ключом от сокровищницы радости
И эликсиром жизни из сокровищницы Кай-Кубада.

27. О РАДОСТИ ДОВОЛЬСТВА МАЛЫМ

Сделай радость достоянием своего нрава,
И радуйся тому, что есть у тебя.

Все существа, кроме человека,
Довольствуются малым¹.

Они стремятся раздобыть свой хлеб насущный,
И довольствуются тем, что добывают.

Хотя они и не имеют запасного продовольствия,
Но не жалуется и не ропщут.

Лишь проклятия и крики человека, который обладает
наглостью

И бунтует, когда поел недосыта,
Возвышаются до небес,
Если он лишится одного из своих благ,

Если его замочит капля влаги с неба,
Он обнажит язык, чтобы поносить тучи.

Если ничтожная доля солнечной жары беспокоит его,
Он начнет забрасывать солнце камнями,

Истинное поведение, это — быть как свет
И избегать грязи хорошей и плохой².

[Нужно] подобно воде с помощью душевной ласки
Ладить со всякими расцветками³.

Виночерпий, откажись от разных уверток,
Встань и принеси мугского вина, —

Вина, которое придает пиру нежность,
А в битве дарит оружие и силу.

28. О РАДОСТИ СЛУЖЕНИЯ НАРОДУ

Не будь оцепенелым, если ты не камень,
Проворно шествуй по пути, если ты не хром.

Стряхни пыль с этого войлока
И ногой топчи голову войлока¹.

В пляске будь стремительным, как небосвод,
Хотя бы весь путь был полон шипами.

Отдай верховое животное и ходи пешком,
Ходи с открытым лицом, если даже получишь пощечины.

Таскай тяжести всех, если можешь,
Есть ли что-нибудь лучше освобождения носильщика от
груза?!²

И когда ты окажешься не у дел,
Тогда плечи всех будут таскать твою ношу.

Виночерпий, подай мне багряного вина,
Подай мне того, что дает силу моей жизни,—

Вина, которое, согласуясь с естеством,
Обновляет душу и ласкает печень².

29. О СКРОМНОСТИ, КОТОРАЯ
ПРИВОДИТ К ВЕЛИЧИЮ

Освободись от сети жалоб,
Признай свою беспомощность.

Не обольщайся своей силой,
Ибо не взобраться на вершину такой высокой горы¹.

Сколько же ты будешь шуметь подобно соловью
Из-за одного щита, разорванного подобно [лепестку] розы?

Дорога опасна для крыльев, отбрось крылья;
Меч силен, и потому брось свой щит.

Чтобы твой конь скакал вперед
И судьба (круговорот) увеличила твою поклажу²,

Один раз упавши с коня
И тогда найдешь путь к спасению.

Ведь ты видишь, когда луна лишается половины,
Она избавляется от привязанного к ней хвоста³.

Виночерпий, задыхается душа,
Освежи мои уста прозрачным вином —

Вином, которое служит обиталищем для души до того, как
выпьешь его,
И становится лекарством души после того, как выпьешь его.

30. О СОЧИНЕНИИ СЛОВ В УЕДИНЕНИИ

Не сиди беспечно, ибо уже время кочевки,
И не гляди на себя, ибо глаза косые¹.

У тебя израненная нога, а впереди трудная дорога,
О искусный мастер, как ты справишься с делами?

Или собирай пожитки и перебирайся отсюда,
Или закрой свою дверь перед временем.

Доколь ты будешь читать листок, не заполненный до конца
письменами?
Доколь ты будешь кораблем без воды, [идушим по суше]?

Низами, лучше на этом пути
Разбей свой шатер, подобно Хызру, у источника²,

И тогда насытишься, словно девственный жемчуг,
Прозрачной водой любви Меджнуна³.

31. НАЧАЛО ПОВЕСТИ

Сказитель повести рассказал так
В тот миг, когда просверлил жемчуг этого слова:

В царстве арабов один великий муж
Жил в прекраснейшем краю.

Он властвовал над Амиритами,
И самая благоустроенная земля принадлежала ему.

Земля арабов от дуновения его имени
Благоухала лучше, чем старое вино в его чаше.

Был он [благороден] и доблестен, облачен в человечность,
Самый достойный человек во всех странах света.

Он был счастливым повелителем арабов,
Он был Каруном Аджамов по богатству¹.

Он был гостеприимен, тешил бедняков,
Удача сопровождала его, словно ядро кожуру.

Был он славен, словно халиф,
Но был он подобен свече без света из-за [отсутствия]

потомства.

Он нуждался в сыне больше, чем раковина [в жемчуге],
И [жаждал], подобно колосу, зерна.

Он тосковал, когда десница судьбы
Взрастит на его древе ветвь,

Ведь когда кипарис распускает корни,
То от его корней вырастает новый кипарис.

И когда фазан приходит на луг,
То он видит новый кипарис на месте старого кипариса.

Если он не увидит старого кипариса,
То садится в тени молодого кипариса.

Вечно жив тот, кто оставляет в своем краю
Потомка в память о себе.

В этой надежде он раздаривал милостыни,
Он раздавал нищим [много] дирхемов².

Он искал полную луну ценою даров³,
Он сажал жасмин, но он не рос⁴.

Он искал жемчуг, но не находил его,
Но не отворачивался от поисков жемчуга⁵.

Он не ведал о том, что в позднем появлении его [сына]
[на свет]

Сокрыт какой-то тайный смысл.

Если тебе не достается то, чего ищешь,
Значит, в этом есть какая-то [тайная] польза.

В каждом добром и дурном деле, которое случается,
Если [хорошенько] взглянуть на это, имеется польза.

Часто видишь, что кто-то нашел большой клад,
Но впоследствии видишь, что лучше бы он не находил его.

Есть много намерений в свертке,
Которые лучше скрыть, ибо это полезно мужу.

Каждый куда-то бежит, суетится,
И никто не знает, в чем его польза.

Конец нити тайны сокрыт,
Много есть замков, которые, как присмотришься, оказываются
ключами*.

Подобно искателю жемчуга, он ради сына
Старался и был привязан к рубину, словно рудник⁶.

[Услышав] его достойные молитвы, бог
Одарил его сыном, каким полагается.

Он был словно юная роза, улыбающийся, как пламя,
Да что огонь, что роза! — Он в тысячу раз краше.

Он был светлым жемчугом по блеску,
Был он [солнцем], превращающим ночь дворца праха (земли)
в день.

Увидев красу своего сына, отец
Снял замок с двери сокровищницы.

От радости, что ему досталось такое сокровище,
Он сыпал сокровища, словно роза лепестки.

Он велел поручить его кормилице,
Чтобы он рос от ее дрожжей⁷.

Время же в качестве пищи
Вливало в него молоко нежности.

Каждым глотком молока, которое оно (время) подносило
к его губам,
[На сердце] его записывали одну букву верности (любви).

Каждым глотком пищи, которой его кормили,
Укрепляли его сердце в любви.

Каждой линией индиго, которой чертили его лицо,
Вдыхали в его сердце восторженность⁸.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Беспомощен сын Адамов,
Он — прах, если дунешь на него, ветер унесет.

Предавайся радостям в этой пещере
И брось наземь всю земную болтовню.

Подобно тюльпану, он омывал свои уста молоком,
И подобно цветку жасмина, он рос на молоке⁹.

Ты бы сказал: он был медок в молоке;
Или же в колыбели спала луна¹⁰.

Когда прошли две недели месяца [после его рождения],
Он за две недели стал двухнедельной луной.

Условия его дарований были соблюдены,
И прозвали его Кейсом (мерилом) таланта.

Когда же после этого прошел год,
Умножилось совершенство его красоты.

Любовь поила его обеими руками,
Жемчуг любви засиял в нем¹¹.

Два-три года в веселии и играх
Он рос в саду сердечной неги.

Когда же он достиг семилетнего возраста,
На его тюльпанах взошли фиалки.

После семи он достиг десятилетия,
И тогда его красота стала легендой среди людей.

Кто видел издали его лицо,
Из сердца посылал ему молитвы.

Глаза отца радовались ему,
И он из дома послал его в школу.

Он поручил его знающему учителю,
Чтобы он денно и ночью трудился с ним.

По воле случая собралась вокруг него [в школе]
Группа подходящих ему детей.

Каждый ребенок с надеждой и страхом
Предавался занятиям уроками и учением.

С теми маленькими мальчиками
Училось вместе несколько девочек, став их соученицами.

Все они были из разных племен и мест,
Хотя и собрались в одном храме знаний¹².

Кейс был воплощением таланта в усвоении знаний,
Его уста, словно яхонт, источали жемчуга.

Там была еще одна жемчужина, не просверленная для нитки
ожерелья,
Из раковины другого племени —

Прекрасная девушка, не испытавшая невзгод.
Она славилась как своим умом, так и добрым именем.

Она была разукрашенной куколкой, подобной луне,
И средоточием взоров, подобно стройному кипарису.

Эта красавица малейшим взором
Сверлила груди не одной тысячи [мальчиков].

Газелеглазая все время
Одним взглядом сражала весь мир.

Эта арабская луна, раз показав лицо,
Похищала сердца аджамских тюрок¹³.

Локоны ее были подобно ночи, а лицо — светильник,
Иначе говоря, факел в когтях ворона.

Уста ее были малы, но с большой тенью¹⁴,
И подобно груди сахара сладки.

Они (уста) сокрушали (превосходили) сахар, сколько угодно,
Да не только сахар, они сокрушали целые войска¹⁵.

Она была божественным талисманом среди подруг¹⁶
И достойнейшей среди красавиц,

Скромница обители жизни,
Шахбейт касыды молодости¹⁷.

Украшением ее подбородка служили капли влаги с ее чела¹⁸,
А амбровым кольцом [на шее] были курди ее локонов¹⁹.

Алой краской [для] ланит служила кровь, взлелеянная молоком
[матери],
А сурьмой [ее глаз] служила смуглость, унаследованная от
матери²⁰.

К ожерелью локонов и родинок ее
Прибавь еще жемчуг ее красы!

Каждое сердце склонялось к ней с любовью,
Локоны ее были словно ночь, а имя ее — Лейли²¹.

Кейс, обладавший восторженным сердцем, увидев ее,
Отдал ей сердце и ценою сердца получил ее [сердце].

Она также дышала воздухом любви к Кейсу,
В груди каждого из них росла любовь.

Пришла любовь и подала им чашу первой любви,
Одну чашу этим единокровным подала.

Опьянение от первой чаши тяжко,
Падение непадавшего тяжко.

Вдохнув аромат розы любви,
Они привыкли быть вместе целыми днями.

Он вручил душу ее красоте,
Похитив ее сердце, погубил свою душу²².

Он был прикован глазами к ней.
Она же отдала сердце, но желание сердца не отдавала²³.

Другие занимались изучением арифметики,
Они же сочиняли новый словарь [любви].

Друзья корпели над словами из словарей,
Они же сочиняли новый словарь [любви].

Друзья листали книги наук,
Они же устремляли сердце к любви.

Друзья толковали о свойствах глаголов,
Они же излагали друг другу свое состояние.

Друзья в счете ушли далеко вперед,
Они же занимались своим счетом.

32. О ТОМ, КАК ЛЕЙЛИ И КЕЙС ПОЛЮБИЛИ ДРУГ ДРУГА

Каждый день, когда просыпалось утро
И юсуфоликий (красавец) востока приходил¹,

Цитроноподобный небосвод ростки базилика
Окрашивал в цвет золотистого цитрона.

Лейли же, увлекаясь игрой в цитрон,
Из своего подбородка делала цитрон².

Увидев в ее руках цитрон,
Все пламенели от любви к ней, словно огонь.

Глядя на ее недавно поспевший свежий цитрон,
Все резали свою ладонь, словно цитрон³.

Кейс отправлялся туда, где она величаво выступала,
И от тоски по ее цитрону его лицо выглядело померанцем.

Аромат этих цитрона и померанца
Удалял скорбь от обоняния друзей⁴.

Когда прошло некоторое время,
Вздохи этих нежных [созданий] устремились к небесам.

Пришла любовь и опустошила дом,
Схватив меч беспощадности⁵.

Она (любовь) вынула их сердца, заполнив их место тоской,
А от того, что они лишились сердец, покой покинул их.

От того, что они привязались сердцами друг к другу,
Они попали на сцену пересудов⁶.

Завесу [смущения] срывали с нее всюду,
О его тайне (любви) судачили на каждой улице.

Их история, которая была настоящим чудом⁷,
Стала притчей во языцех.

Они долго избегали друг друга,
Чтобы не раскрылась их тайна.

Узел на пупке (мускусе) хотя и сухой⁸.
Но благоухание свидетельствует, что там скрыта амбра.

Ветер, узнав об их влюбленности,
Сорвал с лица их любви покрывало.

Они терпели и старались
Скрыть свою обнаженную любовь.

Но может ли приносить пользу терпение в любви?
Ведь солнце не замажешь глиной.

Когда глаза полны томных взглядов,
Разве может остаться тайна скрытой за завесой.

Когда кудри [любимой] тысячами звеньев цепи [оковывают
сердце],
То какой выход у сердца, кроме как покориться им?

После этого, по велению прозорливого ума,
Они смотрели друг на друга украдкой.

Когда дела Кейса стали заколдованными,
Он стал пленником крючка любви.

От любви к красоте той утешительницы сердца
Не находил он нигде покоя.

Он [постоянно] находился в обществе
Того прекрасного идола, но лишился терпения.

[И однажды] сердце его навсегда свалилось с ног,
И [как говорится], и бурдюк разорвался, и осел упал.

И те, кто не спотыкался [на дороге любви],
Прозвали его Меджнуном — Безумцем.

А он своей беспомощностью
Подтверждал справедливость этого прозвища.

Из-за того, что много порицали и осуждали,
Новую луну (Лейли) скрыли от влюбленного (Меджнуна).

Так как [люди], подобно собакам, много лаяли,
То с пути газели скосили зелень⁹.

Когда Лейли оказалась отторгнутой от Меджнуна,
Она проливала из глаз девственные жемчуга¹⁰.

Меджнун же, перестав видеть лицо Лейли,
Лил с каждой ресницы потоки.

Он бродил по улицам и базару
Со слезами на глазах, с болью в сердце.

Он слагал песни, трогающие сердца,
И, как влюбленные, пел их со стонами.

Он шел, а сзади и спереди
Люди кричали: «Безумец! Безумец!»¹¹.

Тогда он совсем ослаблял узду
И безумствовал по-настоящему.

Он гнал маленького ослика,
В конце концов ослик ушел и унес уздечку¹².

Сердце свое он разрывал на две части, подобно гранату,
Чтобы любимая звала его: «Разорванное на две части
сердце»¹³.

Он старался скрыть тайну своей души,
Но кто же может справиться с огнем сердца?

Кровь его печени ударила ему в лицо,
Прошла через сердце и ударила в голову¹⁴.

Он страдал тоской по любимой, а любимая была далеко от
него,
Сердце полно горестей, а утешительница его горя была
далеко от него.

Он отрекся от сна, подобно свече,
Днем не находил покоя, а ночами не спал.

Он убивался из-за [любовной] тоски,
Он искал [постоянно] лекарство для своей души и тела¹⁵.

И в надежде [обрести ее] он расставался с душой
И головой ударял о порог [ее двери].

Каждое утро он торопился,
Босой и с непокрытой головой, в пустыню.

Он был привязан к любимой, а любимая была на привязи,
Они были бы рады хотя бы почувствовать аромат друг друга.

Каждую ночь, из-за разлуки слагая стихи,
Тайно он шел в квартал любимой.

Целовал ее дверь и возвращался назад,
Но возвращение его тянулось долго¹⁶.

Шел он туда (к ее дому) быстрее северного ветра,
А возвращение казалось ему целым годом.

Во время хождения [к ней] он словно обладал тысячью
крыльев,
А когда возвращался, на каждом шагу его подстерегали
колючки.

Он шел туда, словно вода в колодец,
А возвращался, словно одолевая сотни горок.

Направляясь с израненными ногами к любимой,
Он словно мчался на скачущем коне.

Словно сзади дул ветер и впереди был колодец,
А возвращался домой изможденный.

Если бы судьба сопутствовала его желанию,
Он никогда не вернулся бы в свой родной край.

33. О СВОЙСТВАХ ЛЮБВИ МЕДЖНУНА

Властелин престола встающих утром,
Предводитель войск проливающих слезы,

Глава засады на пути сердечной нежности,
Сидящий на цепи в квартале влюбленности¹,

Канун певцов Багдада,
Перекупщик вздохов у вздыхателей²,

Бьющий в желзный барабан и трубач [любви]³,
Хранитель храма сожалений⁴,

Скрытое волшебство видимого дива⁴,
Харут безумно расстроенных⁵,

Кай-Хосров без престола и без венца,
Утешитель сердец ста тысяч обездоленных⁶,

Распределитель наделов войска мурашек,
Восседающий на престоле могильных плит,

Осадная башня крепости искушений⁷,
Охраняющий жилище, лишенное охраны,

Несчастный Меджнун с разбитым сердцем,
Море, чьи волнения не улеглись,

Имел двух-трех друзей, чьи сердца тоже были похищены,
Они, подобно ему, были искушены в битве [любви].

С этими двумя-тремя друзьями каждое утро
Он отправлялся на паломничество к дому той луны.

Он беспрестанно твердил имя Лейли,
И к любому другому слову совершенно не был склонен.

Если кто-либо произносил другое слово,
Он не слушал его и не отвечал ему.

Там была гора, имя которой было Неджд,
Вокруг нее обитало племя Лейли.

Охваченный огнем любви и дымом вздохов,
Он кроме той горы нигде не обретался.

Он взбирался на гору и бил в ладоши
[И плясал], падая и вставая, словно пьяные,

Он возносил песню до небес,
И, лишившись разума, бегал туда-сюда.

Затем наполнял ресницы слезами
И обращался к ветерку:

«О, ветерок, отправляйся утром
И коснись кудрей Лейли.

Скажи ей: «Тот, кого ты предала ветрам⁸,
Лежит во прахе твоей дороги.

Он ищет у дуновения ветра твой аромат,
Он рассказывает праху земли о горестях [любви] к тебе.

Пошли ты ему ветерок из своего края,
Пошли ему горсточку из своей земли в память о себе.

Каждый, кто не дрожит ради тебя словно ветерок,
Не стоит не только ветерка, но и праха.

Тот, кто не вручает свою душу тебе,
Лучше бы от невзгод лишился души.

Если бы не было огня любви к тебе,
Потоки тоски по тебе унесли бы меня.

Если бы вода глаз (слезы) не помогала,
То огонь страданий из-за тебя сжег бы мое сердце дотла.

Солнце, которое освещает мир,
От моих полных огня вздохов сгорает.

О светильник уединенной обители моей души,
Не обижай своего мотылька!

Чары твоих глаз лишили меня сна
С тех пор, как любовь к тебе изжарила мою печень.

Горесть и тоска по тебе служат мне покоем,
Они и бальзам и рана моего сердца.

Твои губы источают сахар, и, если можешь,
Пошли мне немножечко его (сахара)⁹,

И для моего недуга в этих оковах
Тот сахар будет целительным бальзамом.

Наверное, дурной глаз сглазил,
Что я пал в твоих глазах?

Много сочных прекрасных плодов
От дурного глаза падало наземь.

Время многих знаменитых убило¹⁰,
Рана, нанесенная пальцами, — рана смертельная.

Так как меня настиг дурной глаз,
Я выпустил из рук такой плод, как ты.

Синие линии, которыми обводят лицо,
Чертят для предотвращения раны, наносимой дурным глазом
врага.

Солнце, которое обведено синим кругом,
Страдает от дурного глаза и погружается в затмение¹¹.

Если сокровище не будет скрываться под каким-нибудь
покровом.
То все люди мира постараются растащить его».

34. МЕДЖНУН ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ВСТРЕЧУ С ЛЕЙЛИ

Однажды, когда воздух, облаченный в шелк,
Продел кольцо небосвода в свое ухо¹,

Когда ртуть звезд в результате изменений
Под огнем солнца превратилась в киноварь²,

Меджнун с обезумевшим сердцем, словно ртуть, отправился
С теми двумя-тремя нежными терпеливыми друзьями

В край любимой, ища ее,
Возвещая о себе и возглашая стихи.

С обезумевшим сердцем он стремился к любимой,
В разорванной рубашке терпения (сдержанности)

Бродил он вокруг гумна сердца,
Сшивая разорванную полу сердца.

Шел он, крича словно пьяные люди,
И бил себя руками в лицо и голову.

Когда дело сердца ушло из его рук (он потерял власть над
своим сердцем),
Он, опьяненный, добрался до шатра любимой.

По обычаю арабов та луна сидела,
Подняв завесу двери шатра.

Она увидела его и горько вздохнула,
А он, увидев ее, застонал.

Лейли, словно звезда, сидела в паланкине,
Меджнун, словно небосвод, держал завесу³.

Лейли сняла с лица покрывало,
Меджнун начал изливать жалобы.

Лейли извлекала звуки из чанга на коленях⁴,
А Меджнун бил рукой по голове словно по рубабу⁵.

То была не Лейли, а само утро, освещающее мир,
То был не Меджнун, а свеча, сжигающая себя.

То была не Лейли, а цветник цветников,
То был не Меджнун, нет, я ошибся, не Меджнун, а рана на
ране.

Лейли — полная луна с ярким светом,
Меджнун — тростник с высохшим стволом.

Лейли сажала розовый куст,
Меджнун сыпал жемчужины [стихов].

Что сказать о Лейли? — Она была самой пери,
Что рассказать о Меджнуне? — Он был самым огнем.

Лейли — жасмин, не испытанный осеннего [ветра],
Меджнун — луг в насгупившей осени.

Лейли дышала, словно угро,
А Меджнун, подобно свече, под утро умирал⁶,

Лейли глядела [на него], опустил на плечи свои кудри,
Меджнун продевал в ухо кольцо (серьгу) преданности к ней⁷.

Лейли пила утреннее вино, ласкающее душу⁸,
Меджнун дарил свое рублище за задушевную песню⁹.

Лейли внутри шатра ткала шелк,
Меджнун снаружи жег руту¹⁰.

Лейли стояла, словно расцветшая роза,
Меджнун омывал глаза розовой водой¹¹.

Лейли расчесывала свои кудри,
Меджнун из слез делал жемчужины.

У Лейли в руках было вино, благоухающее амброй,
Меджнун опьянялся не от вина, а от аромата этого вина.

Он довольствовался лишь одним ароматом ее,
А она была довольна тем, что он ищет ее.

От страха перед кознями соперников
Они довольствовались тем, что, словно чужие, глядели издали
друг на друга.

Но рок, выдвинув какой-то предлог, восстал
И лишил их этого единственного взгляда.

35. ОТЕЦ МЕДЖНУНА ОТПРАВЛЯЕТСЯ СВАТАТЬ ЛЕЙЛИ

Когда закрыли доступ в край любимой
И над высохшей рекой сломали мост,

Меджнун от мук разлуки
Всю ночь сочинял газели.

Всякий миг срывался со своего становища
И, распевая песни, отправлялся к Неджду.

Его два-три друга следовали за ним,
И подобно ему они были наги и без головного убора.

Он стал безумцем любви своего времени,
И позор его стал притчей во языцех.

Все родные жаловались на него,
Отец горевал из-за его истории.

Ему давали советы, но он не внимал советам,
Много притч рассказали ему, он не послушался¹.

Хотя добрый совет приносит тысячу полезных следствий,
Но когда приходит любовь, совет неуместен.

Бедный отец был в безвыходном положении,
Страдало его сердце из-за сына.

Постоянно полный думы,
Он оставался беспомощным и не знал что делать.

Он спросил у близких и домашних,
И они поведали ему всю эту историю,

Что, мол, он отдал свое сердце такой-то невесте,
И тайна его вышла из-за завесы².

Услышав рассказ, он решил
Очистить лицо своей розы от этой пыли,

Прикрепить к венцу своего любимца
Жемчужину, которая озаряет мир,

И просить для радости своих очей
Украшение чужого племени ценою сотни украшений.

Все старцы племени единодушно
Дали свое согласие на решение о том,

Чтобы он ту непросверленную жемчужину
Сделал напарницей жемчуга своего свода³.

Все они (старейшины) единогласно решили
Собраться в путь из своего края,

И, если удастся, путем законного брака,
Соединить безумца с этой луной.

Глава амиритов, узнав об этом (решении),
Перестал плакать и снова начал улыбаться.

Во главе большого сборища
Он стал всесторонне готовиться в путь.

Он торжественно шествовал
Во главе великолепно разубранной толпы.

Когда люди племени утешительницы сердец
Узнали [об этом], все от мала до велика

Вышли встречать их гостеприимно,
Обходительно и ласково.

Они проявили рвение в любезном приеме,
И поднесли гостям все, что полагается по гостеприимству.

Затем вождю амиритов они
Сказали «Какая нужда [привела тебя сюда], изложи!

Расскажи о цели своего [приезда], чтобы мы уважили [твое
желание].

С удовольствием удовлетворим его».

«Цель моя, — ответил он, — познакомиться [с вами],
А это ради двух светочей (наших очей)».

Затем он воскликнул отцу невесты:
«Да будет благословенным союз пары!

Хочу я, путем любви и породнения,
Твою дочь для моего сына.

Этот обуреваемый жаждой [любви] и рожденный в песках
Привязан своим взором к твоему источнику.

Каждый источник, обладающий приятной водой,
Утешает душу жаждущего, когда он пьет из него.

[Достойным] образом я преследую эту цель
И без смущения говорю о ней.

Как ты знаешь, я —
Среди самых прославленных в наше время.

Я обладаю и пышностью, и казней,
Обладаю и благами для любви, и средствами для вражды.

Я покупаю жемчужину, а ты продаешь жемчужину,
Продай свой товар, если ты разумен [в делах].

Какую бы цену ты ни просил,
Я заплачу [за нее] с излишком.

Каждый наличный товар, который в цене,
Продай, если пришел покупатель подходящий!»

Когда была сказана эта благая речь,
Отец невесты дал [такой] ответ:

«То, что сказал ты, ни к чему.
Ты говоришь, а судьба (небосвод) делает свое дело.

Хотя слова твои кажутся мне убедительными,
Но разве я стану сидеть вместе с сильным огнем?

Хотя это дело ты считаешь дружбой,
Но в нем сокрыто желание тысячи врагов.

Хотя твой сын благороден,
Но он не подходит, ибо самоволен.

Он неистовствует в безумии,
А безумец не заслуживает быть нам близким.

Сначала ты помоги ему молитвами [исцелиться],
А затем поведи речь о порзднении.

Пока он не станет жемчугом без изъяна (не исцелится),
Больше не следует вести речь на эту тему.

Нельзя покупать жемчужину с изъяном.
Ибо нельзя портить ожерелье.

Ты же знаешь, как арабы привередливы,
И если я сделаю это дело, что они скажут?

Забудь об этой речи [которую ты повел] со мной,
И хватит об этом!» — и он умолк.

Услышав эту речь, амирitys
Не видели другого выхода кроме как вернуться.

Разреши нам посватать за тебя одного из этих прекрасных
идолов.
Из числа здешних благословенных и знатных —

Подругу, которая обласкает твою душу,
И поладит с тобой, словно сахар с молоком»*.

36. ПЛАЧ МЕДЖНУНА
ОТ ЛЮБВИ К ЛЕЙЛИ

Выслушав наставления своих родных, [Меджнун]
Расстроился от горечи наставлений.

Уцепился рукой за рубашку и разорвал ее,
Мол, я мертвец, к чему саван.

Тот, кто ставит свой престол за пределами двух миров,
Разве может таскать в одной рубашке свои пожитки?¹

Подобно Вамику в тоске по Азре,
Он убегал то в горы, то в пустыню.

Подобно тюркам, он собрал из дому свои пожитки
И поехал в обозе кочевников².

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Молчи, ведь Лейли не душа же тебе,
Лучше ты забудь ее.

Более стройных и красивых, чем Лейли,
Вот перед тобой целая толпа [девушек].

Выбирай из них любую красавицу
И живи с ней согласно желанию.

Он разорвал дарра'у и сшил кольчугу,
Разорвал цепи и сжег оковы*.

Бродил он в дали, подобно чужезмцам,
Разорвав одежду от подола до воротника.

Он посчитал своим долгом убить себя,
Во всех округах избегали его, произнося: «Нет силы»⁴.

В обличье сумасшедшего он бродил по всем улицам,
Крича: «Лейли! Лейли!», он скитался повсюду.

В разорванной одежде, с непокрытой головой,
Лежал он на улице упреков (порицаний).

Он ладил и с добрым, и с дурным,
Ибо не отличал доброго от дурного.

Пел он любовные песни,
В честь Йеменской звезды.

В каждом двустии, которое слетало с его языка,
Вспоминались те или иные ее [поступки].

Все поражались его поведению,
Глядели на него и плакали над ним.

Он же не думал о том, что вокруг есть люди,
Или же что кто-то положит палец на его письмена⁵,

Ибо он стер с листа мира свои письмена,
И был он ни мертвый, ни живой.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще пять бейтов:

Мчался тот лишенный сердца (безумно влюбленный) во все
стороны,

Блуждая по дорогам гор и пустынь.

Он просверливал жемчуга из раковин двух глаз
И пел про себя эту касыду:

«До каких пор сердце будет терпеть горести по тебе?
До каких пор мои очи будут далеки от тебя?»

Возлюбленная [моя] не склонна к верности,
Кроме семян гнета она ничего не сеет».

Читал [такие стихи] и плакал Меджнун,
Проливая целый Джейхун крови сердца³.

Он был, словно упавший на камень ничтожный прах,
Ибо другой камень лежал на его сердце.

Его чистое тело превратилось в сгусток грязи,
Между двумя камнями он совсем измельчился.

Подобно свече он оставался со сгоревшим сердцем⁶,
Или же словно потерявшая свою пару птица.

На сердце клеймо горестей,
А на лице пыль земная.

Когда он изнемог от мучений и тоски,
Он вынес свой коврик из толпы⁷,

Сел он и шумно плакал:
«Что мне делать, о, где мое лекарство?»

Я бессмысленно брожу вдали от дома и близких
И не ведаю о дороге с улицы домой.

Нет мне покоя у порога своей обители,
Нет дороги к дому любимой.

Кувшин [доброто] имени и бутылка чести
Упали и разбились о камень⁸.

Барабан доброй [славы] разорван,
Теперь я бью в барабан отъезда⁹.

Тюрчанку, для которой я являюсь нерасторопной дичью
И целью стрелы,

Любимую, которой я повинуюсь от души,
Прошу, чтобы она скорее отняла мою душу.

Если любимая назовет меня пьяным, значит я пьян,
Если она назовет меня безумцем, значит я безумец.

Но если я пьян и безумен,
То не ищи у пьяного и безумца сердца.

Я не так запутан [сетью] судьбы,
Чтобы меня могли освободить какой-либо цепью.

Мои дела так расстроены,
Что не надеюсь на их поправку.

О, если бы свалилась на меня глыба земли
И пустила меня по ветру!*

О, если бы обрушилась на меня могучая молния
И сожгла и дом мой, и пожитки.

Нет никого, кто бы развел огонь
И спалил мои вздохи и душу,

Или бросил меня в пасть дракона,
Чтобы избавить мир от моего позора.

Из-за того, что я самый недостойный сын в наше время,
Я слышу безумцем среди людей и дивом дома¹⁰.

Мои родные унижены из-за моего нрава,
Друзья мои стыдятся даже моего имени.

Тот, кто прольет кровь мою — разоренного и больного,
Свободен от уплаты за кровь и от отщепеня.

О мои товарищи по пирам и вечеринкам,
Прощайте, прощайте все вы!

Та бутылка вина, что была в руках,
Упала, и разбилось стекло ее.

Хотя стекло и разбилось на моем пути,
Поток [слез] нахлынул и унес разбитое стекло,

Дабы, если кто по доброй воле подойдет ко мне,
Стекло не поранило его ноги.

О не ведающие о моих горестях и столах,
Вставайте и освободите мне дорогу.

* Здесь в некоторых рукописях имеются еще два бейта:

То меня с сожалением называют пьяным,
То именуют влюбленным идолопоклонником.

Не думай, что я, подобно золоту, поклоняюсь праху,
Ты положи мне в руки розы [свои], ибо у меня в руках
[сейчас] лишь прах.

Я потерял, и не ищите меня,
Не заводите речь с потерянным.

До каких пор будете мучить и истязать меня?
Когда же оставите меня наедине с моими невзгодами?

Не изгоняйте меня из этого края,
Ибо я сам оседлал [коня], чтобы убраться.

Я свалился с ног, какой у меня выход?
О друг, подойди и возьми меня за руку.

Этот немощный (я), кто вручил свое сердце тебе,
Он жив тобой, но лучше бы умер за тебя.

Приласкай меня одним милостивым приветом,
Обнови мою душу одной весточкой.

По разуму и рассудку я безумец,
Почему же на твоей шее должна быть цепь?

Не закидывай аркан на свою шею,
Моя шея больше подходит для аркана¹¹.

Твои локоны разорвали все, что зашивало мое сердце,
Кто научил их [искусству] разрывать чужие завесы¹².

Твои кудри отнимают сердце не силой,
Они индуски, а время слепо.

Сделай такое дело, о цель всех моих дел.
Чтобы я исправил свой ущерб.

Или возьми мою руку в этих горьких страданиях,
Или же остановись, чтобы я поцеловал твои ноги¹³.

Без дела нельзя сидеть,
Грешно [сидеть] в уединении со связанными руками.

Почему устали твои ноги от милости ко мне?
Разве ты не слыхала: «Окажи милость, будешь помилован!»¹⁴

Благоденствующий, который не трудится,
Не ведает о состоянии измученных трудом¹⁵.

Сытый, который для голодного накрывает стол
Очень мелко крошит в миску хлеб¹⁶.

Лишь тот ведает о жгучем огне,
Кто безбоязненно трогает его рукой.

И я, и ты рождены от Адама, мы—люди,
Но я—ничтожная щепка, а ты — ветвь самшита.

Разве мышьяк может быть почитаем как золото?
Один ман первого стоит крупинки второго¹⁷.

О утешение моей души, где ты?
Почему уводишь мою душу?

В чем вина моего сердца, умоляющего о прощении?
В чем мой грех кроме того, что люблю тебя?

Одну из тысячи ночей будь моей,
Хоть один раз разумный поступок подмени безумным.

Не отворачивайся (не отворачивай шею) от такого
поступка,
Пусть грех за этот поступок ложится на мою шею.

У этого невезучего немало грехов¹⁸,
Но если ты жалеешь меня, то я не забочусь об этом.

Твоя желчь сжигает обоняние,
В какой же день придет твоя милость?

Твой гнев раздувает сильный огонь,
Потуши его водою моих слез.

Твоя звезда для меня новая луна,
Я восхищенно (безумно) гляжу на тебя.

Лучше не манить меня тобой,
Ведь безумец и новая луна не ладят меж собой¹⁹.

Не спрошу я у своей тени о тебе,
Ибо я боюсь даже собственной тени²⁰.

Я ревную тебя даже к своей тени,
А ты отняла свою сень от моих дел²¹.

Ты увела мою душу и сердце, что это за сумятица?
Это не игра, а самое [настоящее] насилие²².

Твое существование, которым я прославился²³,
Полностью обездолило меня²⁴.

Хотя встреча с тобой недоступна мне,
Нет у меня горя, ибо я живу этой надеждой.

Когда жаждущий ребенок во сне видит,
Что его поят водой из золотого кувшина.

Просыпаясь от этого сладкого сна,
Он от жажды сосет свой палец.

Ноги мои подобно двум [буквам] «лам» согнулись,
Руки мои извиваются от боли, словно две буквы «йай»²⁵.

Мое имя прославилось твоим именем,
И потому оно (мое имя) тоже имеет два «лам» и два «йай».

Любовь к тебе невозможно отторгнуть от сердца,
И эту тайну невозможно никому рассказать.

Эта тайна вошла в мое тело с [материнским] молоком,
И она выйдет из моего тела лишь с моей душой!

Сказал это он и упал наземь,
Опечалились все, кто наблюдал за ним.

Милосердно они позаботились о нем
И отвезли его к нему домой.

Любовь, которая не является предвечной любовью, —
Игра вожделения юности.

Любовь — та, что не убывает,
И пока [обладатель] ее жив, не отступит от нее ни на шаг.

Не любовь, а простое увлечение,
То, чему сужден конец в вечности.

Меджнун, чье имя высоко прославилось любовью,
Познал всю сущность подлинной любви.

Пока был он жив, он терпеливо носил бремя [любви],
Подобно розе, он был блажен ветром любви.

Теперь, когда роза его увяла,
Капля, которая осталась от него, — розовая вода.

Я тоже этой ароматной розовой водой
Услаждаю реку своей воды (слезы).

37. ОТЕЦ УВОЗИТ МЕДЖНУНА В КА'БУ

Когда знамя любви этого покорителя мира
Подбно луне Лейли (ночи) водрузилось в небесах,

Изо дня в день имя его становилось изогнутее,
И он окончательно прославился своим безумием.

Каждое безумие с этого свитка [любви] —
Цепь, причиняющая головную боль человеку.

Благая судьба отвернулась сердцем от его дел,
И отец его был совершенно беспомощен в его делах.

Молился он от горести и страданий,
Чтобы мрачная ночь [сына] сменилась днем.

Не осталось ни одного разрешителя нужд¹,
которого бы он не посетил,
Но только пришлось ему отказать от них.

Родные все были с ним в его мольбах,
Каждый из них вместе с ним искал лекарство [от болезни
Меджнуна],

Увидев его злосчастье,
Они открыли уста [для молитв] за его исцеление.

[Наконец], все сошлись на том,
Что лишь Ка'ба откроет дверь [его исцеления].

Ибо источник удовлетворения нужд мира—она (Ка'ба),
Мухраб земли и небес — она².

Он (отец) согласился с тем, чтобы когда наступит сезон
Хадджа³,
Соберется в пугь как подобает.

Когда наступил сезон Хадджа,
Он потребовал верблюдов и украсил паланкины (носижки).

Сотней стараний он усадил
Дорогого сына в паланкин, словно луну.

Отправился он в Ка'бу с грудью кипящей
И подобно Ка'бе вдел кольцо в ухо⁴.

Он смешал жемчуга с золотом
И сыпал их словно песок на обитателей песков.

Та обитель сокровища стала обителью сокровищниц⁵.
Из-за множества сокровищ, которые он раздарил там [ради
сына].

Когда он встретился с благостной Ка'бой,
Он поспешил вымолить у нее удовлетворение [сокровенных]
желаний.

Взяв сына нежно за руку,
Он держал его некоторое время под сенью Ка'бы.

«О сын, — воскликнул отец, — здесь не место для игры.
Торопись, ибо здесь место для исцеления нужд.

Обними руками кольцо Ка'бы,
Ибо лишь с ее помощью можно вырваться из кольца
горестей*.

* В некоторых рукописях далее следуют еще три бейта:

Посмотри, как ты мучаешься,
Ты попроси [удовлетворения] желания и ты обретешь его.

Хоть на один миг ты приди в себя
И возведи от души свои руки к Господу.

Ну, хоть на часок возьми себя в руки
И избавь себя и меня от горя.

Скажи: «Господи, помоги мне
Избавиться от этой напасти!

Помилуй меня и окажи свое покровительство,
И верни меня на [правый] путь из этого безумия*.

Знай, что я пленник любви,
И освободи меня от горя любви!»

Услышав слова о любви, Меджнун
Сначала заплакал, а затем засмеялся,

Подобно свернувшейся кольцом змее вскочил с места,
Рукой взял кольцо Ка'бы.

Обхватив кольцо, он говорил:
«Я сегодня словно кольцо на двери.

За кольцо любви продаю душу,
Да не будет мое ухо без ее кольца!

Мне говорят: «Разлучись с любовью,
Только такова дорога к дружбе!»

Я же становлюсь сильнее от любви,
Если умрет любовь во мне, я сам умру.

Моя глина замешана любовью,
Да не будет у меня иной доли кроме любви!

Да унесет поток горестей сей же час
Сердце, которое свободно от любви!

Господи, заклинаю тебя твоим господством,
А затем совершенством твоей власти.

Доведи меня в любви до такой степени,
Чтобы она (любовь) осталась [во мне], если даже я не
останусь [в живых]!

Из источника любви озари меня светом
И не удаляй этой сурьмы от моих глаз!

* В некоторых рукописях далее следует еще один бейт:

Отведи эту напасть от моей души,
Освободи меня от этой страсти сердца.

Хотя я и опьянен вином любви,
Но сделай меня еще больше влюбленным, чем сейчас.

Мне говорят: «Освободи свое естество от любви,
Освободи свое сердце от стремления к Лейли».

Господи, ты умножай во мне ежечасно
Жажду к лику Лейли.

То, что осталось от моей жизни,
Отними у меня и прибавь к жизни Лейли.

Хотя от тоски по ней я стал словно волосок,
Но я не желаю, чтобы хоть волосок упал с ее головы.

Да не освободится никогда мое непокорное ухо
От кольца ее наказаний⁶.

Да не будет моя чаша без ее вина!
Да не будет мое имя без ее чеканки!

Да станет моя душа жертвой ее красоты,
Да будет дозволена моя кровь ей, если она прольет ее⁷.

Хотя я и сгораю, словно свеча, от тоски по ней,
Да не будет ни одного дня моя душа без тоски по ней.

Да растет в сто раз из года в год
Любовь, которая у меня есть сейчас!»

Отец слушал его [глядя на него],
И услышав его молитвы, умолк.

Он понял, что у сына заполнено сердце,
Что он подвержен неизлечимому недугу.

Отправился он домой к родным
И рассказал им о том, что слышал [о мольбе сына]:

«Когда этот сумасшедший разорвал цепи [привязанности
к нам]⁸.

Увидел кольцо Ка'бы в своих руках,

От него мои уши услышали такой напев,
Что он привел меня в волнение словно Замзам⁹.

Я думал, что он прочтет листок таких [молитв],
Что она (Ка'ба) избавит его от мук [любви к] Лейли.

Он же молился за нее, за ее желания и помыслы,
Он проклинал себя, а молился за нее!»

38. ОТЕЦ МЕДЖНУНА УЗНАЕТ О НАМЕРЕНИИ ПЛЕМЕНИ ЛЕЙЛИ

Когда разговоры распространились по миру
И в руки негодяев попал листок [суесловий]

О том, что от чрезмерной любви к одной похитительнице
сердец

Прекрасный юноша лишился рассудка,

Обо всем дурном и хорошем, что слышали о нем,
[Люди] распустили языки, говоря дурное и доброе.

Из-за злословий болтунов
Лейли уединилась в тоскливый дом, в плача.

Два человека из племени той красавицы
Обратились к вождю того племени:

«Один сумасшедший юноша из такой-то пустыни
Позорит [доброе] имя нашего края.

Каждый день он приходит с непокрытой головой,
Как шут, как собака со сломанной ногой.

В нашем стане, стоная и вздыхая,
Он то пляшет, то целует землю.

Каждый раз он поет новую газель,
И голос у него приятный и газели приятны,

Он сочиняет их, и люди запоминают,
И нас с тобой он предает ветру [позора].

Каждой газелью, которую он поет,
Он разрывает тысячу завес [нашей чести]¹.

Лейли из-за его суесловий словно в жару,
Он — ветер, от которого угаснет наша свеча².

Прояви свой гнев и накажи его³,
Чтобы [наша] луна избавилась от ущерба, причиняемого им.

Когда шихна племени узнал об этом деле,
Вор оказался с израненными ногами, а начальник был
палачом⁴.

Обнажив свой меч и придав ему блеск (остроту),
Он воскликнул: «Вот этим [мечом] я отвечу ему!»

Один из амиритов узнал об этом
И весть эту [тотчас же] унес к своему становищу.

Вождю амиритов по этому поводу
Он сказал: «Узнай о [еще] не случившемся бедствии.

Жестокий и кровожадный шихна
Быстр, как вода, и жгуч, как огонь.

Боюсь я, что Меджнун не ведает об этом
И узнает об этом, когда лишится головы.

Уместно будет ему знать [заблаговременно].
Что перед ним находится открытая яма».

Растерявшийся отец по [отцовской] привязанности
Вскочил на ноги из любви к нему,

Он велел своим друзьям и родным
Отправиться за шим, словно ветер,

И того злосчастливого привести [домой]
Лаской и разными уловками.

Они отправились в разные стороны на поиски его,
Искали, искали, но не нашли его.

Сказали они тогда, что, может, быть, наступил его смертный час,
Или же какой-нибудь хищник разорвал его своими когтями.

Каждый друг из его племени
Горевал и вздыхал из-за него.

Все домашние его плакали
Из-за исчезновения его следа.

А тот отшельник с просверленным ухом⁵,
Подобно сокровищу, прятался в каком-то углу.

От суетных мирских дел
Он удалился в уголок, заткнув свои уши.

В краю таких охотничьих просторов
Он довольствовался пылью дорог⁶.

Лисица лучше волка, обладающего силой льва,
Если она сыта (пресыщена)⁷.

Сокол, который не нуждается в пище,
Не станет смотреть на турача⁸.

Хлеб из неочищенной муки для голодного — блины,
Но для сытого хлеб из очищенной муки — ничто.

Когда естество разгорается от аппетита,
То грубая чумиза становится мягкой.

Халва, которая является целебным яством,
Для больного холерой — яд.

Меджнун, который был лишен целительного яства,
Ел все яства, словно яд.

Из-за немощи своей он отдавал
Ходкий товар за залежалый.

Нет, нет, печаль его была не такова,
Что можно было бы печалиться из-за ее чрезмерности.

Та печаль, которая повелевала им,
Освобождала его от оков его «я»⁹.

Он трудился в поисках сокровища,
Но не мог найти дорогу к сокровищу.

Один человек из племени Бану-Са'д
Навестил его, словно счастливая звезда.

Он увидел, что он лежит у какого-то источника,
Словно пьяный, в жалком состоянии.

Он был одинок (единственен), как скатерть его двустий,
Смысл которых был обширен, а рифма узка¹⁰.

То есть за ним не следовал никто,
Ибо одинокий человек не имеет последователя¹¹.

Он был словно созвездие Стрельца¹²,
В поклонах был как лук, а в верности стрелой,

Кроме стонов, не было у него товарищей,
Кроме тени, у него не было близкого.

Проходивший мимо человек, взглянув на него,
Заметил, что у него благородный вид, что он величав.

Человек спросил его о том, о сем,
Но кроме молчания ничего не добился.

Когда он убедился, что Меджнун не заговорит,
Он оставил его и отправился своей дорогой.

Путь человека лежал через его (Меджнуна) край,
И он сообщил людям его племени о нем,

Что, мол, Меджнун сейчас в таких-то развалинах
Извивается словно змея на камне.

Безумный, больной, он корчится в страданиях,
И избегает глаз людей, словно див.

От ран, которые он получил, душа его просверлена,
И обнажился его спинной мозг.

Несчастный отец, получив это сообщение,
Быстро покинул становище и племя.

Подобно диву, он блуждал около пещер,
В поисках своего безумца — одержимого дивом.

[Наконец], нашел его в узкой расселине.
Он лежал, положив голову на камень.

Он про себя читал газель,
То он плакал, то причитал.

Он лил кровь сердца из глаз
И шатался подобно своей судьбе.

Он был так пьян он вина самозабвения,
Что не ведал о том, есть ли в мире кто-нибудь.

Увидев его, отец приветствовал его,
Проявил большую ласку и мягкосердечие.

Увидев внушительный вид отца,
Меджнун упал к его ногам, словно тень.

«О венец моей главы, — [воскликнул он], — и престол
моей души,
Прости меня, ибо я беспомощен.

Смотри на меня, но не спрашивай о моем состоянии,
Поручи мою судьбу провидению.

Ведь не хочу я видеть, чтобы в такой день
Твои глаза взирали на меня с такой болью.

Мое лицо горит черным стыдом от того, что ты пришел.
С каким же лицом могу я просить у тебя прощения?!

Ты знаешь, каков [конечный] счет моих дел, —
Конец нити [судьбы] не в наших руках».

39. ОТЕЦ НАСТАВЛЯЕТ МЕДЖНУНА

Увидев, в каком состоянии сын,
Отец застонал и бросил наземь свою чалму.

Зарыдал он, словно утренняя птица,
И его день стал мрачным, словно ночь.

Молвил он: «О [мой] измученный листок,
Ты подобен розовой книге с разорванными листами,

О ты, влюбленный, сколько же [у тебя] беспокойства,
О ты, сгоревший, сколько же [у тебя] незрелых поступков.

Кто испортил твою красу дурным глазом,
Чье проклятие наказало тебя?

Чья кровь пала на твою шею¹,
Чьи шпы разорвали твою полу?

Оказался ты не у дел, но какому делу ты предался².
Какая колючка попала в твой глаз?

Бывают влюбленные, но не такие несчастные, как ты,
Терпят лишения, но не такие тяжкие.

Разве ты не изнемог от тяжести горестей,
Слушая упреки врагов?

изм.

Разве твое сердце не насытилось от порицаний?
Как ты не воскрес от этого воскресения?³

Положи конец страсти, в которой ты превзошел [всех],
Ибо разбил свой камень [чести] и исчерпал мой источник

[слез].

В мелких делах ты проявляешь мелочность⁴,
Большой недостаток не обладать выдержкой.

Хотя хорошо, если недостатки скрыты под кожей,
Но зеркало друга — лучший друг⁵.

Зеркало по своему обыкновению говорит правду
И показывает недостатки, если помоешь его.

Зеркало свободно от доброго и дурного,
Этот его нрав прирожденный от [матери] -земли⁶.

Садись и выкинь из сердца свое горе,
Лучше не ковать холодное железо.

Я понимаю, что у тебя не хватит силы
Быть вдали от друга с помощью долготерпения,

Но хотя бы изредка
Ты посещал нас и взглянул на нас.

Всякий в порыве страсти гоняет [коня гуда-сюда],
Но от скачки и беготни [в конце концов] устают.

Хватит быть пьяным без вина,
Нельзя быть мечтателем, не имея о чем мечтать⁷.

Ты ушел, предав ветру весь урожай,
А я остался под властью желаний врага.

Гюка у нас с тобой есть сила чеканить,
Выкинь этот плохой чекан из рук⁸.

Ты бьешь по [струнам] руда, а я — по коленям,
Тырываешь одежду, а я свою душу.

Любовь зажгла в тебе огонь,
Она сожгла твое сердце, а мою печень⁹.

Не отчаивайся в поисках лекарства¹⁰,
Ибо нет удивительного в том, что зернышко растет.

Бывает, что дело, с которым ты не связываешь надежду,
Становится источником надежды.

В самой безнадежности много надежд,
Ведь конец черной ночи светел.

Ты садись и вставай (общайся) с благополучными,
Убегай ты от этой судьбы, убегающей от тебя.

Пусть благополучие (счастье) не уплывает из [твоих] рук
Там, где есть благополучие, исполняется и желание сердца¹¹.

Счастье — ключ для распутывания всех узлов,
Бирюзовый перстень господства.

Все завоевания, которые развязывают узел обоих миров,
Кладут на полу счастья.

Если ты проявишь терпение, то, несомненно, с [помощью]
терпения

Счастье постепенно вернется к тебе.

Море, которое так безбрежно (обширно),
Образовалось от стечения капель воды.

Высокая гора, вершина которой касается облаков,
Образовалась от собрания крошек земли.

Смотри, не будь слаб в терпении,
Ведь жемчужину можно найти только неторопливо.

Не будь безрассудным, ибо муж без рассудительности
Подобно червяку, бывает без ног.

Лиса потому берет свою долю у волка,
Что у нее большая рассудительность, а у него ее мало.

Зачем нужно отдавать сердце человеку,
Который даже не вспомнит о тебе многие годы.

Она без тебя [расцветает], словно роза, а ты завяз в грязи,
У нее каменное сердце, а ты на сердце носишь камень.

Если [люди] начинают говорить тебе о ней,
То этим они преследуют твое бесчестие (позорный конец
твоих дел).

Яд — отдавать горю душу
Или давать сельдерей ужаленному скорпионом.

Сын мой, займись каким-нибудь делом,
Дабы избавиться от [дурного] мнения о тебе.

[Знаешь] почему индус колотит слона по голове? —
Чтобы он не вспоминал об Индии.

Ты — моя душа, дороже души,
Живи ты дома, ибо ты мой дом и имение.

Какой толк от того, что ты мытарствуешь в горах? —
Лишь слезы, которые я лью по лицу.

На пути этом и камни, и ямы,
Остерегайся ты и тех и других в пути.

Не упорствуй, ибо шихна в засаде,
Не таскай цепи [позора], ибо они железные (тяжелые).

Ты младенец на дороге, а путеводитель — коварство,
Гляди на меч и береги голову.

Встречайся ты со своими друзьями,
Веселись с ними вопреки желаниям врагов!»

40. ОТВЕТ МЕДЖНУНА ОТЦУ

В ответ на сахар, который источал [отец], Меджнун
Раскрыл уста, с которых полились сладости (леденцы).

«О величии равный небосводу, — воскликнул он, —
О ты, кто выше небосвода по высоте [помыслов],

О шах покинутых становищ и разоренных кочевий¹,
Чей лик даровал арабам мускусные родинки,

Твой чертог — кыбла моих молитв,
Жизнь твоя — источник моего существования.

Хочу я, чтобы ты вечно жил,
Да не будет самой жизни без тебя!

Сокровище добрых советов, которое ты подарил мне,
Словно бальзам, который ты наложил на мои ожоги.

Но что же делать мне с черным лицом (виноватому),
Ибо я упал на этой улице не по собственной воле.

На этом пути я не по своему желанию,
Ты ведь знаешь, я не в своей власти.

Я связан, а оковы мои из железа.
Какой толк от стараний, когда моя доля такова.

Эти оковы я не могу снять своей силой,
И эту тяжесть я сам по себе не смогу сбросить*.

Не один лишь я горемыка,
Кто же видел, что нет сотни таких горемык, как я?

Тень не по своей воле падает в яму,
И луна в зенит поднимается не сама по себе².

Начиная от слона, кончая мурашкой,
Нет ни одного существа, на чью бы долю не выпал этот гнет**.

Даже камень сжимается от жалости к тому, как мое сердце
сжато.
Кто же может желать себе, чтобы сердце его сжималось?

Злая судьба преследует меня,
Кто же может прогнать злую судьбу от себя?!

Если бы можно было помочь [мне] на этом пути,
То я давно стал бы солнцем или луной!

Раз это дело не подчинится моему желанию,
То улучшение моих дел — не мое дело.

Мне, злосчастному, не видать радостной жизни,
Разве есть кто-нибудь, живущий радостно?***

Подобно молнии я замыкаю уста для улыбки,
Ибо боюсь сгореть, если улыбнусь.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Сказал ты мне, чтобы я не превращал своего сердца в кровь.
Но если нет покоя, как же мне быть?

От этой молнии, которая ударила меня,
Сгорела тысяча таких гумен [жизни], как у меня.

** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Если бы дела [свершались] согласно желанию людей,
То никто не испытывал бы неудовлетворенности [желаний].

*** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт

Я проливаю кровь, словно открытая рана,
И блуждаю, словно домашняя пылинка.

Говорят мне: «Почему не смеешься?
Ведь плач — признак горя».

Боюсь я, что если весело я засмеюсь,
То из моего рта вырвется пламя.

41. РАССКАЗ

Куропатка однажды схватила клювом мурашку,
Насилюя это слабое [создание].

Муравей [вдруг] начал без конца смеяться¹.
[И сказал] куропатке: «Ты ведь не умеешь так».

Куропатка размякла от его смеха
[И воскликнула]: «Это ведь мое ремесло, а не твое!»

Но когда тотчас же завохотала (захохотала),
Из своего клюва выпустила мурашку.

Вот каждый раз, когда так хохочет мужчина,
Нет сомнения, что его покинет величие (внушительность).

Смех, который не к месту,
Обходится дороже тысячи плачей.

Раз я [создан] для мук и страданий,
Во имя какого наслаждения стремиться к покою?²

Старый осел, который таскает ношу,
[Обречен] трудиться до тех пор, пока есть в нем душа.

Он обретает покой лишь тогда,
Когда от такой жизни умирает*.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Не говори, что любовь — острый меч,
Ибо эта любовь возвращена в доме [сердца].

Голова, которая избегает битвы с мечом,
Да будет отсечена мечом воителя за веру.

Чеуместно бояться меча в любви [влюбленному],
Но меч жагает головы влюбленных³.

Влюбленный не должен бояться [лишиться] души,
Тот, кто стремится к своей возлюбленной, не должен бояться
мира (расстаться с миром).

Так как моя луна скрыта за облаками (в тумане), то
Я жажду меча для головы, а где острие меча?⁴

Голова, которую жалеют для жертвоприношения [любимой],
Заслуживает меча и таза⁵.

Моя душа корчится на огне [любви],
Я страдаю, но эти страдания приятны мне.

В такой гадкой [жизни] у меня осталась лишь душа,
И оставь мою душу, чего ты хочешь от нее?»

Когда Меджнун закончил свои речи,
Отец его разрыдался из-за того, что он сказал.

В одном углу отец сидел, плача,
В другом углу сын лежал нагой.

Он снова повел его домой,
Обласкал его и поручил [заботам] друзей.

И злосчастный безумец [со взбудораженным сердцем]
В муках терпел.

Два-три дня в пытках он жил
Так, что каждый, кто видел его, плакал.

Потом он порвал завесу и вздохнул,
И к ущельям и к пустыне направил путь.

Жил он в муках и страданиях,
Нет, он умирал, а не жил.

Когда же от любви доходил до крайности его экстаз,
То он уводил его в радостное место — Неджд.

Он направлялся в Неджд, словно хмельной лев,
С железными [оковами] на ногах и камнем на руках⁶.

Издавал он пронзительные крики
И слагал газели после каждого крика.

Со всех сторон люди толпами
Собирались вокруг той горы и глядели на него.

Каждое редкостное [стихотворение], которое слышали
[от него].

Запоминали они или записывали.

И разносили по всем концам мира подарок,
И влюбленные от тех песен разбогатели.

42. О СОСТОЯНИИ ЛЕЙЛИ

Заглавный лист книги добрых знамений,
Царица царей царства красоты.

Список красоты под семью циркулями¹,
Вскормленная семью халифами²,

Зависть для лика небесной луны,
Источник страданий сердца, кипарисов садов,

Победительница в игре, связанной со страхом и надеждой³,
Наследница луны и солнца.

Михраб для молитв идолопоклонников,
Свеча [царского] чертога и кипарис садов.

Сотоварищ любви и соперница неги,
И хранитель сокровищ, и раздающая сокровища,

Украшение облачающихся в шелк,
Источник капитала торговцев сахаром,

Предмет сердечного восторга тысячи редкостных жемчужин,
Цепь для тысячи безумных Меджнунов —

Лейли, что была знамением (чудом) красоты
И на которую были обращены взоры целого края,

Словно орошенная [росой] роза с чашей в руке
Вышла наружу из своего свежего бутона.

Ее статный кипарис стал еще стройнее,
Ее виноподобный финик совсем созрел.

Роела она в саду для услаждения сердца
И своими томными взорами сжигала людей.

С помощью чар, имеющихся в ее взорах,
Она завоевала сто царств половиной томного взгляда.

Бросая кокетливые взгляды,
Она подвергала набегам арабов и тюрков.

Ни одна дичь не спасалась от ее лука⁴,
Ее томные взгляды захватывали, ее локоны связывали.

Джейран ее глаз с пупком амбры
Делал своей добычей и пупки амбры и джейранов.

И арканом своих локонов во время охоты
Она оцепляла шею львов⁵.

Лицо она превращала в розу, а губы — в мед,
Которым восхищался леденец.

Тысячи прекрасных были привязаны сердцем [к ней],
Вождедея ее меда из розы⁶.

Локоны ее шествовали по пути, который можно назвать:
«Проси поцелуя!»

А ресницы говорили: «Бог даст!»⁷

Локоны арканами своими звали к себе,
А ресницы прогоняли всех: «Удадитесь!»⁸

Своими ланитами она превосходила лулу,
А розе они давали фору в две пешки.

Стан ее был строен, словно был рожден кипарисом,
А лицо ее — словно фазан на кипарисе.

Губы ее насмехались над сахаром,
И зачеркивали пальцами леденцы⁹.

Ее рубины вели беседы о поцелуях
И завидовали горе ее сахара¹⁰.

В открытую ямочку ее подбородка
Сотни сердец, заблудившись, падали.

Косы ее — длинные веревки на дороге,
Чтобы вытащить тех, кто падал в ту яму.

При всей этой красоте и прелести
От любви ее сердце обливалося кровью.

За завесой, выход из-за которой был закрыт,
Она проводила дни словно [лира] с расстроеными ладами.

Тайно взбиралась она на крышу
И с утра до вечера глядела [на дорогу],

Чтобы как-нибудь повидаться с Меджнуном,
И посидеть с ним где-нибудь хотя бы секунду,

Чтобы взглянуть на него краем глаза
И как-нибудь поведать ему о горе сердца.

От страха перед соперником и боязни перед зложелателями
Тайно вздыхала она до полуночи.

Она, словно свеча, жила с отравленными улыбками,
Сладко смеялась [на людях] и горько плакала

[в одиночестве].

Она царапала розу [своих ланит] слезами,
Или вырезала из дерева образ друга.

Она горела в огне разлуки
Без дыма и без света¹¹.

Она держала перед собой зеркало болезни¹²
И общалась лишь со своим отражением.

Она, словно ветер, поднимала бурю,
И, словно прах, скрыто свое сердце съедала¹³.

Кроме тени не было у нее держательницы завесы¹⁴,
И кроме завесы не было подруг ее горестей.

Так много она шепталась с тенью о своих тайнах,
Что соседка ее всю ночь не засыпала.

Жила она между огнем и водой¹⁵.
Ты бы сказал: та периликая — сама пери.

Если музыкой у женщин служит скрип веретена,
То стрела — оружие для колчана царей¹⁶.

Отбросня двуглавое веретено из рук,
Она взяла стрелу, предаваясь ее одноглавой мелодии¹⁷.

Одноглавая стрела оказалась деятельной¹⁸,
А веретено бессмысленно крутится из-за того, что оно
двуглавое¹⁹.

Она извлекала [из своих глаз] целые моря жемчугов.
И из глаз проливала целые корабли [слез]²⁰.

Она хлебала за завесой горести,
Горе же съедало ее и не питало жалости к ее горю²¹.

Вдев в ушки свои золотые кольца,
Она приставила свои ушки, словно кольцо, к двери.

И с кольцом своих ушей она ладила,
И это кольцо не доверяла чужому уху.

В поисках света из источника луны
Словно источник она стояла, вперив глаза в дорогу²²,

В ожидании того, что кто-нибудь, быть может, принесет ей
весточку,
Или от утешения ее души принесет привет.

Кроме аромата верности, ничего не видела она
В ветре, который дул со стороны Неджда.

И облако, направлявшееся с той стороны,
Одарило ее лишь водою нежности²³.

Из какого бы угла дома она ни выглядывала наружу,
Она обнаруживала, что к ней торопится новая газель.

Каждый мальчик, который возвращался с базара,
Декламировал по случаю какое-нибудь двустишие [из стихов
Меджнуна].

Кто бы ни проходил мимо их дома,
Передавал ей привет каким-нибудь стишком.

Лейли, обладавшая совершенной красотой,
Была красноречива и в поэтическом слове.

Эта непросверленная жемчужина сама сверлила жемчуг²⁴,
И слагала такие же девственные стихи, как она сама.

На двустиишия, которые она читала о состоянии Медждуна
И которые были [прекрасны] как редкостные жемчужины,

Она отвечала стихами —
Жгучий огонь их она гасила влагой своих [строк].

Тайно она из крови своей месила листок
И на нем записывала свои бейты²⁵,

Затем бросала с крыши на дорогу [эти листки],
И таким образом этот жасмин посылал весточку кипариеу.

Кто бы ни находил эти записки,
Читал и [от восторга] бросался в пляску,

Относил ее (записку) и отдавал тому дивному,
Который сочинял дивные слова.

Он же тотчас умелый экспромт
Слагал в знак этого события.

Таким образом эти влюбленные,
Обменивались разными посланиями.

Песни этих двух опьяненных соловьев
Сокрушали все [любовные] горести всюду.

От этих двух приятногласных струн
На многих сазах появлялось много согласных напевов²⁷

На руде, рубабе и печальном чанге
В одном ладу звучал напев этих двух мелодий.

Они не успевали сложить новое редкостное слово,
Как чанг и флейта тут же подхватывали его с напевом.

От песен этих двух единомелодных
Даже малые дети в домах стали певцами.

Враги же разверзли ворота упреков
И, распустив свои языки, [осуждали] обоих на всякий лад.

А они от злословий болтунов
Омывали себя слезами из глаз.

Таким образом они провели год,
Довольные мечтой, как мечтатели.

43. ЛЕЙЛИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ ГУЛЯТЬ ПО САДУ

Когда свои шатры роза перенесла в степь,
Земля освежилась от лика (встречи с ликом) розы.

Цветы на деревьях заулыбались¹,
Словно ланиты на лицах счастливыхцев.

Мир поднял свой двухцветный стяг, [сотканный]
Из красного тюльпана и желтой розы².

Благодаря листе и цветам цветочного и плодового садов
Соловей оказывался с песнями и напевами.

Напоенная свежей жемчужиной (росой)
Молодая зелень источала изумруд.

Тюльпан рассыпал по [своим] листьям киноварь
Из-за того, что на их буквы попала черная краска³.

Обе косы фиалки из-за длинноты
Падали ей на ноги во время игры⁴.

Почка, крепко затянув пояс,
Вытаскивала из себя острне колючки (шипа).

Роза ткала шелковую ткань
Прилежно, как рабыня с серьгой в ухе.

Лилия, как только восходило розоцветное солнце,
Бросала свой щит без боя на воду.

Гиацинт открыл головку мускусного мешочка⁵,
А роза тянулась к ней двумя руками.

Самшит расчесывал свои кудри,
Гранатовый цветок создавал гранатовые зернышки⁶.

Нарцисс из-за своего пламенного нрава
Проснулся, словно пораженный горячкой⁷.

Солнце каплями ветра
Пускало кровь из жил пурпура (аргавана)⁸.

В серебряном источнике, который вытекал из жасмина,
Желтофиоль омывал свои листья.

Роза открывала свои очи для поцелуя,
Когда не увидела себе подобной, стала капризничать⁹.

Ирис обнажил язык, нет, не язык, а меч,
Нет, нет, я ошибся, поднял меч над головой.

Птицы, проглотившие языки, подобно вбронам,
В саду говорили языком своим.

Турач готовил из своего сердца кебаб¹⁰,
А горлица сыпала соль из груди своей.

Каждый вяхирь на вершине чинара
Напевал слова о подруге.

Соловей, вытянув голову на дереве,
Подобно Меджнуну, стонал (вздыхал).

Роза, подобно лику Лейли, из-под паланкина
Высовывала венценосную голову¹¹.

В такой благословенный сезон роз
Лейли вышла из своего шатра,

Закрутив кончики своих кудрей,
Оросив свои розы фиалками¹².

Сладкоустые ее племени
Окружали ее, словно жемчужины одного ожерелья.

Звали их тюрчанками, поселившимися у арабов,
Ибо тюрчанки с арабским станом прекрасны.

В окружении тех идолов она, словно гурья,
[Величаво] шествовала — да будет дурной глаз далеко от
нее! —

Поллюбоваться зеленью садов
И посидеть в тени красных роз,

Вместе со свежим нарциссом выпить чашу
И с тюльпаном вкусить девственное вино.

Заставить своими кудрями виться фиалки
И напоить своими ланитами расцветшую розу,

Научить кипарис величаво шествовать,
Смыть с жасмина его белизну¹³,

Взимать с благоухания бутона дань
И получить харадж (налог) от царства луга,

Привить свою тень к финиковой пальме,
Посмеяться над видом кипариса и розы¹⁴.

Нет, нет, не в этом была ее цель,
[Целью ее выхода] не были ни кипарис, ни роза,
ни шиповник.

Она хотела где-нибудь в укромном уголке,
Подобно обожженным, излить свою душу.

Поведать хмельному соловью о своей тайне (тайных муках),
И рассказать о перенесенных ею горестях,

Найти в ветерке над цветником
Какой-нибудь след своего далекого друга,

Быть может, от этого на душе станет легче,
И тяжесть ее сердца полегчает.

В том краю была финиковая роща,
Которая была краше китайской живописи¹⁵,

Одна пальма была краше другой,
И словно та роща вела в сад Ирема¹⁶.

Такого прекрасного места
Не видел ничей глаз в той пустыне.

Лейли и другие славные невесты
Величаво отправились на тот луг.

Подобно розе, она села на траве,
Бросая на траву розу своей тенью¹⁷.

Куда бы ни доходило ее благоухание,
Оно поражало ирис и выводило из себя розу.

На каждом лугу, где она омывала руки,
Вырастали самшит и кипарис.

С кипарисостанными и тюльпаноликами
Она гуляла, чтобы повеселиться и посмеяться.

Некоторое время она развлекалась там,
И, наконец, покинула место гуляния.

Одинокое села под кипарисом [на траве],
Словно фазан на крыльях попугая.

Сидя на траве, этот букет роз
Застонал, словно соловей весной.

Стонала и тайно в стонах
С любовью говорила:

«О мой искренний и преданный друг,
О подобный мне и достойный меня,

О молодой и благородный кипарис,
О ты, со жгучим сердцем и холодными вздохами,

О, если бы ты пришел в этот сад
И охладил жар моего сердца!

Сидел бы со мной в согласии с желанием сердца,
Я бы любовалась твоим вязом, а ты — моим кипарисом.

Допустим, что ты не ощущаешь так, как я, разлуку со мной,
И тебе не до гуляния в садах и блаженства в дворцах,

Хотя бы тогда добрыми словами
Прислал ты мне весточку!»

Не успели эти слова слететь с ее уст,
Как с дороги послышался чей-то голос.

Кто-то шел газель, как жемчужина,
Подобную редкостной жемчужине, из слов Меджнуна:

«О ты, кто разрывает завесу моего добронравия,
Да будет надежда на тебя держательницей моей завесы!»¹⁸

Меджнун тонет в волнах кровавых [слез],
Лейли же занята счетом каких дел?

Меджнун царапает [до крови] свое сердце,
С чьей раны Лейли скоблит соль?

Меджнун пронзен стрелами колючек,
В какой мере спит Лейли?

Меджнун рыдает тысячами стонов,
О каком веселье думает Лейли?

Меджнун корчится в страданиях и муках,
В каком весеннем саду Лейли гуляет?

Меджнун завязывает пояс нужд и молитв,
Перед чьим лицом Лейли смеется?

От разлуки сердце Меджнуна обезумело,
А с каким блаженством Лейли почивает?»

Прослушав эту газель, Лейли
Зарыдала, плава своими слезами камни.

Одна из кипарисостанных сада
Тайно наблюдала за нею и видела,

Как тяжело ей в разлуке с любимым
И как она нежно любит друга.

Когда они возвратились домой,
Та редкостная жемчужина скрылась в раковине своей.

Та, кто узнала о ее тайне, не скрыла тайны
И поведала ее матери о том, что увидела,

Чтобы ее приласкала мать любезная
И придумала лекарство для исцеления ее.

Мать из-за своей злосчастной дочери на выдании
Металась, словно птица в клетке.

«Если я оставлю ее в покое, — говорила она, —
То она захмелеет [от любви], как обезумел тот.

Если же я призову ее к терпению,
Она не справится, и я лишусь ее».

Она горевала из-за страданий [дочери].
Горевала и терпела.

Лейли же, заключенная, словно сокровище, в крепость,
Выглядела луной в паланкине.

Она дышала так, как будто глотала туман,
Тайно она горевала так, словно глотала меч¹⁹.

Жила она кое-как со стесненным сердцем (в страданиях)
Но есть ли любящий, у которого не стеснено сердце?

44. СВАТОВСТВО ИБН-САЛАМА К ЛЕЙЛИ

Составитель списка радостей того сада
На бедре этого слова (сказания) поставил такое клеймо:

В тот день, когда та луна отправилась в сад,
Подобно двунедельному месяцу, украсив себя,

Водрузив розы на свой кипарис,
Расстроив базар розовой воды и розы¹,

Завив свои цепеподобные локоны,
Кольца которых были связаны меж собой, словно звенья цепи,

Один юноша из [племени] Бану-Асад
Увидел ее — цветущий цветник роз.

[Юноша] был доблестным, талантливым и родовитым.
В глазах арабов он достиг высокой степени.

Было у него много соплеменников и родня [могущественная],
Он занимался службой и защитой [благополучия племен].

Уши всех людей жаждали [услышать] его приветствия,
И потому удачливая судьба прозвала его Ибн-Саламом².

Он был богат и могущественен,
Все люди показывали на него пальцем.

Увидев этот яркий светильник,
Он словно ветер поспешил добиться ее.

Не ведал он, хотя он и открыл сокровище,
Что ветер со светильником не ладит³.

Когда он вернулся с дороги в свой край,
Он уже жаждал соединиться с той луной.

Он забыл об одной тонкости,
Что никто не может обнять луну⁴.

Он искал средство и послал человека,
Чтобы заключить договор с той рожденной пери⁵,

Чтобы посредством сватовства
Пересадить Лейли в свой паланкин.

Он прибег к уловкам и [настойчиво] просил,
Он стал унижаться, словно прах, и сыпать золото, словно
прах⁶.

Он согласился отдать тысячу царских сокровищ,
И стада, и табуны, больше чем можно просить.

Когда пошел красноречивый посредник
Чтобы просить [руку] прелестного идола,

Он начал просить [ее руки], целуя руки [родных],
И всячески старался [заполучить] невесту.

Отец и мать [Лейли] сели,
Связывая свои надежды с просьбой [свата].

Они ответили ему: «Просьба твоя уместна,
Но нужно повременить немного,

Чтобы этот свежий весенний сад
[Оправился] от небольшого недуга, которым она страдает.

Когда она порадует нас своим здоровьем,
С благодарностью мы отдадим ее и заключим [брачный]

союз.

Этот союз принесет пользу,
И, если захочет Аллах, он состоится скоро.

Но только не сейчас, а через некоторое время,
И надлежит вам довольствоваться [нашим] обещанием.

Нужно, чтобы бутон розы расцвел,
Чтобы колючка была выметена из сада.

[Тогда] наденем на ее голову золотой венец,
И вместе с золотым венцом отдадим ее тебе».

Став женихом, Ибн-Салам
Вынужден был терпеть [до условленного времени].

Погнал он своего коня в свой край
И сел, очистив [со своей цели] пыль⁷.

45. НАУФАЛ ПОСЕЩАЕТ МЕДЖНУНА

Лейли [удалилась] за завесу паланкина.
Готовая разорвать завесу из-за пребывания за завесой¹.

Лишившись завесы доброго имени и чести,
Она попала на лады чанга и флейты².

Она стала притчей на устах певцов газелей,
Базиликом для мозга москательщиков.

Она прославилась в напевах влюбленных,
Испытывая удары бубнов певцов³.

Она извивалась, словно ее кукури,
Без друзей, без сна и без покоя.

Обезумевший Меджнун тоже в пустыне
Блуждал бесцельно, словно его собственная судьба.

Неприкаянный, он бегал одинокий по пустыне
В сопровождении хищников пустыни.

Он тысячами усилий гонял бурую [клячу] своего [существа].
И тысячи бед он вкладывал в каждое свое двустипие.

Он шел к Неджду, гонимый экстазом,
Шел он величественно, а не как дух Неджда⁴.

Израненной ногой он бил по литаврам любви
И смычком стонов подметал землю.

Каждый влюбленный, услышав его вздохи,
Разрывал все, что было на нем из одежды.

В царстве тамошнего края был один сердобольный муж,
Кооторый был словно железо, размягченное водой.

Имя его было Науфал; перед его отвагой
Склонялся весь тот край покорно.

Он сокрушал [целые] войска ударами своего меча,
По доброте он был газелью, а в гневе — львом.

Он был покорителем могуществ и сам обладал могуществом,
Богатством и золотыми дирхемами⁵.

Однажды, [вооружившись] своим мощным оружием,
Он отправился на охоту в те края.

В расселинах печальных пещер
Он бродил в поисках дичи.

Он увидел там страдальца с израненными ногами,
Каждый волосок которого был окован слезами.

[Он был] изможденный, больной и одинокий
[В состоянии], желанном для врагов, и далекий от друзей.

Одичавший вдали от людей,
И несколько диких [животных] вокруг него*.

* В некоторых рукописях здесь есть еще один бейт:
Он пел проникновенные песни
И лишался чувств каждый, кто слушал его.

[Науфал] расспросил о его нраве и свойствах,
И ему поведали о состоянии его дел,

Что, мол, от печальной любви к одной женщине
Он обезумел так, как ты видишь его.

Денно и ночью блуждает он, слагая стихи,
И ищет у ветра свою возлюбленную, благоухающую амброй.

Каждому ветру, который приносит ее аромат,
Он читает сотни строк и газелей.

Каждому облаку, которое приходит из ее края,
Он читает сладкое, как сахар, стихотворение.

Путешественники приезжают из разных стран,
Чтобы глядеть на этого злосчастного чужестранца.

Они приносят напитки или еду,
И иногда ему преподносят и одну чашу.

С тысячью усилий он берет чашу
И осушает ее в честь утешительницы своего сердца.

Вот его расчет во всех делах,
Вот таков его расчет и таковы его дела.

Услышав все это о состоянии Меджнуна,
Науфал сказал: «Сейчас будет весьма человеколюбиво,

Если я постараюсь соединить с желанием сердца
Этого утерявшего сердце. Я знаю [как быть]»*.

Со спины своего бамбуконового скакуна
Он соскочил наземь, освободив ноги.

Тотчас же он позвал к себе Меджнуна
И усадил его с собой за скатерть.

Он рассказывал ему горячие сказания
До тех пор, пока не сделал его мягким, словно воск.

* Здесь в некоторых рукописях следует еще один бейт:
Я бродил в понсках дичи,
О, какую же славную дичь я поймал!

Тогда рассказчик [Науфал] заметил, что благородный юноша
Без [беседы о] любимой не вкушал ни одного куска,

[Ничего не ел] без рассказа о любимой,
Хотя сам был кожа да кости.

О чем бы ни шла беседа,
Кроме Лейли, он ни о ком не говорил...

Сбившийся с пути и одержимый [Меджнун]
Успокоился от того, что он услышал [от Науфала].

Стал он радостным и обрел покой,
С ним начал есть и пить.

С ним он быстро обрел покой,
Когда нашел [достойного] собеседника, он стал радостным.

Сердце и мозг его восторгались,
И читал он сладкие касыды.

На каждое слово с радостным смехом
Он отвечал экспромтом, похожим на огонь.

А тот сладкоречивый добрыми ответами
Благоустроивал разрушенную обитель [его бытия]:

«Вдали от своего яркого светильника,
Смотри, не изнемогай, как свеча.

Золотом или силой длани я
Сделаю ее чашей твоих весов.

Если даже она превратится в птицу и взлетит в воздух,
Мои руки все равно сзади ее смзатят.

Если она спрячется, словно искра в кремне,
То с помощью стали я извлеку ее оттуда.

До тех пор, пока не станет твоей супругой та луна,
Я не укорочу свой аркан, ища ее».

Челом, наполненным надеждой, Меджнун
Бил перед ним, склонившись в знак благодарности:

«Эти речи, услаждающие своим ароматом душу,
Прекрасны, если в них нет оттенков лжи.

Но такому безумцу, как я,
Мать не отдаст ее никогда.

Нельзя отдавать розу ветру,
Нельзя отдавать луну одержимому злым духом⁶.

Разве она смеет приближаться к нам?
Одержимый злым духом и новая луна не совместимы.

[Долго] стирали мою рубашку в поисках средства
[исцеления меня].
Но она не стала пригодной для молитв⁷.

Потратили много белого серебра,
Но наш черный коврик не стал чистым⁸.

Если даже твоя рука обладает чудотворством,
Она не достанется мне теми путями, [о которых ты говорил].

Но я боюсь, что, оказывая мне помощь,
Ты вдруг оставишь меня на полпути беспомощным,

Еще не успеет попасть в мои руки моя дичь,
Как ты уже уберешь свою руку от меня и от моего дела.

Да будут эти твои [громкие как] барабан обещания
Далеки от пустозвонства [как у барабанов].

Если ты обещаешь то, о чем говоришь,
Да воздастся тебе за твое [праведное шествие] по пути
господа!

Но если источник этих слов мираж,
То оставь меня, — и этим совершишь благое дело, —

Чтобы я взялся за свое прежнее ремесло,
Встал и за свое дело взялся»⁹

Науфал от его причитаний и мольб
Был охвачен острым порывом как можно скорее помочь ему.

Пожалел этого одинокого сверстника своего,
Вернул ему не только жизнь, но и благое расположение
духа*.

* Здесь в некоторых рукописях есть еще один бейт:

Юноша тот был чужестранцем, молодым,
Свободного нрава и беспомощным.

Он заключил уговор с ним и поклялся
Сначала господством господ (всевышнего),

А затем миссией пророка Его,
Чья вера была принята всеми разумными:

«Своим сокровищем и мечом преданно
Я постараюсь, как лев, а не как волк,

Не терпеть, не есть и не спать
До тех пор, пока не добьюсь желаемого.

Но у меня есть к тебе одна просьба,
Чтобы ты отрекся от безумства.

Ты садись и будь спокоен,
На несколько дней возьми свое сердце в руки.

Ты должен оставить огненное сердце,
А я — открыть железные врата [твоего желания]».

Увидев такой напиток, безумец
Понял, что он должен пить его, ибо в нем спасение его души.

Он оставил безумство и успокоился
И проявил верность уговору.

Он связал свои ноги терпением
Побрызгав водой, потушил свой огонь¹⁰.

Он умчался с ним (Науфалом) в его стан
И разбил свой стан под его сенью.

Он искупался в бане, надел одежду,
Успокоился и начал вкушать вино.

По обычаю арабов обвязал [голову] чалмой,
И сел с ним пить вино и слушать руд¹¹.

Он сложил много приятных газелей
В честь восхитительной красоты [любимой].

Науфал любезно на его голову
Сыпал, словно облако, жемчужины.

Обретя покой от одежды и еды,
Он стал прекрасен, ибо о нем заботились.

Его желтое лицо стало розовым,
И согбенная спина стала как бамбук.

И его черные, словно мускус, ростки
Обвили его подобное месяцу лицо¹².

Той розе, что придавала аромат дыханию,
Ветер принес обратно то, что когда-то похищал¹³.

Светлое утро снова заулыбалось,
Солнце снова показало свои зубы.

Привязанный цепями в пустыне стал разумным.
От скованного в доме удалились оковы¹⁴.

Зелень успокоилась в саду,
И дали в руки красной розы чашу.

Меджнун своей сдержанностью и степенностью
Стал мудрейшим на собраниях умов.

И гостеприимный великий [вождь]
Ухаживал за ним сотней тысяч способов,

Он без его появления не веселился,
Он не пил вина без его благородного присутствия.

Два-три месяца в веселии
Они провели вместе, вкушая вино.

46. МЕДЖНУН УПРЕКАЕТ НАУФАЛА

Однажды они сидели вдвоем,
Предаваясь радости и веселию.

Меджнун, жалуясь на время,
Два-три любовных двустушия произнес:

«О ты, кого не заботят мои дымоподобные стоны,
Ты бросил мой прах на ветер лжи.

Ты дал мне больше сотни дружеских обещаний,
Но не исполнил даже пол-обещания.

Ты обязался принести мне сладкий напиток,
Но ты забыл о своем обязательстве.

Ты привел меня, обманув мое сердце,
И передал в руки нетерпения.

Твои уста источали уговор в любви,
А сегодня ты сомкнул эти уста.

Сотню болезненных [для меня] слов я выслушал от тебя,
Но не получил от тебя ни одного бальзама.

Терпение меня покинуло, а разум убрал свои пожитки,
Пойми меня, иначе меня покинет самообладание.

Обещать вернуть сердце лишившемуся сердца,
А потом поступить против этого обещания

Не подобает благородным,
Ибо друзья должны дружить лучше!

Слово, в котором я не вижу верности,
Я не считаю достойным такого человека, как ты.

Без любимой я — большой и беспомощный,
И подобен жаждущему, далекому от живой воды.

Подать воду страждущему — закон,
Подарить разрушенной деревне сокровище — закон.

Если мою цепь не свяжешь с ней,
То снова получишь меня безумцем.

Или ты доставишь мне Лейли,
Или я и жизнь противоположены друг другу».

47. БИТВА НАУФАЛА С ПЛЕМЕНЕМ ЛЕЙЛИ

Науфал от таких душераздирающих упреков
Стал мягким, словно воск от огня.

Вскочил на ноги и собрался в путь,
Обнажил свой меч и надел кольчугу.

Сто избранных мужей,
Летавших на коне, словно ятицы [в воздухе],

Вооружил и послешно помчался
Словно лев, гнавшийся за дичью.

Когда он доехал до становища того племени,
Потребовал к себе гонца и отправил весть:

«Вот я и вот войско, как огонь,
Мы готовы, быстрые и упорные.

Приведите Лейли немедленно,
Иначе ждите меня и моего лихого меча,

С любезностью, свойственной мне, я
Доставлю ее тому, кто заслуживает ее.

И тогда и погибающий от жажды обретет воду,
И передающий воду обретет вознаграждение за благое дело!»

Когда гонец ушел и передал весть,
Зеркало любви между ними разбилось.

Ему ответили: «Это не дело,
Ведь Лейли не лепешка, а диск луны.

Ничья рука не способна дотянуться до луны,
Это дело не только тебе, но ни одному человеку недоступно.

Как ты можешь увести ее, ведь она — солнце,
Ты — проклятый сатана, а она — метеор.

Если ты обнажишь меч, то и мы обнажим его для битвы,
Если бросишь бутыль с горючим, мы разобьем ее камнем»¹.

Услышав их, гонец, хочешь — не хочешь,
Возвратился и передал весть.

Тогда он гневно снова
Приказал ему: «Стойко пешком вернись

И передай им: «О не ведающие о моем остром мече
И не помышляющие о моем быстром скакуне,

Убирайтесь с дороги человека, который сама буря морская,
Иначе вас постигнет бедствие».

Вестник его второй раз
Привез недостойную весть.

Гнев так обуял Науфала,
Что из его сердца взмыли огненные языки.

Он вместе с воинами обнажил меч
И словно лев бросился на племя.

Обе стороны столкнулись, словно горы,
Издавая пронзительные воинственные кличи.

[Соплеменники Лейли] отпустили узду [коней] и бросились
на науфальцев,
Бросились с мечами на львов.

Море боя взволновалось,
Войны шумно столкнулись.

Окровавленные мечи держа в руках, словно чаши,
Опьяняя землю падавшими на землю каплями.

Наконечники копий храбрецов
Начали сокрушать кулаки быстрых львов.

Птицы мчащихся стрел
Разверзли свои клювы, чтобы пить кровь².

Сталь мечей, проникавшая до мозга [костей],
Головы глав валила к ногам.

Ржание порывистых арабских коней
Оглушало уши небосвода и луны.

От сверкающих молний смерти
Сталь сокрушалась (крушилась) о камень³.

Зубцы голов грозных палиц, сеявших бедствие,
Были остры, словно головки (кончики) волос дейлемцев⁴.

Стяги с солнцем, распустившим десять язычков,
[Напоминали] утро, пробывавшееся с десяти сторон^{5*}.

* Здесь в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Земля колыхалась, словно море,
Лица камней покрылись оспой, как у Пляед⁶.

Каждый черный лев стоял
С разинутой пастью, словно черный дракон.

Черные львы разрывали [все на своем пути].
Белые дивы гарцевали⁷.

Каждый в бою бился с кем-нибудь из всадников,
Меджнун же был занят расставанием с душой.

Каждый гнал своего коня в бой,
Он же молился за [установление] мира.

Каждый сокрушал мечом кого-нибудь,
Он же сокрушался от сожалений⁸.

Подобно паломникам [Ка'бы] он кружился
И призывал к миру воюющих.

Если бы его не удерживал стыд, он, как туча,
Стал бы сыпать мечи на свое войско.

Если бы люди не осудили,
Он сражался бы против своих людей.

Если бы его не удерживал смех врагов,
Он тотчас же отрубил бы головы своих друзей.

Если бы ему было доступно, то он
Пустил бы в своих защитников стрелы судьбы.

Если бы его сердце настойчиво не удерживало его,
То он убивал бы своих спешников.

Находился он среди войска [Науфала] взбудораженный,
Старался, чтобы победило войско противника.

Здесь он гнал своего гнедого впереди,
А за тем войском посылал коня добрых молитв.

Если кому-нибудь из его людей отрубали голову,
Он целовал руки отрубившего се.

Если же кого-нибудь убивали из войска любимой,
То он омывал его потоками своих слез.

С этой стороны держал копьё прямо против,
А победу желал законечникам копий той стороны.

Если его войско одолевало сильной дланью противника,
То он поливал его стрелами и дротиками.

Если же сторонники любимой побеждали,
Он рычал от радости, словно лев.

Одни [из воинов Науфала] подошел к нему, говоря:
«О доблестный, ты крутишься вокруг боя словно небосвод⁹.

Мы ради тебя отдаем свою жизнь,
А почему же ты помогаешь врагу?»

Он молвил: «Ведь враг — друзья любимой,
Как же я могу взяться за меч против них?!

С врагом можно биться насмерть
Как же можно против друга биться?

От боев исходит зловоние,
А тут благоухает ароматом покоя*.

Та сторона поддерживает сторону друга,
Кто же может унижить сторону друга?

Склонность моего любящего сердца там,
Где сердце, там и душа.

Умереть ради друга — одно из условий [любви].
Ее право — отнять мою душу, а мое — отдать ее.

Если с такой готовностью [ради любимой] я расстаюсь
с душой,
То разве стану я жалеть ваши души?!»**.

* Здесь в некоторых рукописях следуют еще три бейта:
Когда возлюбленная посылает аромат души,
Влюбленный отвечает ей тем же самым.

Если она посылает мне сурьму из праха [своих стоп],
То разве я осмелюсь дать ей камней?!

Если она обещала мне мед,
То как же я могу позволить дать [взамен] уксус!?

** Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:
Увидев его в таком состоянии, спрашивавший
Залился слезами, опустив вниз взоры в слезах
А тот плясал в пыли,
И так он проводил битву!

Науфал с мечом в руке в бою
Сокрушал [врагов], словно опьяненный [битвой] слон,

Каждой стрелой он уносил [из жизни] одну душу,
А каждым натиском он сваливал целый мир.

Куда бы он ни направлялся, он отрубал голову,
Куда бы ни доходил, проливал кровь.

И хвастливые воины
Сражались до наступления ночи.

Когда кудри голубого кольца
Посыпали на чело дня амбру,

Когда этот грузин поднял свой стяг,
У русского укоротил голову, как у локона завиток¹⁰.

Оба войска отстали друг от друга
И полю боя предпочли поле для сна.

Когда же черная змея свернулась,
Заххак белого рассвета засмеялся¹¹,

В руках бесстрашных бойцов
Копья стали [жалить] как змеи Заххака.

В стане племени Лейли
Собрался отряд конницы, громадный словно гора.

Спереди и сзади племени воины
Начали выпускать тучи стрел.

Увидев такое скопище войск, Науфал
Понял, что лишь постучав в дверь мира, он избежит
опасности.

Он послал посредником одного из родных,
Чтобы заключил между ними мир:

«Здесь неуместно говорить мечом,
Посредником между нами должна быть любезность.

Ради юноши, сведенного с ума пери,
Прошу я у вас вашу пери.

И ради этого дела из своих средств
Я готов пожертвовать сокровища харварами¹².

Если осуществление этого замысла богоугодное дело,
То ваше согласие будет самым сладким сахаром.

Но если вы не продаете сахар,
То хотя бы не спешите предлагать уксус.

Если не хотите уладить это дело,
То к чему биться мечами?»

Когда посредник начал излагать это предложение,
Оба войска отстранились друг от друга.

Когда обе стороны послушали просьбы друг у друга,
Они повернули узды [коней] от вражды.

Пришел мир [как стражник] с копьем в руке,
И война удалась от обоих войск.

48. МЕДЖНУН УПРЕКАЕТ НАУФАЛА

Почуяв запах перемирия, Меджнун
От злости быстро погнал гнедого [в бой].

Он бросился мечом [языка] на Науфала:
«О ты, кто соединил двух влюбленных!»¹

Браво, ловко же ты умеешь обнадеживать!
И лучше этого нельзя исполнять свое обещание!

Разве до этих пределов простиралась высота твоей шапки,
[Разве до этих пор] ты собирався обнажать свой меч
и вести войско?»²

Такова была мера твоего могущества?
И таковы были твои чары, призванные заковать дива?

Таково гарцевание твоего коня?
До этих лишь пределов ты умеешь бросать аркан?

Тот, кто восстановил твои помыслы против моих замыслов,
Проявил необыкновенную ловкость против меня!

Друга, который был мне врагом только из-за приветствия,
Ты теперь сделал окончательно моим врагом³.

И дверь, перед которой я преданно молился,
Ты закрыл тысячью замков⁴.

О друг, теперь я порываю дружбу с тобой,
Ты разорвал тетиву моего дела, о, как прекрасно ты
поступил!⁵

Много нитей [дружбы] обрываются из-за «дружеских услуг»,
Много королей [шахматных] падают от одного коня⁶.

Часто стрелы, которые выпускает пастух
В волка, попадают в собаку.

Хотя твое благородство высокославно,
Но в исполнении уговора не совершенно»*.

Науфал, бросив щит перед его натиском⁷,
Начал утешать его лаской и любезными словами:

«Я из-за отсутствия помощи и малочисленности войск
Притворно прибег к помощи мира.

Теперь, когда я добрался до своего дома,
Я еще не отказался от острого меча.

Я призову воннов из племен,
И вонжу сталь в камень⁸.

Я не успокоюсь до тех пор, пока ударами меча
Этих ослов не спущу с крыши»⁹.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще четыре бейта:

Тогда, когда я не был так изможден, как сейчас,
Я лучше, тверже опирался (надеялся) на тебя.

Почему же ты отчаялся в этом убитом (во мне),
Почему начал пожинать то, что ты не сеял?

Раз ты заложил основу [доброе дело], как благородные
мужи.

То великодушно и доведи ее до конца.

У меня тьма на сердце, а ты — источник света,
У меня изнемогает тело, а ты — бальзам.

И тотчас же он отправил людей в Багдад
И Медину собрать войско.

Стремясь к мести, со всех краев
Он собирал войско некоторое время.

Он собрал [наконец] бесчисленное войско,
И расположил их лагерем от горы до горы*.

49. ВТОРОЙ БОЙ НАУФАЛА

Открыватель сокровища этой казны
Так поднимает свою голову с груди сокровища:

В тот день, когда Науфал повел свое войско,
Наблюдавшие поражались [его многочисленности и мощи].

От землетрясения [произведенного топотом] бойцов
Вершина Абу-Кубайса начала осыпаться.

Противники, услышав его крики,
Построились в ряды и устремились в бой.

Вождь племени с группой воинов
Поднялся на наблюдательную горку.

Он увидел, что пустыня переполнена копьями и кинжалами,
И весь горизонт переполнен войсками.

От ударов барабана и звуков труб
Сердце замирало в теле.

У него не было ни желания, чтобы броситься в бой,
Ни лица, чтобы отвернуться лицом от [боя]¹.

* В некоторых рукописях далее следуют еще два бейта:

Он первым пришел на поле боя,
Враги его ослепли, вернее, стали кривыми [от ненависти].

Движимый враждою к врагам Меджуна,
Он размахивал кровожадным [мечом].

Он уперся ногой в землю там, где был,
А поток пришел и унес пожитки счастья.

Центры двух войск столкнулись,
Каждый пущенный в ход меч опускался на какую-нибудь
голову.

Потоки крови омывали пески,
И из текущих песков выростали агаты².

Сердца утомились от разрывания печеней,
Мечи устыдились отрубания голов.

Отважный Науфал, обнажив меч,
Сокрушал своим натиском горы.

Он бился словно дракон:
Удар -- секунда, секунда — один человек^{3*}.

На кого бы он ни опускал головку своей палицы
Разрывал его, будь он даже горой Эльбрусом.

На какого бы воина он ни опускал меч,
В книге его не оставалось ни одного листа^{4**}.

Так свирепо они бились,
Что от острия меча носилки превращались в погребальные
носилки⁵.

Когда друзья бывают единокорны,
Они извлекают из камней целые водоемы⁶.

Раздоры приводят к расстройству⁷,
А единокорные приводят к победе.

Для сторонников Науфала день оказался удачным,
И по счастливому знаменю они оказались победителями.

*В некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Он явился на поле битвы,
В глазах его вместо ресниц были стрелы.
В глазах у смертоносных бойцов
Скрывались гирлянды голов от ударов булавы.

** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Меджнун же был занят своей страстью,
Он боролся с ней и отдавал душу [в этом бою].

Они бросились с ударами на врагов и разбили их,
Убили, свалили [наземь] и поранили их.

И те, кто спас жизнь, были ранены,
А те, кто был ранен, умерли.

Старцы племени, осыпая свои головы прахом,
Отправились к порогу Науфала поцеловать землю перед ним.

Они вопили и стонали долго:
«О правосудный судья, помоги нам!

О ты, перед кем повержены враги,
Считай, что все мы убиты и пленены*.

Против нас, двух-трех раненых, не бери в руки стрелу и
копье—
А протяни нам руку помощи.

Прекрати ты навсегда это светопреставление,
Ведь кроме этого есть и другое светопреставление!

Если твои враги снова наденут доспехи
Тогда пусть твой меч снова пляшет**.

Мы бросили свои щиты к твоим ногам,
Прости нас, мы умоляем тебя.

До каких пор ты будешь посылать нам весть стрелами и
копьями?
Сколько можно сражаться с беззащитными?»

Победитель, увидев их плач,
Смиловившись и простил совершенный ими грех.

«Мне нужна немедленно невеста, — молвил он, —
И тогда я возвращусь от вашего племени с радостью».

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:
Какая тебе польза от того, что убьешь нас?
Настоящий мужчина не станет проливать кровь мертвого.

**Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:
Если враг бросит перед тобой свое оружие,
То разве подобает тебе добывать поверженного?

Отец невесты пришел печальный
И подобно праху лицо свое положил на прах.

«О ты, среди арабов своим величием
Достойный престола и венца!*

Я ранен, стар и сердце мое разбито,
Дни мои проходят в несчастии — да будет это далеко от тебя!

Я стал предметом порицаний арабов,
Из-за этого я прозываю себя Аджамцем.

Я вижу, что эта кровь, которой пролито больше, чем можно
описать,
Грузом лежит на шее моей судьбы.

Мне хочется превратиться в ртуть
Из-за стыда за этот грех.

Если мою дочь возьмешь сюда
И подаришь самому ничтожному рабу своему,

Я буду доволен и возблагодарю тебя,
И не откажусь исполнять твою волю;

Если разведешь жгучий огонь
И сожжешь ее словно алоэ,

Если сбросишь в [глубокий] колодец
Или уничтожишь своим мечом.

Я не перестану быть твоим рабом
И беспрекословно покорюсь твоему слову**.

Но не отдам я своего дитяти диву,
Ибо одержимому дивом лучше быть в обручах, чем
обрученным.

*Здесь в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Твои помыслы выше помыслов солнца,
Твой престол выше престола Джамшида.

** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Если даже я буду свежей весенней розой,
Буду покорен твоему указу.

Сумасбродный и свет как могут ладить между собою?
Щепки и — да избавит нас Господь! — огонь вместе?

Этот неблагородный безумец
Не имеет будущего, он [ничтожный] бродяга.

Он привык бродить по горам, по пустыням,
Блуждать и шататься по свету,

Сидеть в обществе опозоренных
И позорить свое и мое доброе имя.

Для доблестных людей лучше лишиться благополучия,
Нежели жить с бесславным именем.

В земле арабов не осталось ни одного ветра,
Который бы не разносил [позор] моей дочери.

Не заполучив ее, он сделал ее [пищей] для злых языков,
Он сделал ее предметом осуждения для мира.

Если мою узду отдашь в его руки,
С позором будут упоминать мое имя всегда.

Человеку лучше попасть в пасть дракона,
Чем жить в позоре*.

Если ты внемлешь моим мольбам
И освободишь меня [от выполнения гребования], будь вечно
свободным!

Если нет, то, клянусь господом, я вернусь
И освобожусь от [предмета] твоих забот.

Отрублю голову похожей на луну невесты
И на этой дороге брошу ее собакам,

Чтобы избавиться от ее позора и бесчестия
И освободиться от мира и войны из-за нее.

При таких условиях лучше мое дитя
Пусть растерзает собака, нежели див в облике человека;

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Ты не стремись еще больше опозорить мое имя,
Глядя на сегодняшний день, бойся того дня (воскресения).

Ведь за того, кого укусила опасная собака,
Если есть бальзам, нечего бояться.

Но того, кого укусит человеческий язык,
Не спасти даже с помощью тысячи бальзамов».

Когда он кончил читать такой убедительный лист,
Науфал оказался бессильным ответить ему.

Он смиловивился над тем, искусным в речах,
И сказал ему: «Встань!

Хотя я и вождь войска
Прошу я твою дочь по-любовному.

Если ты не хочешь, как угодно твоей душе,
Кто же отнимет ее у тебя насильно!

Женщина, которую берут силою рук,
Словно черствый хлеб и кислая халва, которые берут.

Я, который пришел ради добрых молитв,
Теперь сыт совершенными насилиями».

Те, кто были избранными приближенными [Науфала],
Были согласны со стариком в отношении спасения его:

«Этот одержимый страстью безумец
Обладает очень скверными помыслами*».

Ветренник со взбудораженным сердцем
Не согласится стать главой домашнего очага.

Во всем том, что ты отдашь ему, даже в спасении,
Он будет неустойчив, ибо у него нет воли.

Мы вчера сражались на поле боя ради него,
А он молился за победу врагов.

Ради него мы становились мишенью для стрел,
А он сыпал на нас проклятия.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Каждая женщина, которая попадет в его лапы,
Подурнеет нравом и лишится достоинства.

Это не признак разумных людей,
Ему все равно — и плакать, и смеяться.

Если этот союз будет заключен,
Все равно жребий этот повлечет за собой лишь горе.

Не будет хорошо с точки зрения [нормального] положения вещей,

Если она будет жить с испорченным, а ты со стыдом⁸.

У нас есть слава и доброе имя, и будет лучше,
Если мы оставим это необычное дело.

Проситель [руки Лейли] оставил эти разговоры
И со своим войском возвратился к себе.

Меджнун с разбитым сердцем в том деле
Расстроился всем сердцем в страхе перед колючкой [судьбы]*.

Он пришел к Науфалу с глазами полными слез,
От гнева кипящий словно вулкан:

«О ты, кто был стоек в дружбе,
Не исполнивший своего обещания!

Такое светлое утро
Почему ты променял на такой безнадежный день?

Почему мою дичь упустил из рук?
Куда же делась рука твоей помощи?

Ты меня, жаждущего, подвел к берегу Евфрата,
Но, дав испить, ты ввергнул меня в ад.

Ты достал сахар из сундука,
Приготовил сладкий напиток, но дал мне горечь.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Сегодня, в день достижения желанья,
Судьба моя, что дремала, [вдруг] умерла.

Если бы судьба была благосклонной ко мне,
У меня был бы друг, такой же верный, как я.

На скатерть мою ты положил леденцы,
Но затем прогнал меня, словно муху.

Если на концы нити был завязан такой узел,
То лучше было бы не вить эту нить, лучше было бы не
портить хлопок».

Сказав это, он узду повернул от него,
Оставшись с одним конем, помчался на двух конях*.

Он удалился от них [от Науфала и его людей],
И шел он с расстроенным сердцем, словно туча.

Проливал из глаз влагу на землю —
На свой смертельный яд он поливал опиум (противоядие)⁹.

Науфал же вернулся в свои владения
И сел со своими друзьями.

Он послал за злосчастным Меджнуном,
Чтобы успокоить его сердце, ибо за него болело его сердце.

[Долго] искали его в тех краях,
Но след его словно простыл.

Исчезновение его было неожиданным,
Но поняли, по какой причине он исчез.

*Далее в некоторых рукописях следуют еще пять бейтов:

Сколько бы он не успокаивал его [словами]:
«Я вознагражу тебя [невестой] лучше, чем она [Лейли].

Устрою я тебе из этого края
Прекрасную чету, подходящую тебе.

Славную, красивую и богатую
С серебряной грудью и серебряными бедрами,

Дабы ею дела твои устроились
И счастье вернулось в твой дом!»

Много таких обещаний подавали ему,
Но не смогли снять оковы с его сердца.

50. МЕДЖНУН ОСВОБОЖДАЕТ ГАЗЕЛЕЙ

Создатель этой мелодии на органоне
Из его ладов извлек следующий напев:

Та птица, не достигнув цели,
Улетела от Науфала и его людей.

Он гнал свою быструю птицу поспешно,
Гнал, словно ветер в пустыне¹.

Пел он песни о неверности,
О Науфале и о нарушении им своего слова.

Каждой покинутой стоянке в том краю
Он жаловался на свою злосчастную судьбу.

Проливал он слезы, испытывая боль,
И [вдруг] заметил издали расставленные сети.

Несколько газелей попало в эту ловушку,
Руки и ноги их были крепко связаны.

Охотник жадный собирался подойти
И пустить кровь из тел этих газелей.

Меджнун погнал коня, чтобы заступиться за них,
А охотник, увидев всадника, остановился.

«По обычаю охотников, — воскликнул Меджнун, —
Я твой гость [и имею право] на все, что у тебя есть.

Убери силки с голов газелей,
Этих двух-трех обезумевших животных отпусти.

Почему ты лишаешь жизни этих зверей?
Ведь у каждой твари есть душа.

На их прекрасных глазах и спинах
[Изначально] начертано: «Не подлежат гневу»².

Как сердце твое соглашается, чтобы поднять руку
И пролить кровь этих двух-трех невинных [существ]?

Такой человек не человек, а волк.
Убивать газелей — большой грех.

Разве не похожи их глаза на глаза любимой?
Разве их мордашки не напоминают новую весну?

Заклинаю тебя глазами твоей любимой, оставь их,
Заклинаю тебя новой весной, пожалей их.

Не отрубай им шеи, ибо они верностью знатны,
И веревка не подходит их шее.

Эти шеи с каймой свободы
Разве не жалко предать стальному мечу?

Эти черные глаза, окаймленные сурьмой,
Будет грешно, если будут сомкнуты под землей.

Их возбуждающая зависть у чистого серебра грудь
Не заслуживает быть зажаренной на огне.

А знаешь ли ты, эта гладкая спина, вскормленная негой,
Не заслуживает раны.

А пупок, в котором спрятан чистый мускус,
Разве достоин того, чтобы пролить его кровь?

Красивые ножки, словно стройные тростинки,
Знаешь ведь ты, что не заслуживают пыток.

Спинам их, которые не таскают чьего-либо груза,
Если ударишь об спинку земли, будет больно»³.

Охотник от этих чарующих слов,
Закусив палец, остался, словно вкопанный.

«Я бы послушался твоих слов, — воскликнул он, —
Если бы бедность не ходила со мной в обнимку.

Я охочусь два месяца и поймал только это,
У меня многочисленная семья, и улов мой только это.

Если охотник корчится в такой нужде,
То как можешь ты отпустить его добычу?

Если ты хочешь защитить эту добычу своим покровительством,
Выкупи их жизнь, ведь у тебя есть средства!»

В ответ этому бедняку Меджнун
Соскочил ловко со своего коня.

Своего газеленого [коня] отдал ему
И освободил шею газелей [от силков].

Он остался с теми двумя-тремя газелями.
Охотник же ушел и увел коня.

С любовью, а не от жалости
Он целовал черные глаза газелей [приговаривая]:

«Хотя эти глаза не глаза любимой,
Но они напоминают мне ее черные глаза».

Он долго молился за газелей,
А затем освободил их из ловушки.

Следовал он торопливо за газелями,
Издавая вопли в той пустыне.

Он был при оружии, но без злого умысла,
И, подобно розе, его утомляло его оружие⁴.

В кипящих горах песка
От своей природы он был словно кипящий котел.

[Жар] его сердца испарял воздух,
Колючкам он дарил шелк и парчу⁵.

Когда ночь оделась в черную рубашку,
А солнце спрятало свой стан от луны,

Тот обезумевший из-за заключенной в крепость луны
От стонов превратился в тростниковую струнку⁶.

Да так, что никто никакими изысканиями
Не мог бы отличить его от волоска.

Ночь была черна, как кудри его любимой,
Дорога тоньше, чем страдающее от любви тело.

Издавая вопли, он вполз в какую-то пещеру,
Подобно укушенной змеей ящерице.

Из моря глаз он извлекал жемчужины,
[Свалился] с ног, сел, извергая волны.

Начал извиваться, как извивается змея по земле,
Или же колючка, когда кладешь ее на огонь.

До наступления дня он не спал от стонов
И от того, что [мрачными] вздохами чернил листы [своего
бытия] словно ночь⁷.

51. МЕДЖНУН ОСВОБОЖДАЕТ ОЛЕНЯ

Когда утро со счастливым жребием дня
Подняло свое освещающее мир знамя,

Абиссинские брови [ночи] нахмурились
Из-за того, что китайское зеркало взошло из Китая¹.

Он [Меджнун] с зеркалом [образа] мечтаний в руке,
Словно зеркало, но заржавевшее,

Поднялся, как поднимается дым от огня,
Как дым, но приятный, как дым амбры.

Направился в путь, читая стихи,
Распевая песни о любимой*.

Незаметно он добрел до одного места,
Где снова увидел расставленную сеть.

В ловушке находился олень,
Шея была в петле, готовая для ножа.

Охотник собирался [разорвать] словно свирепый лев
[Злосчастливого] оленя розового цвета,

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Он шел и очами подметал дорогу.
«Как прекрасно все уладил Аллах!» — говорил он.

Пролить его невинную кровь,
Из такой крови что могло вырасти?²

Добравшись до охотника, Меджнун
Отпустил [повод] языка, словно нож кровопускателя [кровь]:

«О ты, словно собака насильников, хватающий слабых,
Убери сеть с шеи беспомощного.

Пускай этот пленник сети
Живет в свое удовольствие два-три дня.

Освободи его от петли кровавой,
Пусть пойдет в свою нору к своей паре.

Что же скажет о тебе его пара,
Если не найдет его?³

Она скажет: «Тот, кто разлучил тебя со мной,
Да встретится с таким же горем!

Да не увидит твой охотник счастливого дня!
Да постигнет его такой же несчастливый день, как и меня!»

Если ты страшишься стонов горестных тварей,
Оторви свои зубы от этой [беспомощной] добычи.

Каково было бы твое мнение, если бы по воле рока
Он стал охотником, а ты — добычей?!

Как ты можешь спокойно согласиться,
Чтобы ты был охотником, а он — добычей?»

Под [влиянием] этих искусных слов охотник
Отказался от крови своей добычи.

Он молвил: «Не погублю я его душу,
Но и не отдам его даром.

Средство к моему существованию — только эта добыча.
Если выкупишь его, это будет уместно».

Меджнун все свои доспехи и оружие
Снял с себя и проворно положил перед ним.

Охотник забрал доспехи и оружие;
Увидев отличную добычу, он освободил дичь.

Меджнун подошел к той жалкой добыче,
Словно отец к своему ребенку.

Он ласково погладил [оленя] рукой
И перевязал его раны, которые он обнаружил.

Он провел рукой по его телу до крупа,
Стер с него пыль, и из его глаз потекли слезы.

Он молил: «О ты, кто далек от своей подруги,
Ты страдаешь, как и я, разлученный с другом.

О предводитель войска пустыни,
Восседающий на чертоге зеленых гор,

Твой аромат напоминает мне благоухание любимой,
Твои глаза похожи на глаза любимой.

Да будет твое местопребывание рядом со своим другом,
Да будут свободны твои ноги от пут*.

Твои зубы, которые служат украшением золотых корон,
Пусть лучше пребывают в раковине твоих уст!⁴

Твоя кожа, из которой делают тетиву,
Пусть лучше будет на твоём теле!⁵

Хотя твои слезы — опиум (противоядие),
Лучше пусть не льются на землю, как и яд!

О ты, открывший грудь и высоко поднявший шею,
Будь милостив и не сжигай мою грудь!

Знаю я, что ты в этой закрытой крепости
Знаешь о [моей] луне в крепости.

Когда ты будешь щипать траву в том краю,
Поведай ей о состоянии моего сердца.

Скажи ей: «О ты, оказавшаяся в руках моих врагов,
Я именно таков, каким ты хочешь меня видеть.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Ты будь свободен от ран, наносимых врагом,
Да будет далек от твоей шеи аркан шахов!

Ты далека от меня, и я тоже далек от тебя,
Я страдаю, и ты тоже страдаешь.

Нет старца, кто бы мог хлопотать [о союзе] между нами,
Нет и стрелы, которая попала бы в цель⁶.

Ветра, который не приносит твоего аромата,
Я не признаю ни в коей мере.

Воспоминания, которые не наполнены тобою,
Не имеют доступа к моей душе».

Не одну, может быть, сотни таких речей
Он высказал [олению] о своем состоянии.

Затем он снял с ног оленя путы,
Поцеловал его глаза и освободил его.

Когда познавший сеть олень ушел от того места,
Он успокоился.

Когда путник ночи из ямы
Купил юсуфоликого, подобного луне⁷,

Из-за толпы продавцов гороскопов
Египет небосвода взволновался, словно Нил⁸.

Этот подведший глаза сурьмой миль за милем
Шел словно Нил в рубашке цвета индиго [от слез]⁹,

Он [не задерживался] ни одного мига, в течение которого
змея могла высунуть язык,
Или же птица могла клюнуть воду¹⁰.

Не успокаивался он, словно растерзанная змея,
Не засыпал он, подобно птице с отрезанными крыльями.

Мозг его от жара его души
Горел словно масло в его светильнике.

Так как, подобно свече, он умирал, стоя,
Он не ложился на землю.

52. МЕДЖНУН РАЗГОВАРИВАЕТ С ВОРОНОМ

На рассвете, когда лазурный небосвод
Украсил свои голубые просторы желтым цветом,

Улыбка диска желтой розы
Окрасила горизонты в цвет красной розы¹.

Меджнун, подобно осенней розе,
Блуждал среди своих слез.

По воде (слезами), которой он гасил свой огонь,
Он гнал свой корабль ветром [вздохов] на сушу².

От зноя горящего солнца
Он к полудню совсем изнемог.

Как у тени, на нем не было никакой одежды,
И [изможденный] он сел в тени какого-то дерева.

Под тенью этого высокого дерева
Собиралась вода из окрестностей,

Образовав пруд, круглый, как небосвод,
Чистый и приятный, словно водоем Каусар.

Вокруг водоема росли травки,
У травок этих, как и у воды, лица были умыты³.

Тот, страдавший от изнурявшей сердце жары,
Утолил жажду водою, как трава вокруг.

Некоторое время он отдыхал от беготни.
От разговора [с самим собой] без ответа,

[Сев на] зеленый, словно шелк, коврик,
Он глядел на красивое дерево.

Он заметил ворона, сидевшего на ветви,
О, какие глаза были у него! — словно светильник.

Он был черным и восхитительным, словно локоны кумиров, ..
Которые были связаны с сердцем, словно печень⁴.

Праведная, словно Салих, птица, безмолвная, словно верблю-
дица,

Он, подобно поклонникам Салиха, был одет во все черное.

Сидел он на ветви, проворный и пронизательный,
Подобно гагату на шелке⁵.

Увидев такого путешественника, Меджнун
Настроил свое сердце с ним на один лад.

«О черный, — молвил он, — с белой книгой⁶,
Из-за кого ты оделся в черное?»

Почему ты ночного цвета, о ночной светильник?
Почему твой день стал таким черным?

В огонь горя посажен я, почему же ты расстроен?
В трауре нахожусь я, почему же ты одет в черное?

Если ты не опален огнем любви, если ты хладнокровен,
Почему ты черен, как опаленные?

А если ты горяч, подобно опаленным [огнем любви],
Почему ты избегаешь опаленных?

Может быть, ты проповедник, читающий [в мечети] проповеди,
И поэтому одет в черное?

Ты негритянский мальчик какого дворца?
Ты индус какого тюркского набега?

Разве я шах, а ты шатер над шахом?
Если ты не шатер, то почему же черный?⁷

Когда ты будешь рядом с моей любимой,
Передай ей: «Без тебя я изнемогаю,

Пойми меня, а если ты не поймешь меня,
Я погибну в этих развалинах.

Ты говорила, что протянешь руку помощи мне,
Но я боюсь, что я умру с этой надеждой.

Ты придешь ко мне, когда я уже буду мертв
И унесу с собой любовь к тебе,

Когда глаза лишаются зрения,
Какой толк, если преподнесешь тутию?

Какая польза от криков пастуха
После того, когда волк уже отнял ягненка у овцы?

Если поток унес основание,
Какая разница, стена из глины или стали?

Если посев от засухи останется бесплодным,
Какая разница, пошлет туча дожди или пройдет мимо?»

Так проворно пускал он стрелы языка,
А ворон тем временем летал с ветки на ветку.

Он расправлял крылья речи,
А птица уже готовилась улететь.

Когда он поведал ворону столько сказок,
Ворон улетел, оставив клеймо [горестей] на его сердце,

Когда же ночь раскрыла свои вороны крылья,
Летучая мышь подняла голову со сна.

Звезды были словно светильники
Или же вороны глаза на крыльях воронов.

Меджнун был мертв, словно шаб-чираг;
Лежал, словно глаза его были выколоты вороном⁸.

До утра он лил слезы,
Подобно свече, он сжигал себя.

53. СТАРУХА ВЕДЕТ МЕДЖНУНА К ШАТРУ ЛЕЙЛИ

Когда свет светильника, странствующего по небу,
Выглянул из-за завесы утра¹,

Перед взором предстали удивительные сады,
И каждый глаз стал словно шаб-чираг²,

Меджнун, подобно птице-ворону, суетился
И, подобно мотыльку, искал свой светильник.

Он убрал с пути отъезда колючки.
И отправился в дорогу, ведущую в край любимой.

Почуяв аромат становища [ее], он сел
И схватился рукой за сердце.

Но снова дыхание его издало голос
Так, как это бывает, когда к мертвому возвращается жизнь.

В это время издали показалась какая-то старуха,
За которой следовал какой-то человек, по виду сумасшедший.

Он с головы до ног был окован,
И человек этот радовался своим оковам.

Женщина шла торопливо
И вела его с веревкой на шее его.

Увидев закованного пленника, Меджнун
Начал заклинать господом старуху:

«Кто этот муж в оковах с тобой?
Почему он находится в оковах с тобой?»

Женщина ответила: «Если хочешь знать правду,
То этот мужчина не заслуживает ни оков, ни темницы.

Я вдова, а этот бедняк мой товарищ,
И я, и он находимся в бескрайней нужде.

От бедности я дошла до такой степени,
Что накинула на него эти цепи и веревку.

Я вожу его всюду, словно пленника,
И показываю его в разных краях,

И под этим предлогом я собираю
Горсточку пищи для дома.

И мы стараемся все, что мы соберем вдвоем,
Делить точно на две доли.

Одну долю получаю я, а другую — он,
И [после дележа] не остается даже пылинки».

Из-за безысходности своего положения Меджнун
Упал тотчас же к ногам старухи:

«Эти цепи, веревки и путы
Сними с этого твоего товарища и накинь на меня.

Подлинный безумец и злосчастный, это — я,
Не он, а я заслуживаю оков.

И води меня на позор
Здесь и всюду, где хочешь.

Всё, что я заработаю этим ремеслом,
Без моего участия в доле достанется тебе».

Увидев подобную добычу, женщина
Обрадовалась такому выгодному делу.

Отстранила тотчас же свою руку от товарища
И путы и веревки перекинула на него (Меджнун)³.

Она оказала ему милость, связав его,
И она начала водить его с веревкой на его шее*.

Он добровольно изъявил желание терпеть раны.
От оков на ногах и от цепей на шее.

Когда добирались до какого-либо шатра,
Он словно пьяный громко запевал.

Он кричал «Лейли», и люди кидали в него камни,
И под градом камней он [неистово] плясал.

Испытав много мучений, [наконец] он
Привел [старуху] к дому Лейли.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

То она связывала его, то освобождала от пут
И гнала его из одного селения в другие селения.
Наконец, прибыли к месту, где увидели его люди,
Одни из которых заплакали, а другие посмеялись над ним.
Смеялись те, кто были невеждами,
Плакали же те, что были мудры.

Когда ветер от ее лугов достиг его,
Он, словно трава, сел на землю того луга⁴.

Плакал он горько над тем лугом,
Подобно глазам весенних туч.

Он ударял головой оземь и говорил:
«О ты, из-за которой я согнулся и стал подобен горю по тебе,

Я преступил ради тебя все законы,
Чтобы освободиться от оков и темницы [своего бытия].

Но [случилось обратное] — голова и ноги мои в оковах,
Однако я доволен, что терплю наказание ради тебя.

За совершенные мною грехи
Меня ни в коем случае нельзя простить,

Поэтому воля твоя, и приговор принадлежит тебе,
Накажи меня так, как ты знаешь.

И хотя я веду бой стрелами и мечом,
Посмотри на меня, ибо я стою перед тобой, как пленник*.

Хотя я напал [на твоё племя], чтобы ударить на них,
Сам же стал жертвой (раненым) своих ударов.

Если вчера мои ноги совершили проступок,
То сегодня я явился к тебе с веревкой на шее.

Если мои руки разбились от [тяжести] лука, который поднимал
[против вас],
Теперь они ноют под [тяжестью] цепей.

*Далее в некоторых рукописях следуют еще четыре бейта:

Хотя я и ранен снаружи и внутри,
Но все же я в узах твоих, пролей мою кровь.

И из-за любви к тебе, о периликая,
Глаза и сердце мои будут в воде и огне.

Окажи мне услугу встречей с тобой, хотя бы на миг,
О зрачок моих глаз, будь мне другом!

До каких пор сердце мое будет терпеть горести по тебе,
До каких пор очи мои будут далеки от твоего лика?

За проступок, который я совершил до этого,
Я испытал много наказаний.

Не щади моего позорного состояния,
Если хочешь убить, то убей! Чего ты хочешь?

Если корень мой крепок без тебя,
То можешь распять меня на кресте.

О ты, кто в неверности верна,
Перед тобой невинность будет виной.

Хотя я не виновен перед тобой,
Но я выдаю себя за виновного.

Быть может, ты случайно проявишь милость,
Или стрелу ошибки ты выпустишь в меня.

При жизни ты не балуешь меня доброй весточкой,
Не кладешь руки на голову мою.

Но надеюсь, что после того, как умру [ради тебя],
Под каким-нибудь предлогом положишь их хоть раз на мою
голову.

Если опустишь меч на мою голову,
И принесешь меня перед своим порогом в жертву,

Я сделаю из себя Исмаила
И будь я исмаилитом, если обижусь⁵.

Подобно свече, мое сердце горит,
Если ты снимешь с меня голову, чего тут бояться?

Свеча возвышает голову из-за горестей, которые испытывает,
И обретает покой, когда снимают ее голову.

Лучше мне умереть у твоих ног,
Чем остаться в живых и без тебя корчиться в душевных муках.

Раз нет для меня доступа к тебе,
То после этого я — уединенный уголок и вопли (я буду
стонать в уединенном уголке).

Отдав голову, я не стану стонать,
Пока перед тобой не выложу горести головы.

Ты говоришь: «Пусть горести покидают твою голову!»
Горести принадлежат мне, а голова моя пусть будет твоей».

Сказав это, он вскочил с места, словно стрела,
Обезумев, разорвал цепи.

От избытка горестей он весь загорелся,
И, как безумец, направился в горы.

Поднялся он на Неджд и начал вопить
И начал бить себя кулаками.

Узнав о нем, родные
Отправились и увидели то, что лучше бы не видеть.

И мать, и отец его от его дела
Окончательно отчаялись.

Так как ни у кого он не находил покоя,
То они оставили его — одичавшего.

И из его памяти стерлись, кроме имени Лейли,
Все — и жилища и развалины.

Что бы ни говорили ему, кроме [имени Лейли],
Он или бил себя по телу, или убегал, или засыпал.

54. ОТЕЦ ВЫДАЕТ ЛЕЙЛИ ЗА ИБН-САЛАМА

Ловец жемчугов тонких мыслей
Начал источать со своих уст такой сахар:

В тот день, когда Науфал одержал победу,
Лейли узнала об этом в своем жилище*.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один байт:

Та, восхищавшая сердца, говорила в душе:
«Какая радость! Возлюбленный мой побеждает!»

Отец пришел, разговорчивый
И криво водрузил на голову свою чалму.

Он искусно изложил
Рассказ об этом [своем] обмане:

«Я употребил [необычайную] ловкость,
Чтобы спастись от бедствия невредимым.

Завязал я его речь, [а узел] бросил в воду,
И дал ему окончательный ответ¹.

Науфал — да накажет его Господь! —
Удалил [Меджнуна] от нашего дома навсегда, сказав ему:
«Господь подаст!»

И он довольствуется теперь бегством,
Оторвав зубы от надежды соединиться с тобой»*.

[Услышав] этот рассказ отца, Лейли
Расстроилась бесконечно.

Скрыто за завесой она вздыхала,
Соблюдая завесу [приличия] между отцом и собой.

Когда отец удалился из шатра,
Ее нарциссы от слез стали красны, как розы².

Сколько она пролила их [слез] из дороги глаз,
Что осадила пыль на своей дороге**.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Я сказал ему: «Во имя Господа и Адама
Не приобщай пери к диву (злому духу)!»

В ответ на это обращение он не отказал мне
И не передал пери диву в обличие человека.

Да дарует Аллах хлеб насущный такому другу!
Слава Аллаху, что дело [завершилось] так».

** Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Увидев, что она, словно весы, лишилась одной из чаш,
Начала кусать то пальцы, то руки.

Проливала она из глаз чистую кровь
И на воде чертила узоры³.

Влага ее багряных нарциссов
Образовала водоем вокруг ее бамбука⁴.

Не было близких, которым она могла бы излить душу,
Не было друга, который мог бы искать средство [для выхода
из положения].

Истерзанная, в мешке на крыше,
Корчилась она, словно змея с отрезанной головой⁵,

И во все стороны от шатра ее ветер
Разносил ее благоухающий аромат.

Много именитых людей, ища ее общества,
Горячо стремились посвататься к ней.

Каждый из них ценою целой страны и сокровищницы
Добивался встречи с ее красой.

Из-за множества искателей жемчужины той сокровищницы
Тысячи посредников суетились вокруг.

Один протягивая руку, чтобы унести [ее] на носилках,
Другой, обнажив грудь, хотел съесть этот мед⁶.

Но из-за драгоценности [этой жемчужины] отец
Держал ее под крепкой стражей.

А эта сребротелая благодаря совершенству своего ума
Ту бутыль берегла от камней.

Она страдала, но сотней уловов
Держала в скрытности страдания своего сердца, а при людях
пила вино.

Подобно свече, она улыбкой освещала свое лицо,
Но под этой улыбкой она сгорала.

Подобно розе, она носила пояс двуличия —
Колючки в ногах, а на ладони свеча¹⁷.

Ради того, чтобы как-то ладить [с родными],
Она переносила боль на ногах [под покровом] быстрой ходьбы.

От Юпитеров — покупателей созвездия той луны
Сотни Венер — свах сидели вокруг шатра⁸.

Узнав об этом, Ибн-Салам
Поспешил, выполняя условие обещания.

Пришел он требовать свою невесту
С царской пышностью и великолеплем.

Привез он много сокровищ,
Амбру — манами, а сахар — харварами.

Из пупкового мускуса и рубинов копей
Он соорудил [огромные] подарки.

Для ее ночных рубашек
Несколько верблюдов находилось под шелковым грузом.

И столько дромадеров и быстрых арабских скакунов
Привез он, что разум не верил.

То золото, из-за одной крупинки которого ведут бой,
Он насыпал столько, сколько обычно сыплют песка.

Не золото он сыпал, а песок,
Он сыпал песок, чтобы убить своих врагов⁹.

Своей невиданной проворной щедростью
Он чуть не свалил жилище [Лейли] с основанием из песка.

Дня два он отдыхал от дороги,
А затем потребовал вестника и поручил ему дело.

[Вестник] был чародеем в красноречии и своим искусством
Он мог бы смягчить даже камень.

Перед его красноречием, которое воскрешало мертвых,
[От стыда] умирало дыхание Масиха¹⁰.

С подарками из разных редкостных вещей,
Привезенных из Рума, Китая и Таифа,

Посланец отправился и увез сокровища.
И [все подарки] по одному вручил казначею (отцу Лейли).

Затем он ключом красноречия
Открыл скрытую сокровищницу:

«Этот царственный всадник с львиным станом —
Лицо [чести] арабов и спина (опора) войска.

Он владеет мечом и славным именем
И обладает всеми знаками величия.

Если захочешь кровь, он прольет ее, словно воду,
Если захочешь золото, он посыплет его, словно песок.

Благодаря ему ты достигнешь многих успехов
И избавишься от всяких осуждений!»

Посланец наговорил столько таких речей,
Что бедный отец невесты обезумел.

Сколько бы он ни крутил [ум] вокруг этого дела,
Он, кроме согласия, ничего не мог придумать.

Он дал согласие на исполнение союза —
Он отдал луну в пасть дракона.

Когда на следующее утро невеста — солнце
Взяла чашу Джамшида в руки,

Когда русский мальчик на плечо араба
Набросил накидку жениха¹¹,

Отец невесты начал готовиться,
Разукрасил он сокровищами улицы и рынок.

Он пригласил жениха и его людей,
Посадил их во главе свадебного собрания.

[Пышный] праздник с песнями и веселием
Он устроил в совершенстве.

По обычаю арабов они некоторое время пробыли вместе,
Восстановили союз, который раньше не состоялся.

Буря дирхемов поднялась в небеса,
Плата за молоко [подарки жениха матери невесты] подскочила
до цены души (жизни)¹².

В спальню того восхитительного кумира
Насыпали целые груды сладостей.

Но та злосчастная с изящным ртом,
Подобно алоэ и сахару, сгорала из-за своего благоухания¹³.

Она источала аромат из жара своего сердца
И проливала горькие слезы, словно розовую воду.

Рубины ее источали огонь, а ониксы (глаза) — слезы.
Первые низвергали амбру, а вторые — розовую воду.

Когда закончились приготовления ее жениха,
Она еще не приступала к своему убранству.

Чаша разбилась около рта,
Когда сварилось желе, оно испортилось.

Если наступишь на колючку, она уколет,
Если поднесешь ко рту огонь, он сожжет.

Если один из членов [тела] выйдет из повиновения,
Не станет он выполнять твои приказы¹⁴.

Тот, кто бунтует против своего племени,
Выходит из собственности племени.

Когда змея кусает палец руки,
Неизбежно приходится отсечь его от руки.

Согласие [четырех стихий] — источник благополучия жизни
[организма],
Смерть наступает лишь вследствие раздора [между ними].

Лейли, которая была бальзамом для души,
Из-за раздора [между чувствами] была близка к гибели
души*.

55. ИБН-САЛАМ УВОЗИТ ЛЕЙЛИ В СВОЙ ДОМ

Когда утром светлое солнце
Разбило свой шатер в голубом цветнике,

Корабль ночи наполнился юными белыми девушками
И направился по голубому Тигру¹.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Тот сияющий шахский светильник
Со светильником в руках искал утро¹⁵.

Жених встал счастливый
И для невесты украсил паланкин.

Когда невеста села в паланкин,
Он повез ее с великой пышностью.

Он отдал ей свое ложе и престол,
Власть над всем добрым и дурным передал ей.

В течение двух-трех дней нежностью и лаской
Он смягчал ее воск.

Когда он наслаждался лицезрением финиковой пальмы,
Он полез рукой на ветвь пальмы².

Но он так был ужален шипами этой плавно шествующей
пальмы,
Что от боли не мог заснуть долгое время.

Лейли залепила ему такую пощечину,
Что муж свалился наземь без чувств, словно мертвец.

«Если ты еще раз повторишь свой поступок, — сказала она, —
То ты лишишься и меня и себя³.

Клянусь творцом своим,
Который своим искусством украсил меня — кумира,

Ты не добьешься от меня своей цели,
Если даже прольешь мою кровь своим мечом»*.

Услышав эту клятву, Ибн-Салам
Обрадовался, что спасся от идола неврежденным.

Понял, что она избегает его,
Что у нее есть другой светильник.

Но из-за своего упрямства
Он не мог отказаться от нее,

Ибо с тех пор, как он увидел эту двухнедельную луну,
Он отдал ей свое сердце и не владел собой.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Ты довольствуйся лишь лицезрением моим
И ничем лишним себя не утруждай.

Он сказал про себя: «Если так я ее люблю,
То будет лучше любоваться ею хотя бы издали.

Довольствоваться хотя бы лицезрением ее
Лучше, нежели она совсем удалится от меня».

Тогда он, признав свой проступок,
Начал просить прощения, зарыдав:

«Я согласен довольствоваться лишь лицезрением твоим,
Если я нарушу свое обещание, я — незаконнорожденный».

После этого, в течение всего совместно проведенного времени,
Он ничем, кроме любования, не беспокоил ее.

А она — украшение сада и краса цветника —
Своими светлыми очами постоянно смотрела на дорогу

(И ждала), когда ветер принесет пылинку
С полы пещеры пещерного друга.

Каждый миг она, стая, к перекрестку
Выходила бессознательно из шатра.

Несколько шагов она бежала, словно пьяная,
И рыдала сильнее тысячи соловьев.

Искала весточку от разлученного с нею друга,
Чтобы облегчить [горе] больной души.

Столько она, лишившись терпения,
Рыдала от горя и клейма разлук!

Что ее скрытая любовь обнаружилась
И ее тайна стала ясной как день.

Невыносимые муки лишили ее
Страху перед мужем и отцом.

Когда любовь сотворена в сущности человека,
Какой может быть страх перед отцом или мужем?!

Мудрый певец слов из Багдада
Так рассказал о тайне слова:¹

Тот безумец с оборванной веревкой,
Одержимый злыми духами, не выдавший новую луну*,—

Меджнун с печеню, превращенной в кебаб,
Житель разорившейся деревни².

Бродил в поисках пристанища,
Не было у него близких, кроме жалоб и стонов.

Аромат, шедший от края любимой,
Был благоуханнее весны для него.

Услаждающий обоняние, этот приятный аромат,
Словно амбра, захватывал все его существо.

Из этой свежей амбры для своей страсти
Он готовил бальзам³.

Подобно несчастным, лежал он на земле
В тень мугиляна⁴.

Из-за того, что он не постиг сущность своего дела,
Он не отличал шипов от розы, а розы от шипов.

Однажды некто черный верхом на верблюде
Проезжал мимо него, словно змея гюрза⁵,

Увидев этого пленника без одежды,
Он крепко натянул повод верблюда.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Тот путник дороги странников,
Тот Юсуф колодца бедствия.

Тот отшельник в обители развалин.
Тот сочинитель сумасбродных песен.

Он зарычал, словно могучий див,
И безрассудно заорал на него:

«О ты, не ведающий о счете бытия
И предающийся идолопоклонству,

Лучше, если ты повернешь свои поводья от идолов,
Ибо ты не найдешь верности ни в одном идоле.

Твое дело — дело беспросветное,
И любимая, которой нет [здесь], далека от твоего дела.

Безделие лучше, чем предаваться такому делу,
Не иметь друга лучше для тебя, чем иметь.

Возлюбленная, которой ты вручил свое сердце
И даже не помышлял о ее вражде,

Стала твоим врагом из-за своей неверности,
Она развязала [узы] дружбы с тобой.

Ты [ради нее] весь урожай [жизни] отдал ветру,
А она нарушила клятву и даже не подумала о тебе.

Выдали ее замуж за молодого супруга,
Сделали ее невестой очень быстро.

И она отправилась к мужу,
Который обвинил ее [руками], и она не проявила непокорности.

Каждый день ушко в ушко
Она нежится в объятиях своего мужа.

Постоянно занята поцелуями и объятиями,
Ты терзаешься ради нее, а чем она занята?

Раз она удалилась от тебя на целые фарсанги,
То ты тоже разбей бутылку дружбы о камень.

Раз она годами и не вспомнит о тебе,
То и ты не думай о ней, на что она тебе?

Женщины, будь их тысячи,
Неустойчивы в верности.

При создании чувств любви и верности,
Женщин вычеркнули из этого списка.

Женщина бывает другом только определенное время,
До тех пор, пока не найдет вместо тебя [нового] милого.

Когда она садится в объятиях другого,
Она не захочет более видеть тебя.

У женщины склонность больше, чем у мужчины.
Но она питает ее [только] к желанному.

Женщина неправильно играет то, что играет⁶,
Кроме лицемерия, нет ничего в том, что она делает.

Много [людей] страдало из-за женщин,
И ни у одной женщины не видели верности.

Мужчина, который верит женщинам,
Хуже женщины со всей ее неверностью.

Что такое женщина? Источник хитрости,
Снаружи она — сам мир, а внутри — сама вражда.

И во вражде своей она — бедствие для мира,
Если же она полюбит, то погубит душу.

Когда ты говоришь: «Сделай то-то!» — она не слушается,
Когда же ты говоришь: «Не делай этого!» — она старается
вдвойне [сделать это].

Если ты печален, она веселится,
Если ты весел, она умирает от горя.

Таковы свойства праведных женщин,
Что же касается плохих женщин, то их коварство бесконечно.

Из-за вздорных рассказней злонамеренного мужчины
[Меджнун] исторг из сердца огонь, сжигающий душу.

От дыма (огня) сердца, что ударил ему в голову,
Он свалился, словно припадный.

Он столько бился головой о камень,
Что от его крови вся гора окрасилась в розовый цвет.

Лежал он среди гранитных камней,
Душа его [собиралась] улететь, а одежда была разорвана.

Тот див, который поведал ему свои рассказы;
Устыдился того, что ему рассказал.

Он не покинул гору до тех пор, пока
Не пришел в себя лишенный чувств.

[Путник] подошел к нему с тысячью просьб о прощении:
«О, я смущен из-за своих рассказней;

Я сказал тебе неправду и вздор,
Прости меня за то, что случилось случайно.

Я пошутил с тобой
И готов пожертвовать душой, чтобы ты простил меня.

Она сидит за завесой с закрытым лицом
И разбито ее сердце из-за тебя.

Муж ее, который является ее [законным] супругом и четой;
Не спал с ней ни одной ночи*.

Хотя брачный договор ее заключен с другим,
Сердце ее не изменило любви к тебе.

Кроме твоего имени, язык ее ничего не произносит,
Кроме тебя, у нее в мире никого нет.

Не бывает и секунды, чтобы та рожденная пери
Не вспоминала тебя сто раз.

Целый год, а может быть и больше, как она уже замужем,
Но до сих пор живет с твоей любовью и со своей печатью⁷.

Если она проживет без тебя хоть и тысячу лет,
Все равно никто не вкусит ее плод».

Обнаружив в этих лживых словах
Зеркало с двумя ликами, Меджнун

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Глаза ее измучились от ожидания тебя,
Сама она расстроена, словно осинный улей.

Льет из глаз жемчужины без порядка
Та, кому завидуют и пери, и гурии.

Стал терзаться меньше, чем раньше,
И стал делать меньше то, что делал до этого⁸.

Он был словно птица с отрезанными крыльями,
И голова его была разбита от ударов.

Обильными слезами он сверлил рубины
И о нарушенном уговоре любви слагал стихи.

Ни порядка, ни будущего не было в его делах,
И его любимая не знала о нем.

57. МЕДЖНУН ЖАЛУЕТСЯ ОБРАЗУ ЛЕЙЛИ

Служанка этой молодой новобрачной
Вывела ее из паланкина, и так она явила свою красоту:

Когда восхитительная невеста, обитательница паланкина,
Зависть для кисти тысячи художников¹,

Стала пленницей своего мужа,
Она [постоянно] страдала из-за друга.

А к страданиям ее страдальца прибавилось еще одно
страдание;
Когда он узнал о том, что она вышла замуж,

Его ангельский ум
Стал ушербным больше, чем его имя — «безумный»²,

Лежал он, словно птица с распластанными крыльями,
Кроме [последнего] дыхания, ничего у него не осталось.

В поисках живой воды
Он добред до состояния, о котором ты знаешь.

Он поплелся по направлению края той перилкой,
От рыданий он стал тоньше волоска.

Языком ветра он говорил ей (ее образу):
«О чета радости, соединившаяся со своей четой*»,

Где же [времена], когда сидели мы вдвоем?
Где времена, когда клятву любви мы скрепляли тысячами
уговоров?

Где времена, когда давали друг другу надежду на слияние
И покорно клали свою голову на черту верности?

[Где времена], когда оспаривали друг у друга первенство
в любви

И обнадеживали друг друга в верности?

И вдруг сегодня ты отрекаешься от уговора
И прячешь свое якобы невинное лицо от меня!

Допускаю, что сердце твое покинула верность,
Но где же тогда твои притязания на любовь?

Я ради тебя продаю свою душу,
А ты, оказывается, занималась продажей лживых обещаний.

Я любовь к тебе купил ценой жизни,
А ты избрала любовь кого-то другого.

Кто бы мог так [коварно] нарушить верность к другу,
Чтобы ни одного раза не вспомнить о нем?

Ты так счастлива с новым другом,
Что даже не вспоминаешь о старом друге?

Если ты стала нежиться в объятиях другого,
То хотя бы ты не забыла нас языком!

Моя молодость прошла вокруг твоего сада,
О, как жаль моих трудов, трудов садовника!

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

О ты, из-за тоски по ком мой день стал ночью,
И потоки слез текут из глаз по лицу.

До каких пор мое сердце будет терпеть горести по тебе?
До каких пор мои очи будут далеки от тебя?

О дорогая для меня, как сердце, душа и глаза мои,
Одна ночь свидания с тобой для меня дороже жемчужины.

Этот вяхирь трудился в саду,
А когда плод созрел, то его съел ворон.

[Но], хотя твои финики и вкусны,
Они всем, кроме меня, колючки!

Раскаленный самум моих вздохов
Никому не даст вкусить плоды из твоего сада!

О жасминотелая, ты подобна плавно ступающему кипарису,
И никто не вкушал до сих пор плодов от кипариса.

Ты вначале вознесла меня дружбой,
А в конце оставила униженным.

В тот день, когда я вручил сердце тебе,
Я не ожидал, что ты так поступишь со мной.

Ты обманула меня клятвами и уговорами в любви,
Что ты станешь моей по любви и союзу.

Смотри же, какие правдивые клятвы были у тебя,
Какой крепкий союз ты заключила!

Ты утетила свое сердце другим,
Не стыдясь моих взоров!

Не только мы с тобой живем в это время,
Чтобы не отличить милость от жестокости.

Трудятся и знатоки,
Которые ведут счет добрым и дурным делам.

Они видят с тех пор, как я страдаю из-за тебя,
Как ты поступила со мной и как я с тобой поступил.

Допустим, что закрылись мои глаза,
Но другие же ведь наблюдают.

Когда расследуют исполнение уговоров,
То тебя они иначе, как вероломной, не назовут.

Неблагородно вероломно нарушать уговор,
Подумай ты о разрушении колыбели [бытия]!

До тех пор, пока роза не нарушает уговор любви с цветником
роз,

Время не пронзает своей колючкой ее сердце.

Вино, пока не опозорило гуляк,
Не прославилось дурным именем.

Пока ночь не разбила чашу луны,
Лицо ее не стало мрачным [ог позора].

Каким сердцем я могу питать надежду на тебя,
И каким лицом я могу улыбаться тебе,

Когда моя жизнь прошла, а ты
Не исполнила уговора любви, в котором когда-то проявляла
упорство?

Ты ничего не делаешь, что могло бы обрадовать меня,
А я не тот человек, который может забыть тебя.

Несмотря на все муки, которые я испытываю ради тебя,
Да обидит меня [Господь], если я обижусь на тебя.

Ты так переполнила горем мое сердце,
Что в нем не осталось места для жалости.

Нет у меня лица, чтобы назвать тебя другом,
Нет сердца, чтобы назвать врагом.

Я стал беспомощным перед твоим сумасбродным нравом,
И потому сам не знаю, как прозвать тебя.

Несмотря на все насилия, которые ты совершаешь надо мной,
Ты и сила моего тела, и пища для моей души.

Хотя твоя жестокость укорачивает мою жизнь,
Ради красоты твоего лица можно простить это.

Тому, у кого есть такая красота,
Кровь всех людей дозволена⁴.

Ты—день, а я светильник с израненным сердцем.
Разве не лучше будет, если я умру перед тобой?

Если луна бывает сладкой, как сахар, то ты луна,
Если шах бывает с двумя ликами—слонами, то ты шах⁵.

Ты роза в белой рубашке и тюльпан в лепестках,
Ты и сладка, и приятна, подобно виноградному соку.

Если увидит тебя с таким блеском огонь,
То издали у него потечет вода (слюна).

Сад, хотя и изобилует розами и цветами,
Питается отблесками отражения твоего лица.

Атлас, который обволакивает рубин шахов [на вещах],
По сравнению с твоими красными ланитами — солома.

Каждая душа твоих бровей тоньше мечты,
И каждая из них—новая луна в праздничную ночь.

Хотя алоэ и не белый сандал,
Но оно по сравнению с твоей красной розой — красная ива.

Султан твоего лика под мускусным шатром
Захватил и царство абиссинцев и царство Китая⁶.

От красоты лика такой возлюбленной
Трудно оторваться, трудно.

Не знаю я иного выхода,
Кроме как пожертвовать тебе душою (жизнью):

Ожидать от тебя милости и верности,
И не замечать твоего гнета и насилий.

Я улажу дела терпения с тобою,
[Посмотрим], куда потянет нас повод жизни.

58. ОТЕЦ НАВЕЩАЕТ МЕДЖНУНА

Красноречивый дихкан, перс по рождению,
Так поминает о делах арабов:¹

Тот старец, отдавший сына ветрам,
Якуб, разлученный с Юсуфом,

Увидев Меджнуна с одичавшим сердцем,
Порвал с надеждой на его исцеление.

Он в муках исторгал стоны,
Тратил жизнь на надежды.

Он неустанно искал средства [для его излечения],
Но негр не станет [белым] хотанцем от мытья.

Он много суетился и тратил богатства,
Но счастье не удаивало его своими взорами.

Он отчаялся исцелить постигший его недуг,
Ибо не было надежды, чтобы когда-нибудь он поправился.

Он сидел в уголке и готовил дорожный припас
К тому мгновению, когда к нему подойдут [носилки] с
четырьмя ручками.

Старость, слабость и беспомощность
Готовили его к отъезду.

Эта тесная обитель уже стесняла его,
Флейта его горла согнулась, словно конец ручки чанга².

Он опасался, что вдруг нагрянет смертный час,
Войдет к нему в дверь чужой³.

Поэтому, взяв, подобно слабосильным, посох,
И забрав с собой двух юношей,

Он справился снова искать сына,
[Заранее] довольный тем, что пошлет господь.

Бродил он по горам и пустыням,
По черным пескам и голубым степям.

Он трогал руками и ногами все в надежде,
Но не нашел его следов нигде.

Наконец, кто-то сообщил о его местопребывании:
«Далеко он! В такой-то обители пыток,

В такой-то местности. Разве это местность? Это яма! —
Она подобна страшной могиле

Неприятна и отвратительна, как черная туча,
Источник огня, подобно белой нефти!».

Злосчастный старик направился в путь
И в течение одного дня добежал до того места.

Увидел он его в таком состоянии, в котором не хотел бы,
видеть,
Очи его сердца [от такого зрелища] вышли из своих глазниц.

Он увидел ходячую душу без тела,
Кожу, натянутую на кости,

Расставшегося с миром бытия,
Скрывавшегося на дорогах идолопоклонства.

Надев иго на свою воображаемую шею,
Он находился на волоске от смерти.

Он бродил по земле, словно собака,
И был более невидимый, чем подземные обитатели.

✓ { Котел его плоти перекипал,
Валился с ног он и терял чувство.

Подобно змее он извивался,
Голова его не признавала шапки и тюбетейки.

Из кожи зверей размером в один локоть
Передником закрывал он свой пупок.

Отец тихо подошел к нему и сел рядом
И рукой начал гладить его голову нежно.

Кровь сердца его взволновалась,
И он начал кровь сердца через глаза проливать над своим
сердцем⁴.

Когда Меджнун открыл глаза,
Он увидел рядом с собой какого-то человека, который
говорил с ним.

Он смотрел в лицо отца,
Но не узнавал его и отстранялся.

Тот, кто забывает себя,
Как может помнить о других?

«Кто ты такой? — спросил он. — Что ты хочешь от меня?
Да буду я твоим просителем! — С какой дороги ты?»

Он молвил: «Я твой отец, и в таком виде
Я ищу тебя с горящим сердцем!»

Узнав, кто он такой, Меджнун
Упал к его ногам и заплакал.

Оба пролили потоки слез из глаз,
Он целовал этого, а этот целовал его.

От волнения они оба
Стонали и рыдали.

Когда глаза отца перестали лить слезы,
То он окинул его взглядом с головы до ног.

Увидел, что он обнажен, словно [мученики] в день
светопрествления,
Ноги его были босые, а голова без убора.

Он вытащил из своей корзины прекрасную одежду
И передел его с ног до головы,

Облачил его стан в одежду,
Начиная с сбуви, кончая чалмой.

С помощью назидательных примеров, которые он знал,
Он по-отцовски начал увещевать его:

«О душа отца, не время спать,
Ибо время скачет одвуконь⁵.

С этой дороги, на которой травы — острые мечи,
Сворачивай, ибо спасение в бегстве.

Допустим, что ты опасной мишенью
Сядешь [на этом пути] годы и месяцы.

Жестокий небосвод пронзит тебя своей стрелой
И прольет твою кровь несомненно.

Два-три дня ты удержишься, допустим,
Но затем свалишься с ног и умрешь, допустим.

Затем ты своим трупом, начиная от волка, кончая львом,
Насытишь хищников и зверей. [Что потом?]

Лучше быть собакой в своем городе,
Нежели терпеть унижения на чужбине.

Сколько бы ты ни бегал [и не суетился].
Не доберешься никуда, кроме как до зрелости⁶.

Бессмысленно утруждать себя,
Ибо никто не выдержит тяжких трудностей.

Русло речки, в которой течет вода,
Смотри, как разрушается от потоков.

Гора, с которой бежит поток,
Гляди, как она разрушается во время землетрясения.

Тяжкие муки наносят тебе столько ран,
Что ты растаешь, будь даже ты железным.

Дни [наши] уже пресытились твоей норовистостью,
На два-три дня стань ручным и успокойся.

Голову ты потерял, но еще не покоряешься узде,
Сердце твое сгорело, но еще ты сырой⁷.

Перестань ты скакать на быстроходном верблюде
И устраивать скачки с животными⁸,

[Перестань] быть то надзирателем в обители дивов,
То дивом времени⁹.

Будь ты сдержанным, устойчивым и терпеливым,
Отвлекайся каким-нибудь пустячным занятием¹⁰.

Довольствуйся жизненными удовольствиями, хотя и они
ветрены¹¹,
Ибо много умных развлекаются удовольствиями.

Удовольствия, будь они правдивы или лживы¹²,
Могут украсить твою жизнь хотя бы некоторое время.

Хорошо будет, если хоть немного подышишь радостно,
И [посмотришь], что принесет тебе следующее дыхание.

Каждое отложенное [на завтра] веселие
Лишено опоры доверия¹³.

Много раз бывало, что пшеницу оставляли про запас,
Гадая на ячмене, но не выигрывали от этого даже ячменного
зерна¹⁴.

Сегодня, когда дни жизни устойчивы,
Нужно привести дела свои в порядок¹⁵.

Завтра, когда смертный час направится [к тебе],
Мир не примет твои просьбы [об отсрочке]¹⁶.

Там не будут преподносить тебе особое вино,
А преподнесут тебе список твоих деяний¹⁷.

Женщина одевается в то, что она тклет,
Мужчина пожинает то, что посеяно им.

Сегодня воскуривай фимиам стараний,
Чтобы благоухал он в день [воскресения].

Заранее проверь пробный камень смерти,
Чтобы, когда наступит смерть, ты не утруждал себя.

Из лап смерти лишь тот спас свою душу,
Кто умер до наступления своей смерти¹⁸.

Лишь та голова не сникает, когда наступает ее черед¹⁹,
Которая укрощает себя [вовремя] подзатыльниками.

Лишь те уста после путешествия [на тот свет] будут
улыбаться,
Которые взяли путевые запасы собственного изготовления.

Твоя обитель (дом) пустует, вернись и обоснуйся,
Довольно безумствовать, успокойся.

В каждом миге заключен покой для души,
У каждого горя есть свой конец.

У собаки есть родина, а у тебя родины нет,
[Хотя] ты человек, а у нее нет даже речи.

Если ты человек, то и веди себя как человек,
Если ты див, то подобно диву скройся под землей²⁰.

Духи, которые обитают под землей,
С трудом обретают человеческий облик²¹.

А ты, человек с таким благородством,
Почему дружишь (водишься) с духами?

Дня два, когда я еще с тобой в одной узде,
Не покидай стремяна моей души.

Я твой сородич, и ты дружи со мной,
Утешай мою слабосильную душу.

Если сегодня ночью ты повернешь повод от меня,
То завтра, когда будешь искать, не найдешь меня.

Если от этих слов тебе тяжело,
То и это по воле небесного рока.

[Смерть] приблизилась, твори дело,
Поладь ты с круговращением времени.

Живи ты радостно, ибо я отшагал свой путь,
Пей ты вино, ибо я уже развалился.

Я ухожу, будь ты благополучным,
Горе убило меня, будь ты радостен.

Пыль моего [бытия] уже достигла солнца,
И приблизилась бледность моего солнца²².

Будь начеку, о утро, мой день сменяется ночью,
Берегись, сын мой, душа моя уже покидает меня²³.

О душа отца, подойди, поторопись,
Навести отца, пока душа не покинула его.

До того, как я свалюсь с ног,
Утепли свое место в своем доме*.

Я предупреждаю сейчас тебя о своем отъезде [в иной мир],
Собрался я для перекочевки.

Боюсь, что я перекочаю,
А ты придешь, и меня уже не будет.

Начнешь тереться головой о мою могилу
И плакать из-за разлуки, горько плакать!

Если даже стоны твои будут как дым от огня,
Какая польза будет для меня от того дыма?

Если даже пламя твоего горя сожжет весь мир,
То [от этого] лицо моего счастья не осветится».

59. ОТВЕТ МЕДЖНУНА ОТЦУ

Услышав наставления отца, сын
Хотел было последовать всем сердцем его советам,

Дня два [силою воли] терпеть в меру сил своих,
Удержаться [дома] и обмануть отца¹.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще шесть
байтов:

В тот день, когда увидишь меня расстающимся с душой,
Приходи [домой] и садись на мое место.

Когда же уберут мои пожитки из этой обители,
Пусть на моем месте останется потомок мой.

Когда наступит смертный час и я умру,
Я буду знать, что мое место будет занято [моим сыном].

Не одобряют ни враги, ни друзья,
Если я умру и ты не будешь у изголовья моего.

Какой-нибудь чужак появится откуда-то
И похитит все то, что я накопил.

Не пойдет за мной тот, кого я оставил после себя,
И при наличии такого родного как ты, у меня никого не будет.

Он замыслил дать обет [отказа] от любви,
Но любовь восстала и надрала уши [этому] обету*.

[Он]молвил: «О ты, чье дыхание—бальзам для моей души,
Мысль о ком развязывает узлы [моей тяжелой судьбы]!»

Мой рассудок — весь слуга твоих советов,
И стараюсь достойно носить кольцо рабства твоего.

Твои наставления — светильник, освещающий душу,
Но то, что я не исполняю их, — мое несчастье.

Знаю я, что твои указания подлежат исполнению,
И я стараюсь исполнить их, но не могу.

Почему навязываешь ты чеканку (обычай) разума мне?
Почему смеешься над чеканкой моих дел (моими обычаями)?

По моему разумению, которое занято любовью,
Весь мир не стоит и горошинки.

Судьбу мою так унесло по ветру,
Что ничего из услышанного я не помню.

Моя память, унесенная ветром,
Кроме забывчивости, ничего не помнит.

Не спрашивай меня сегодня: «Что ты ел вчера?»,
Ибо я забыл само это слово.

Если даже, обращаясь к теперешнему времени,
Ты спросишь: «Что ты делаешь?» — так я не знаю.

Знаю я: ты мой отец, а я твой сын,
Но не помню даже, как тебя зовут.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще четыре бейта:

В любви и слон — пешка.
Мужественен тот, кто падает.

[Между] львом лесов и войлочным львом [большая разница].
Ибо первый разрывает, а этого сшивают².

Стрела, которая вылетит из лука любви,
Причиняет боль лишь рукам того, кто выпускает ее.

Злосчастный Меджнун, лишенный рассудка,
Выслушав наставления отца,

Не только отец мой отвергнут памятью моей,
Сама память моя отвергнута моей природой.

Я точно не помню даже собственного имени,
То ли я влюбленный, то ли возлюбленная [я и того не ведаю].

Когда молния зажгла жаром мое сердце,
То этот жар сердца сжег мое бытие.

Хотя я пирогом из травы
Был доволен вместо всякой пищи,

Я полагаю, что в мельнице моего времени
Иссякли и вода, и хлеб.

Я заблудился в одичалости своей,
А дикий не может жить с людьми.

Кто привыкает [жить] с дикими [зверьями],
Тот воспринимает и обычаи диких.

Подобно попорченной мошкаррой дыне,
Лучше разрезать меня [и вырвать с корнем]³,

Ибо я опасаясь, что [зараженная мною] пыль поднимется
И заразит болезнью весь огород⁴.

Лучше держать ребенка подальше от [больных] оспой,
Дабы не заразить его кипящую кровь⁴.

Мои мысли склонны к порче,
Лучше бы испортилось мое место [в жизни]⁵.

Меньше бери [землю] с зеленых посевов,
Пусть лучше исчезнет дорожная земля⁶.

Считай, что выпала одна буква из того, что ты прочел,
Считай, что то одно семя выпало из твоего посева⁷.

Вырой могилу и положи руку свою на нее,
И считай, что умер один опьяненный любовью.

Нельзя требовать исправления от того,
Чей калам исправления сломан⁸.

Ты сказал, что близок час отправки,
Но этот растерянный занят своей отправкой⁹.

Прежде твоей отправки подошла моя осень,
Не знаю, когда ты уйдешь, а мой уход уже подошел.

Твою смерть будут оплакивать живые,
А я мертвый, а от мертвеца что можно ожидать?»¹⁰

60. ОТЕЦ ПРОЩАЕТСЯ С МЕДЖНУНОМ

Убедившись, что он неизлечим
И узник в мире любви, отец

Потерял надежду на его поправку,
Ибо нить его жара была полна узлов¹.

Он молвил: «О мое сердце, съедающее мое сердце,
Мое иго и мой венец,

Я послушал тебя [и понял, что] ты отчаялся
И [поэтому] я прощаюсь и с собой, и с тобой*.

Отец твой вышел из строя, поплачь,
Оплакивай его достоинство, оплакивай горько.

Встань и обвей руками мою шею,
И полей воду слез на мое лицо,

Чтобы той водой я совершил омовение перед отъездом,
Чтобы на дорожных носилках я спал сладко.

Этот миг — последний миг перед отъездом
В моих глазах вместо сурьмы — стержень для ослепления².

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Я прощаюсь со своим телом и душой
До того, как ушел из мира этого.

Я буду плакать в трауре по тебе,
Без тебя разве я захочу жить!?

Обними меня не для нежности,
А чтобы я взял это в запас, ибо дорога длинна.

Я уже собрал свои пожитки [для отправления] из этого мира
И [скоро] я попаду в другой мир.

Я и не далек от твоего мира,
Ибо и умирая, я страдаю по тебе.

Хотя и ты дорог мне, как мои глаза,
Но прощай, ибо больше не увидишь меня.

Прощай, я уже собрал пожитки для дороги
И сел на корабль ушедших.

Прощай, я уже уложил свой груз
И стал на пути к светопреставлению.

Прощай, ибо равновесие души исчезло,
Мы опоздали, караван уже ушел³.

Прощай, я уже собрался перекочевать,
И ухожу не так, чтобы снова возвратиться!»

Кончив таким образом прощание,
Он пожелал ему [всего доброго] и вернулся.

Пришел он в свой дом больной,
Близкий к тому, чтобы расстаться с душой.

Дня два он, обессиленный,
Печальный (горестный) прожил.

Но смертный час выскочил из засады
И хотя он не завершил дела, завершил его дело.

Небесная птица вырвалась из своей клетки
И обрела покой на чистом лоне [Господа]⁴.

Небесная [душа] взлетела в небеса,
А земная [плоть] опустилась под землю.

Блажен тот, кто в обители этой,
Подобно луне, не останавливаясь, движется⁵,

И кто в жилище горестей этом не останавливается,
Рождается и умирает, как молния.

В обители этого бренного мира,
Не предавайся отдохновению, чтобы не мучиться.

Тому, кто в этой деревне остановился,
Запретно отдохновение (покой для сердца).

Человек, который спас свою душу из этой крепости,
Не умер в ней (крепости), а она (крепость) умерла.

Мир — злой дух в облике ангела,
Неизбежно старающийся погубить тебя.

В чаше его нет ничего кроме сердца (печени),
И сердце его вырвано из твоего тела^{6*}.

На этом лугу твой кипарис — сожаления,
Вода его соленая, а травы его — колючки.

Сколько можно горевать из-за времени⁷,
Бегать, подгоняемому ударами хлыста?!

Живи в мире весело, вот настоящий мир,
Горе тебе, если горюешь из-за мира (принимаешь горести
мира близко к сердцу)**.

Тот не расторопный муж, а змея,
Кто добывает сокровище, а питается землей.

Питайся вкусно, ибо ты — роза, украшающая мир,
Не жри землю, подобно змее.

Цель — жизнь, и старайся жить.
Если не останется жизни, скажи: пусть не будет ничего.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

С кем бы ты ни сидел в мире этом,
[Вечно] не увидишь его, если ты и захочешь видеть.

Обитель дивов здесь, а не место для желаний.

Вставай, ибо здесь дорога для потоков.

Если уста твои жаждут фиников, тогда поцелуй руки шипов,
Жаль, что здесь — место для сожалений.

** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Вор, у которого длинные руки,
Ворует жемчужину из [разных] товаров.

Серебро (деньги) хотя и нужно и при хороших и при плохих
[обстоятельствах],
Но оно же ломает якоря тысячи кораблей⁸.

Не собирай [серебра] и не накапливай у себя, подобно
колодцу,
А бери и отдавай, подобно мельничному жернову⁹.

Если взял, то обязан и отдавать,
Ибо обретением и отдачей (куплей-продажей) благоустроен
мир.

Если у тебя нет груза, то и пошлины не платишь,
Ибо с разоренной деревни не будет хараджа (подати)*.

Из тех, что гнал коней с тобой,
Кто остался с тобой, посмотри вокруг¹⁰.

Ушли и Каи, и служители веры
И оставили мир своим подчиненным¹¹.

Эти люди кто, те кто?
Смотри вместо Каев кто стал?

Ты не станешь равным тем государям
Иначе, чем путем благородства.

Твори добро и остерегайся дурных деяний,
Ибо доброго ждет добрая участь.

Тот, кто причиняет зло тебе, причиняет его не тебе,
А без сомнения, причиняет его себе.

Твори добро и бросай в колодец,
Чтобы из колодца оно открыло свое лицо для тебя.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще четыре бейта:

То занимайся тесанием веретена и обтесывай его,
То занимайся тесанием стрел.

Беспечно не проходи ни по какой улице,
Подними шум, чтобы сеять вражду.

Без дела не сиди нигде,
Шевели руками и ногами, чтобы обмануть [других].

Бездельник — человек тусклый,
Да разломается спина осла, если не таскает она грузов.

Каждое доброе и плохое деяние имеет свой отзвук,
И он раздаётся эхом под сводом купола мира¹².

Если кто-нибудь поверит свою тайну горе,
Гора разгласит то, что услышала*.

61. МЕДЖНУН УЗНАЕТ О КОНЧИНЕ ОТЦА

Однажды по воле случая вечером
Один охотник шел на охоту.

Меджнун сидел на Неджде,
Словно отборная жемчужина на венце.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще 10 бейтов:

Если ты высоко [мудр], то высокий свод
Окинь пронизательным взглядом.

Колесницу, камнемёты и баллисту
Нельзя поставить на крепость небосвода.

Ибо он так удален от земли,
Что чист от земных осуждений.

Ты не взирай на эту [мирскую] мастерскую пьяными [глазами],
Ибо много таких, как ты, угодило в яму.

Ты вообразил, что эта глубокая [яма]
Существует в таком виде для игры?

Пока тебя не вытащат из этой ямы,
Будут опускать вниз постоянно веревку?

Нет, клянусь Аллахом, эта обильно накрытая скатерть —
Такой кожаный коврик, от которого мы в недалеком
[будущем] оторвемся.

Где бы ты ни нашел благоустроенное строение,
Спереди или сзади него обнаружишь [обязательно] развалины.

И там, где находятся развалины, всюду
Там [обязательно] есть остатки благоустройства.

Ни в одной деревне, будь она благоустроенной или
разрушенной,

Ничего не заложено навечно.

Увидев на дороге льва, охотник
Бросился с мечом языка на него.

Спросил его с соболезнованием:
«О отлучившийся от родных и друзей,

Ты нисколько не заботишься о том, что тебя впереди ждет
конец,

И кроме Лейли у тебя есть близкие.

Не помнишь ты ни о матери, ни об отце,
Нет более бесстыжего, чем ты, позор тебе!

Такой потомок, как ты, лучше пусть будет под землей,
А ты еще гордишься своей подлостью!¹

Допустим, что ты от отца при жизни его.
По молодости (глупости) своей удалился.

Отец ведь твой умер, — здравствуй ты вечно!
Хотя бы ты помянул бы его [добром].

Пришел бы там навестить его [могилу]
И вымолил бы знак его благословения.

Ты бы припал к его могиле прощения ради,
И попросил бы извинения у его духа.

От скверного напева его лжелесни Меджнун
Зарыдал и согнулся прямо как чанг².

От горя он бросился на землю
И начал бить себя кулаками в лоб.

Покой и самообладание покинули его.
Он помчался прямо к могиле отца.

Увидев надгробную плиту могилы отца,
Он почувствовал, как разбился алмаз его души³.

Упал он на могилу без чувств
И заключил ее, словно свое сердце, в объятия.

От любви, которая исходила из его чистого сердца,
Он увлажнил своими слезами его прах.

То он обнимал землю [могила],
То он сыпал от горя на голову землю [могила].

У узника дня наступила ночь,
У страждущего ночами поднялся жар.

Он сам страдал все время
Из-за того, что с первых шагов [жизни] стал пленником
горестей.

Человеку, который становится пленником страха,
Каково же приходится, когда он осиротевает?

Он был в отчаянии от безысходности,
От горечи осиротелости и плена.

Он долго лежал у могилы
В поисках следа сотоварища.

Не находя того, кто горевал из-за него,
Он не прекращал горевать по нему.

Столько он пролил с ресниц кровавых слез,
Что тело земли стало влажно-кровавым.

«О отец, где ты? — причитал он. — О отец, где ты
Почему не показываешь своей головы сыну?

Где искать мне тебя, о горевавший из-за меня?
С кем мне поделить свои горести и тоску по тебе?

Ты счел разумным лишиться сына,
И поэтому ты удалился под землю.

Не ведал я, что такое быть без отца,
Сейчас лишь я понял, как это горько.

Как ужасно, что я далек от тебя, ужасно!
И, кроме памяти о тебе никто не приходит ко мне на помощь.

Ты был мне и другом и покровителем,
Ты был силой моего бесстрашного сердца,

Ты был моим наставником на праведном пути,
Ты заботился об Истине моей⁴.

Без тебя я остался лишь в воображении,
Жаль, что без тебя [вообще] я остался.

Не осуждай меня более из-за того, что разлучился с тобой,
Ибо я сам каюсь в том, что совершил.

Сейчас я кричу из глубин своего нутра,
Когда вспоминаю о твоих наставлениях.

Ты повод мой тащил в сторону счастья,
А я со своим дурным нравом противился [тому, чтобы идти
на твоём] поводу.

Ты был, словно золотое кольцо в моем ухе,
Я был далек от тебя, словно кольцо на воротах.

Я грубил тебе, а ты был мягок со мной,
Я всегда проявлял холодность к тебе, а ты горячее [участие ко
мне].

Ты испытывал сотни страданий из-за горя моей души,
А я [в это время] блуждал по миру*.

Ты очищал мою постель от пыли,
Я же ушел, отрекшись от сна.

Ты устраивал пир для моего веселья,
А я лежал [в это время] на каком-нибудь камне.

Ты молился за меня, но твои молитвы не действовали на меня,
Я же сажал дерево, от которого не вкусил плода.

Твою постоянную любовь к моей душе
Я вспоминаю [теперь] и от горя расстаюсь с душой.

Я проливаю голубые [слезы] на одежду свою,
Чтобы я ослеп и стал голубым от позора⁵.

Ох, отец мой, ох, как я раскаиваюсь в том, что сделал,
Сейчас у меня не одна, уже тысяча горестей.

* Здесь в некоторых рукописях есть еще один бейт:

Я не сказал ни одного слова, угодного тебе,
Я не спал ни одной ночи рядом с тобой. .

Обидел я тебя ни за что, отец мой,
Горе мне, горе, если ты не простишь меня.

Пусть не заградит мне путь твоя обида,
Пусть не осудит меня за мои грехи.

О звезда, даровавшая мне свет,
Твое прощение — единственное лекарство для меня.

Боюсь, что Господь взыщет с меня,
Если ты не простишь своего раба.

Ты говорил мне, что я твое сердце по воле судьбы,
Как же ты теперь пускаешь в это сердце стрелы?

Если я твое сердце, то не терзай меня,
И не жарь на огне как бессольного (неверного).

Твое сердце здесь так обливается кровью,
А зачем же ты находишься в сердце земли?

Ты грызешь мое сердце в этот день,
Называя меня своим сердцем! О, как заботится твое сердце
обо мне!

Сердце твое остановилось из-за того, что страдало из-за сердца
(меня),
И от этого огонь начал пожирать сердце мое⁶.

Хотя и я виноват перед тобой,
Но я стал жертвой своих грехов.

Если я не послушался твоих наставлений,
То мои уши получили за это [основательную] трепку».

Так он причитал и жаловался,
Так он променял светлый день на черную ночь.

До тех пор, пока ночь не подняла своего черного знамени,
Его слезы не перестали барабанить по воплям^{7*}.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще шесть бейтов:

Когда черноспинная, словно раковина, ночь
Бросилась бороться с Рыбой и Луной,

Когда тайный глас утра издал свой клич
И из-за гор заря подняла свой стяг,

Алхимический эликсир утра
Своим дыханием превратил землю в золото,

Этот ходячий прах встал с той земли
И печально отправился к горе Меджд.

Он продолжал лить по-прежнему слезы,
Оплакивая [смерть отца].

Дышал он горечью своего злосчастья,
Жил он с сотней тысяч мучений.

Ради светоча его сердца он менял
День на ночь, а ночь на день.

62. МЕДЖНУН ДРУЖИТ СО ЗВЕРЯМИ

Сведущий сочинитель сказаний
Так излагает вести из этой повести:

Тот, кому пустыня служила ковром, а гора — подушкой,
Базилик глиняного чертога^{1*},

Рыба вскипела на раковину
И высыпала из ее рта все жемчужины.

Из обоих своих глаз цвета раковины Меджнун
Сыпал драгоценные жемчужины на целый фарсан⁸.

Он просидел у могилы отца до утра,
Читая обжигающие душу касыды.

Он всем своим существом слился с могилой,
Словно он вернулся домой, но в доме не было одного из
хозяев.

Он терся лицом о почтенный прах,
И до утра он пил утреннее вино [слез].

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Крышка разрушенного колодца воды,
Ворота развалившейся крепости,

То есть Меджнун, чей стан согнулся, словно «нун»²,
И у кого дела не налаживались,

Когда кончил оплакивать отца,
Он [снова] пустился бродить бесцельно по горам и пустыням.

Однажды, [убегая] от напастей пустыни той,
Он перебрался до земли края любимой.

Увидел он [листок], на котором пером любви
Были начертаны вместе «Лейли» и «Меджнун».

Он протянул ногти свои и начал соскабливать с листа
[написанное],
Он оставил свое [имя], а имя любимой соскоблил.

Спросили его наблюдавшие за ним: «В чем смысл
Того, что ты из двух написанных [имен] оставил лишь одно?»

Он ответил: «Лучше, если одного из начертаний не будет,
Ибо для нас обоих достаточно одного начертания.

Если влюбленного кто-нибудь распознает,
То возлюбленная обнаружится в нем».

Тогда спросили: «Почему же исчезло с листа
Ее [имя], а начертание твоего [имени] осталось?»

Он ответил: «По моему разумению непристойно,
Чтобы я, потерявший сердце, стал ядром, а она моей кожурой.

Лучше, чтобы я служил забралом для друга
Или кожурой вокруг ядра»³.

Сказав это, он удалился от того места
И помчался, как Рабия, по дороге и бездорожью⁴.

И, подобно [всем] влюбленным, читал насибы⁵
И искал для исцеления своего лекаря⁶.

Он одичал, разорвав узду,
Освободившись от осуждений и нравов людских.

Он, подобно зверям пустыни, свыкся
С корнями зеленых растений.

Не боялся он ни хищных, ни травоядных,
И был покоен всегда в обществе хищных и травоядных зверей.

Его товарищи — львы и олени
Были для него стражниками с копьями⁷.

Все звери, которые обитали в пустыне,
Торопились к его услугам.

Из львов, оленей, волков и лисиц
Он составил войско, расположившись лагерем у дорог.

Все они были рабами его власти,
Он был царем над всеми, словно Сулейман⁸.

Крылья орла служили ему балдахином,
Кости свои он вверял под защиту грифа⁹.

Власть царская его простиралась до такой степени,
Что он отучил зверей от их звериного нрава.

Волк больше не творил насилия над овцой,
А лев убрал свою лапу от онагров.

Собака дружила с зайцем,
Газеленок питался молоком львицы.

Он шел, поддерживая душу ладонью,
А они шли рядом, впереди и сзади.

Его ложе для сна, если изредка он спал,
Лиса хвостом подметала и стирала с него пыль.

Газель расторопно служила ему терщицей
И массировала его ноги своей грудью.

Он опирался на спину онагра,
И на бедра оленя он клал голову.

За спиной его на коленях стоял лев,
Словно стражник, обмахив меч¹⁰.

Волк, чтобы охранять его,
С готовностью пожертвовать жизнью вел разведку.

Хищный тигр, рожденный свирепым,
Отрекся от своего тигриного нрава.

Эти звери — обитатели пустынь
Стояли на страже вокруг него в два-три ряда.

Подобно государям, закрыв свои фланги,
Он сидел посреди зверей.

От страха перед кровожадными хищниками
Никто не стремился к общению с ним.

Если хищнику видели, что кого-то он не желает видеть,
Тотчас же они его разрывали.

Но того, кого он звал позидаться,
Никто из них не смел трогать.

Никого из знакомых и родных
Они без его указания не подпускали к нему.

В сопровождении этих обитателей пустыни
Шествовал он, словно гастух со стадом.

Со зверями словно зверь он дружил
Ибо от хищных (людей) можно спастись только с помощью
хищников*.

Люди удивлялись его поведению
И тому, как звери сопровождали его.

Где бы ни находились любопытные,
Они не успокаивались до тех пор, пока не глядели на него.

Каждый день какой-нибудь странник из разных краев
Останавливался около него [чтобы посмотреть на него].

Он приносил пищу в надежде,
Что он после своего поста с ним станет разговляться.

А тот, сидевший в крепости из львиных шкур,
Страшивший [своим войском] храбрецов,

* Далее в некоторых рукописях следуют еще пять бейтов:

Среди проворных газелей
Был один газеленок, удивительный шалун.

Был он игрив, проворен и весел,
С гладким крупом и горделивой шеей.

Меджнун, следивший за газелями,
Был полностью привязан к нему.

Он постоянно звал его к себе
И каждый час гладил рукой его голову.

Он каждый день целовал его в глаза.
Вспоминая глаза своей возлюбленной.

Съедал кусочек от тех подношений,
А остальное отдавал зверям.

Долгие весенние и летние месяцы
Он кормил хищников хлебом насущным¹¹.

Каждый зверь, увидев его, поклонялся ему,
Ибо считал его своим кормильцем.

Звери бегали вокруг него,
Чтобы заработать свой хлеб насущный.

Благодеяние покоряет всех людей,
Свободных оно превращает в рабов.

Если огнепоклонник будет щедр к собаке,
Собака станет подлизываться к нему, словно кошка.

63. РАССКАЗ

Слышал я рассказ о том, что когда-то
В Мерве был один венценосец.

На цепях он держал несколько псов,
Были они бешеные и словно бесы на привязи.

Каждый из них по свирепости был словно кабан,
А одним куском отрывал верблюду голову.

Если шах гневался на кого-нибудь,
То бросал его к тем кровожадным псам.

Того, кто лишался покровительства шаха,
Приводили к псам, которые мгновенно его пожирали.

Среди приближенных был один благородный муж,
Который, знай ты это, был совершенен во всех доблестях.

Он опасался того, что шах, сжигающий своих друзей,
Может рассердиться на него, когда-нибудь.

Покажет его газелий стан псам
И испытает на клыках этих собак.

От страха перед собаками он опередил всех
И начал дружить с псарями.

Каждый день он ходил [к ним] и одну овцу
Бросал собакам в пищу.

Таким образом он ласкал их до тех пор,
Пока трудное дело не сделалось легким.

От благодарности к его рукам собаки
Бросались к нему в ноги и покорялись его воле.

Однажды шах бросил гневный взгляд
На того прахоподобного (скромного) мужа.

Он приказал собакосердным придворным,
Чтобы его с дороги повели прямо к псам.

А те собакоправые поступили, как псы,
И, словно собаку, схватили его для жертвоприношения.

Связали его и бросили собакам,
А сами удалились и стали наблюдать.

Львоподобные псы с железными когтямч
Сначала бросились на него,

Но, узнав своего благодетеля,
Начали вилять хвостом и ласкаться к нему.

Они плотно окружили его
И сели головой к ноге друг у друга.

Они оберегали его, словно няни,
И так прошли одни сутки после этого.

Когда же светлый день явил свой лик
И черная парча [ночи] стала золотистой,

Шах раскаялся в своем поступке,
Опечалился и сказал своим приближенным:

«Я вчера невинного газеленка
Отдал собакам, вот тебе заячий сон!»

Посмотрите, что сделали собаки с ним,
Как сожрали его тело?»

Псарь, услышав об этих словах [шаха].
Явился к шаху и сказал: «О шах,

Этот юноша не человек, а ангел,
Сотворенный Господом из чуда.

Встань, пойди и посмотри на этот свет,
Узри издали это чудесное творение господа.

Он сидит у пасти псов,
Замкнув клыки псов печатью.

Эти драконоликие волкодавы
Не обидели даже волоска на его голове».

Шах поспешно приказал, чтобы люди поспешно пошли,
Чтобы спасти потерянного [друга].

Служители отвели его
Из окружения псов во дворец шаха.

Шах был поражен тем, как этот благородный муж
Не был обижен псами.

Рыдая и плача, шах встал на ноги
И со слезами на глазах он попросил сотню извинений.

«В чем причина, — спросил он, — объясни,
Как при последнем вздохе ты остался в живых?!»

Тот молвил: «Причина этого в том, что до моего заключения
Я несколько раз угощал псов своими милостынями.

За то, что они ели мои подношения,
Они замкнули свои пасти передо мной любовно.

Десять лет я служил тебе, как раб,
И за это вкусил от тебя подобный плод [благодарности].

Ты отдал меня собакам [на растерзание] из-за одной обиды,
Но оказалось, что собаки не пожирают своих друзей.

Собаки стали друзьями, а ты — недругом,
Собаки соблюли уважение [к дружбе], а ты — нет.

Собака примирится и за косточку одну,
А подлец не проявит верности даже [ценою] жизни».

Уразумев после этого удивительного случая,
Что в человечности заключено спасение, шах

Проснулся ото сна опьянения
И бросил собак и собакопоклонство.

Цель моего этого рассказа в том,
Что милость и благодеяние — крепость души.

Меджнун, который давал этим зверям пищу,
Сделал для себя прочную крепость,

И те звери, которые были оруженосцами Меджнуна,
Служили крепостью вокруг него.

Садился ли, вставал ли он, всегда
Его свита находилась рядом.

Если ты тоже [читатель] поступишь, как он,
Ты не станешь глотать кровавые слезы из-за мира.

Если даже халиф станет твоим сотрапезником,
То и он станет твоим рабом, раз кормится он за твой счет².

64. МЕДЖНУН МОЛИТСЯ ЧЕРТОГУ ВСЕВЫШНЕГО

Блестящая ночь, яркая как день.
Свежий небосвод был словно голубой цветник.

От подвесок на золотой перевязи
Колесо [небесное] золотом горело,

Звезды с браслетами счастья на руках.
На просторах горизонта плясали.

Они угрожали диву-метеору
Издали талисманом: «Нет мощи [кроме как у Аллаха]»¹.

От яупка ночи воздух благоухал мускусом,
От жемчужины луны земля сияла.

От тех жемчужин и мускуса шестиспичное колесо²
Наполнило украшением и благоуханием весь горизонт.

Но каждый миг небосвод преображался,
Являясь в новом зареве красот.

Сотни разных ночных звезд
Небосвод выставлял на своем венце³.

Созвездия на колесницах мчались,
Окружив медную крепость Полюса⁴.

Фаркад гнал своего скакуна в разведку,
Корабль к крылу Большой реки пристал⁵.

Плеяды из желтого и голубого шелка
Взвиди полотнище своего стяга⁶.

Луна обвела золотой каймой [свой] шелк — покрывало
И пришила узоры к нему из льна.

Как будто шах из лука своего
Попал шариком в голову луны.

Или Утарид своим видом
Напоминал стрелу, выпущенную шахом из лука⁷.

Зухра, что была насечкой его седла,
Была весела, словно его чело⁸.

Солнце, словно его меч, сжигающий мир,
Ночью скрывалось, а днем обнажалось⁹.

Маррих, горячий и расторопный во гневе,
Спешил ослепить его врагов¹⁰.

Бурджис носил в перстие его печатку,
Ибо он [шах] держал счастье мира в своих рукавах.

Кайван повесил у себя на ремне брусок,
Чтобы точить стальное острие его меча.

Таково величие у шаха,
Да не будут горизонты без его красы!

На службе этого прославленного повелителя,
Как велика твоя слава, о Низами!

От множества созвездий и планет
Небесный свод сотрясался.

Отражение Овна дугами улыбки
На Чело небосвода каймой ниспадало¹¹.

Небесный Телец, подобно морскому тельцу,
В горле своем держал жемчужины из Плеяд¹².

Близнецы, завязав двусторонний пояс,
Сидели на двухъярусном престоле.

Хука, подобно девицам, облаченным в льняные рубашки,
Сидела ушко в ушко с Хуной¹³.

Рак в когтях Зираи
Трепыхался, раскрыв свои Хищные когти¹⁴.

Нусра сыпала жемчуга для приветствия,
Турфа в другой стороне сыпала золото¹⁵.

Джабха лучами своего чела
Зажгла перед собой сотни светильников¹⁶.

Сияло Сердце Льва отблеском Льва,
Алоэ горело, словно алоэ на огне¹⁷.

Сунбула Деволика на тех просторах
Без помощи Сурфы не тратила ни одного зерна¹⁸.

Гафр, как великодушный дар, положил
Три Лепешки в Чашу Сирот¹⁹.

Весы, подобно языку мудрого мужа,
Распускали язык [в беседе] с Языком²⁰.

Волопас от [границы] безоружного Самака,
Гнал свою охотничью собаку на Льва²¹.

Венок дарил Сердцу венец,
А Скорпион платил дань Луку²².

Чтобы выиграть у Блага Вывоз и Ввоз,
Сражался Правитель [города] с ним в игру из двух-трех
партий²³.

Козерог отрезал словно козлу свою голову,
Услышав сказку о козлиной голове²⁴.

Забих от страха замкнул уста,
А Сад удерживал Ахбию за узду.

Обжора, чтобы утолить голод, молился,
Вытянув руки ранним утром²⁵.

Водолей из-за упреков Солнца
Сомкнул уста, а рот был полон воды.

Под ним были начертаны им две строки:
Этот — Мукаддам, а этот — Муаххар²⁶.

У госпожи Альриши было множество Верблюдиц,
И поэтому она своим Рыбьим животом сидела на Паланкине²⁷.

По главной дороге планет
Шествовали верхом созвездия²⁸.

Четыре конечности тела Овна
Были связаны небесным Треугольником²⁹.

Аййук своими мощными руками
Выиграл высоту у своих соперников³⁰.

А звезда, которая своим видом напоминала треножник котла,
Сыпала все свои продукты в котел небосвода³¹.

Из двух Орлов один, раскрыв крылья,
Стал Летающим, а другой [сложив крылья] был Стоячим³².

Слагательница стихов по обычаю Йеменцев
Без сопровождения стихов плясала³³.

Мабсута жила лишь одним светильником,
А Макбуза выколола оба глаза Ворона³⁴.

Меченосец свой меч цвета Млечного пути
Повесил на ошейник Льва³⁵.

Звезда Одинокая шествовала как одинокий путник
И над Головой Юга сияла³⁶.

Восседал Престол над подданными,
А Трегья, как ни удивительно, находилась под Четвертой³⁷.

Цепь [звезд] Самака останавливалась
То у Копьеносца, то у Безоружного.

Алькор среди своих собеседников
Пристыжал зоркость глаз Зорких³⁸.

Еле светился Волчий Хвост под утро,
Подобно Юсуфу на дне колодца³⁹.

Вокруг странников небосвода
Кружились Девицы Мертвеца, подобно циркулю⁴⁰.

Вокруг Мертвеца скакал на Конце Чтец,
Разве может покинуть мертвого чтец [Корана]?

65. МЕДЖНУН ВЗЫВАЕТ
К ЗУХРЕ

Меджнун, охваченный любопытством,
Смотрел на небесное колесо-фигляра.

Вперил свой взгляд сначала в Зухру
И сказал: «О ты, кто является опорой судьбы,

О яркая Зухра, освещающая ночь,
О ты, судьба счастья побеждает тобою,

О факел веселья,
Хозяйка гороскопов певцов,

О ты, в чьих руках находится ключ от любого желания,
О ты, чьими каплями наполняется старым вином любая чаша,

О камень перстня венценосцев,
О госпожа чертога счастья,

О источник наслаждения поклонников всего изящного,
О ты, чей нрав — амбра для благоухающих,

Окажи ты милость по милости своей
И открой [для меня] двери надежды,

Доставь мне аромат любимой — лекарство души,
Ибо уже давно настала пора для этого!»

66. МЕДЖНУН ВЗЫВАЕТ К МУШТАРИ

Когда Муштари явился на горизонте,
Он по-новому заговорил с ним:

«О Муштари, о звезда благостная,
О исполнитель всех своих обещаний (уговоров),

О ты, в чьих взорах готовность преданно услужить,
О ты, кто чеканит завоевание стран¹,

О каллиграф писем милости,
О ты, кому подвластны победы и завоевания.

О ты, на ком держится порядок в мире
И кому обязаны благополучием мировые дела,

О ты, от кого зависит возвышение моей звезды
И кто дарует сердцу силу,

Милостиво хоть раз взгляни на меня,
И если есть у тебя средство, помоги мне»*.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Отврати от меня мои несчастья,
Поступай со мной, как поступают [доблестные] мужи.
Подай мне какой-нибудь знак от возлюбленной моей,
Подай мне хотя бы розочку из моего цветника роз.

67. МЕДЖНУН МОЛИТСЯ ЧЕРТОГУ ГОСПОДНЕМУ

Увидев, что эти парящие пары
Убегают с своих высоких стоянок¹,

Он понял, что от игры с плодами воображения
Дело его не будет улажено.

Он обратился с мольбой к тому, кто улаживает дела
И кто не нуждается во всем сущем.

Он взмолился: «О ты, кто является моим прибежищем,
Почему я должен прибегать к защите другого, кроме тебя,

О ты, чьими рабами являются Зухра и Муштари,
Твое имя — заглавное имя книги имен всего [сущего].

О ведающий больше, чем ведают об этом,
Милость твоя больше, чем считают.

О ты, кто снимает замки со всех желаний,
О обладатель сущности и судья великодушия.

О ты, улаживающий дела великих,
О улучшающий дела несчастных.

Все мы рабы в колодках,
У людей нет, кроме тебя, господа.

О ты, кто воздвиг семь небес,
Все сущее, кроме тебя, — рабы твои.

О ты, чьими покорными невольниками
Являются все шесть сторон с горами и долами,

О ты, кого не достигал ничей взор,
Но если и достигал, то от взгляда на тебя лишался зрения.

Кто служил тебе собакой, его природа чиста,
Да будет прах на голову тому, кто не с тобой,

О ты, благодаря кому прах моего [бытия] стал [прозрачным
как] вода.

Взгляни на меня, несчастного, милостиво.

Не оставляй меня, одинокого и беспомощного,
Без доли своей милости.

По своей господней милости сделай так,
Чтобы моя ночь завершилась рассветом,

Чтобы мой день стал осчастливлен верностью,
Чтобы звезда моей удачи освободилась от пут».

Высказав одно за другим эти слова,
Он заснул, произнеся последнее слово.

Во сне показалось ему, что древо его судьбы
Возвысилось от земли до небес

И с его веток полетела птица,
Направляясь узорно в его сторону.

Она роняла из своего клюва жемчуга
И сажала их на макушку его венца.

Когда он открыл глаза от сна,
Утро явилось из-за горизонта небосвода.

Подобно утру в силу свежести лица (души),
Радовался он и был весел

От сна, который пришелся ему по нраву;
Из-за птицы [которую видел во сне] он стал словно летающая
птица.

Встрече с любовью, которая недоступна,
Можно радоваться лишь в воображении или во сне.

68. МЕДЖНУН ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМО ОТ ЛЕЙЛИ

Был день, прекрасный день, освещающий мир,
Очи всех обладавших зрением светились от такого дня.

Утро его было взлелеяно райским садом,
Ветерок его встречался с дыханием Масиха¹.

Судьба, от которой счастливо складываются дела,
В тот день встала от сна с правой ноги².

Утомившись от упреков, судьба
Послала счастье, хотя и поздно.

Испытывавший муки Меджнун,
Посеявший сердце, а пожавший горести,

Сидел в тот день на горе
В окружении плотных рядов хищных и травоядных зверей.

Со стороны пустыни по направлению к камню [на котором он
сидел]

Поднялась пыль цвета тутии³,

И из-под покрова той пыли
Показалась фигура царственного всадника.

О, какой особой он был! Не особа, а кусок света,
[Всадник] подскакал [к нему] и еще вдали спешился.

Узнав о том, что он друг
И происходит из благородного рода, Меджнун

Рукой подал знак своей свите зверей,
И они все прижались к земле.

Подошел он к всаднику, прискакавшему на арабском скануне,
И начал любезно беседовать с ним:

«О Йеменская звезда, что за путешествие?
Кто я и кто ты! Скажи, к добру ли [твой приезд]?

Хотя вид твой и утешает сердце,
Но у дикарей от страха глаза велики.

Я боюсь веревки, ибо видал я змей,
Какие там змеи, меня кусал сам дракон!⁴

Некоторое время тому назад некий болтун
В мою грудь всадил такую колючку,

Что от железного кончика той колючки
До сих пор растет в моем сердце гвоздь.

Если твой товар такого же качества,
То лучше не трать слов»⁵.

От этих благородных суждений Меджнуна путешественник
Слово тень припал к его ногам.

«О слава прославленных (высокоименитых),—молвил он,—
Кто опутал ноги зверей,

Газель привязалась к тебе всем сердцем,
Лев кладет свою голову к твоим ногам,

Я привез весточку особого значения,
То есть весточку другу от друга.

Я должен поведать тебе втайне слова
Такие, подобных которым никто не говорил тебе.

Если ты позволишь сказать, я скажу,
Если нет, то поспешу обратно своей дорогой».

Почувяв проблески надежды, влюбленный
Воскликнул: «Выложи то, что имеешь!»

Вестник передал ему весть:
«О ты, скакун чьей судьбы усмирися,

Вчера на перекрестке дорог такого-то становища
Я встретился с кумиром, словно луна—

Что луна, не луна, а солнце,
На луне которого было белое златотканное покрывало.

Она кипарис, но не бесплодный, как кипарис садов,
Она — сад, но не без доступа, как небесный сад.

Такая сладкоречивая, что когда она начинала речь,
Засыпала вода, тихая, как ее вода⁶.

Газелеглазая своими газельими взорами
Усыпляла львов заячьим сном⁷.

Ее черные локоны, словно «джим»,
Ее стан, словно «алиф», а рот — «мим»^{7а}.

То есть [словно бы она говорила]: «По буквам я—джам-чаша^{7б}
И моим именем стало «Чаша, отражающая мир».

Глаза ее, словно нарциссы, темные от сна,
Росли они у родника воды⁸.

Ее сводчатые сросшиеся брови
Были «чет», хотя они говорили «нечет»⁹.

Она чародейка по [части] похищения сердец,
Ее базиликовое дыхание [чародейка]—по благоуханию.

Словом, что мне сказать о ней? — такая проворная,
Как мгновение ока и полет дыхания¹⁰.

Но от любовного [недуга]

Она немного поникла.

Стрела ее согнулась, как лук,

Слезы ее стали, словно жемчуг.

Ее бамбуковый ствол стал, словно тростник,

Ее аргаванный цвет стал блеклый, как у примулы,

Ее примула не пожелтела, нет, скорее стала золотистой,

Она стала как тростник, но как тростник сахарный*.

Все надежды ее души у нее связаны с любимым,

А от страха за свою душу (жизнь) она сидит у мужа.

Она поливала розовой водой ресниц свои розы,

И солнце свое она обливала лунным светом¹¹.

Так много она рыдала,

Что сердце мое сжалилось над ее мольбами.

«Кто ты такая? — спросил я. — Почему плачешь?

Из-за кого ты так горько рыдаешь?»

Открыла она сахар уст с отравленной улыбкою:

«О ты, кто бросил соль на мою сердечную [рану],

Я была Лейли, но теперь

Я безумнее тысячи Меджнунов¹².

Я обезумела в тысячу раз больше,

Чем тот безумец с черной звездой.

Хоть он и мишень для горестей.

Все же он не женщина, как я, а мужчина.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

На крепость той прелестной невесты (арус)
Баллиста небосвода метала арусак (куклы)^{12а}

Султан и Аяз вместе рука об руку,
А начальник стражи был пьян вдрызг, а стража была во

хмелью.

Хызр напился живой воды из источника,
И Искандер спал жаждущий.

Он потому в делах любви проворен,
Что не страшится никого.

Он не корчится, как я, в муках,
Он направляет свои стопы туда, куда хочет.

Бедняжка — это я, у меня нет никого,
С кем бы я осмелилась поговорить хоть один миг о
своем горе.

Боюсь я, как бы по безволию и неопытности я
Не стала чуждой к доброму имени [не потеряла его].

Я — бальзам, но во рту у меня скрыт яд,
Внутри у меня ад, который я скрываю сухой травой.

С одной стороны мучает меня горе того одинокого,
С другой стороны мне причиняют горе чужие.

Между этими двумя могучими силами я нахожусь,
В постоянной борьбе с самой собой.

Нет у меня силы, чтобы восстать против мужа,
Нет у меня и решительности, чтобы убежать от отца.

То любовь сердца повелевает: «Встань
И убегай от этих ворона и коршуна, как куропатка!»

То доброе имя и стыд говорят: «Иди на место,
Ибо сокол сильнее куропатки».

Хоть женщина и может победить воинов,
Но все же она женщина и останется женщиной.

Допустим, что женщина по крови своей отважна,
Но все же женщина останется женщиной, если даже она
словно лев.

Так как я не могу порвать с этим горем,
Я примирилась таскать горе на себе.

Но сердце обливается кровью,
Когда я думаю о том, какво любимому без меня.

Без меня чей лист он читает,
Как он проводит [без меня] дни свои?

По каким он дорогам странствует,
К какому ханагаху держит путь в странствии?

Чье общество он избирает,
Кто его друг и с кем общается?

Если ты ведаешь о том страннике,
Сообщи нам на пути этом какую-нибудь весть!»

Услышав эти речи от нее, я
Не считал нужным остаться безмолвным.

Твой образ, который был мне известен,
От ее дыхания растаял, словно воск под печаткой.

{Я сказал:} «Тот безумец, дичащийся самого себя,
Порвал со всеми друзьями.

Из-за любви к тебе у него в руках воздух,
И общество его составляют онагры и олени¹³.

Его любовь к тебе разбила его горем,
А смерть отца окончательно dokonала его.

Каждый день он испытывает уколы колючки за колючкой,
И так злосчастно следуют у него дела одно за другим.

То он излагает повесть страданий из-за тебя,
Извергая тысячу потоков из своих глаз.

То он начинает оплакивать отца,
Исторгая из черного камня стоны жалости».

Тут из твоих волшебных касыд,
Выученных мной о твоём состоянии,

Я прочел два-три двустихия перед той луной
Так, что она исторгла из сердца вопли.

Она задрожала на месте и опустила голову, —
Да будет это [зрелище] далеко от тебя! — да так, что я
подумал, что она умерла.

Но, передохнув, она подняла голову,
Исторгнув новые стоны из сердца.

Рыдала она громко и кричала,
Поминая твоего отца причитаниями:

Об одиночестве твоём в таком горе
Говорила она и горевала по этому поводу.

Порывав и постовав долго, она
Связала меня крепким уговором:

«О рожденный в законе [муж] с чистым сердцем,
Помоги мне подняться, ибо я упала¹⁴.

В тот день, когда ты решишься
Уехать из этих мест,

Пройдись к моему шатру по дороге
[Она издали показала свой шатер],

Чтобы я о состоянии своих дел приготовила
Письмо и вручила тебе.

Да сопутствует тебе помощь! Ты скрытно
Доставь это письмо моему другу».

Сказав это, она ушла от той беседки,
И я тоже отправился своей дорогой.

Вчера по тем приметам, которые она указала,
Я пошел к ее жилищу быстро.

Заметил, что она перекрасила свою рубашку в голубое,
И незаметно передала мне письмо.

Письмо было запечатано печатью горестей,
А как известно, печать придает письму величие»¹⁵.

Тут он вытащил письмо, как оно было,
Поцеловал его и отдал Меджнуну*.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Взяв у него письмо, он помчался,
Проливая кровавые слезы.

Затем [успокоившись], взяв письмо и положив перед собой,
Меджнун радостно раскрыл глаза.

Узрев это великодушное письмо,
Он разорвал [от радости] все, что было под рукой, кроме
письма.

Подобно циркулю, он положил голову к ногам
И начал вращаться вокруг себя сотни раз.

[Затем] он свалился, как валится пьяный,
[Самообладание] ушло из рук, а письмо оставалось в руках.

Когда он снова пришел в чувство,
Он укрепил в своем сердце подпорки терпения.

69. СОДЕРЖАНИЕ ПИСЬМА ЛЕЙЛИ МЕДЖНУНУ

Когда он снял печать с письма,
[Увидел, что] начало его был обращено к Господу¹.

«Это письмо [начинаю] именем Государя,
Который создал жизнь и есть прибежище ума,

[Именем того, кто] мудрее всех мудрецов,
Знатока языка тех, у кого нет языка,

Творца белого и черного,
Кормильца [всех] птиц и рыб,

Освещающего небо звездами,
Украшающего землю людьми,

Извечно сущего своим величием,
Предвечно живого своей нетленностью,

Создателя души и отдавшего мир обладателям душ
[Разве можно дарить сокровище больше, чем это];

Он украсил светом разума душу
И осветил ими обоими мир».

Рассыпав много подобных перлов,
Затем она приступила к беседе о любви,

«Это письмо — весточка на шелке
От угнетенной горем к многострадальному,

То есть от меня, заключенной в крепости,
К тебе, о разломавший клетку!

О старый верный друг, как ты?
О мессия семи небес, как ты?

О хранитель сокровища дружбы,
Любовь получает свет от тебя!

О окрасивший своей кровью гору,
Скрывшийся, словно агат в камне².

О источник Хызра во мраке,
Мотылек утренней свечи,

О ты, наполнивший мир шумными волнениями,
О сделавший онагров друзьями своего уединения.

О мишень для ран из-за меня,
О мой спутник только в день воскресения³.

О беспощадный к своему телу,
О предавший огню урожай своей [жизни],

О вручивший свое сердце любви ко мне,
И ставший [из-за этого] предметом пересудов.

Я вручила свое сердце верности по отношению к тебе,
И ты [никогда] не выходил из покорности верности.

Как ты, каково тебе и как ты держишься?
Я с тобой, а ты кого любишь?

Подобно счастью, я разлучена с тобой,
Я твоя чета, хотя и одна без тебя.

Хотя тот, кто держит меня под замком, моя чета (супруг),
Он ни одной ночи не спал, положив голову рядом с моей

головой.

Я сама изнемогла, но жемчужина моя не тронута,
Ничей алмаз не касался ее.

Я — сокровищница жемчугов и дверь моя запечатана.
Подобно бутону садов с запечатанной головкой.

Муж, хотя и имеет всю пышность мужа,
Без твоего лика что может означать для меня его лицо!

Чеснок, хотя и имеет некоторое сходство с лилией,
Не может стать базиликом для рук⁴.

Желтый огурчик когда становится вялым,
По виду он становится, как цитрон.

Подобно цитрону, на вкус кисел,
Но по аромату ничем не напоминает цитрон.

Я мечтала иметь в мире этом [и после]
Такого согнездника как ты.

Но если [нам] с тобой вместе нельзя жить,
То в чем моя вина, я и так не живу.

Сердце, которое не желает твоего счастья,
Пусть лучше мучается по воле злого рока*.

Один волосок твой для меня — целый мир;
Колочка с твоей дороги — целый цветник роз.

О ты, кто обитает на голубых просторах и пола [твоя чиста
как] у Хызра,
Поладь со мной, словно воды Хызра⁵.

Я — луна, а ты — солнце по яркости,
Издали устремляю я свои взоры на тебя.

Излагать извинения за то, что не прихожу к тебе,
Как ты понимаешь, не стоит⁶.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

И того, кто с твоей дороги [испугавшись] умчится, словно
онагр,
Да привезут мертвым на осле в могилу!

И у того, у кого длань простерется за тобою, что бы
поранить тебя,
Да высохнет рука прежде всего!

Когда я узнала о кончине твоего отца,
Я разорвала саван на своем мертвом теле.

Я разбила себе лицо пощечинами,
Я думала, что это мой отец умер.

Подобно розе, я воткнула в глаза шипы
И, подобно фиалке, перекрасила свое платье в голубое⁷.

Вместе с тобой, как подобает твоему другу и близкому,
Я исполнила все условия оплакивания [твоего отца].

Кроме посещения тебя, на что я не осмелилась,
Я соблюла все необходимые условия [траура].

Хоть и разлучена я телесно с тобой,
Но душа моя неразлучна с тобой ни на миг.

Я знаю, какие муки терпит твое сердце,
Но кроме терпения нет средства на нашем пути.

Дня два в этой обители временной остановки
Нужно кое-как ладить со временем*.

Лучше умному закрыть глаза,
Чтобы скрыть слезы, над которыми враг будет смеяться.

Лучше мудрому не вспоминать
О своих горестях, которыми будет радоваться враг.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще пять бейтов:

Это жилище, которое приносит тебе воду и цвет,
Из-за своей тесноты и тебя стеснит.

Не будь ты длинноухим, как осел,
Узри краткость жизни и молчи.

Мало стони и умножь терпение,
Копи путевые запасы для другой дороги.

Терпи и держи все, что накопилось на сердце,
И мучительно прилагай к делу терпение.

Я заклеймлена той же пробой,
Но шагаю твердо.

Не гляди ты на то, что крестьянин бросает зерно,
Ты лучше гляди на то, как из этого зерна вырастает новое
зерно^{8*}.

Пальма, которая сейчас окутана шипами,
Завтра принесет свежие финики.

Бутоны, что скрыты [сегодня] в шипах, —
Предвестники расцветшей розы.

Не печалься, что у тебя нет друзей,
Разве я тебе не друг? Разве этого не достаточно для тебя?

Неразумно вопить из-за одиночества,
Ведь друг одиноких — Господь.

Не сгорай, словно молния, из-за кончины отца
Не утопай в слезах, словно туча.

Если ушел отец, — да останется [вечно] сын!
Если развалится рудник, — да останется жемчуг!»

* * *

*

Прочитал Меджнун письмо любимой
И расцвел словно роза, вырвавшаяся из бутона.

Он все твердил: «Господи! Господи!»
И долго [от радости] в себя не приходил.

А когда вернулась сила и он успокоился,
Он начал [тихо] считать часы слезами.

Не отпускал он вестника от того места,
Целовал ему то руки, то ноги.

«Нет у меня ни бумаги, ни пера, — сказал он, —
Как же я напишу ответ на письмо?»

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Будь доволен собой в том виде,
В котором ты есть в это время.

Хотя мир и крутится, не иди по его кругу,
Ибо колесо это крутится время от времени.

Вестник вытащил из кармана ларец,
Расторопный, словно сборщик налогов,

И все необходимые принадлежности письмоводителя
Вручил ему, как подобало.

Меджнун взял плавное перо
И начертал рисунки с тысячью тонкостей*.

Он нанизал на ожерелье слов
Свои извечные горести.

Закончив письмо, он сложил его
И передал его вестнику собственноручно.

Вестник взял письмо и ускакал, как ветер,
И как увозил письмо, так же вручил ответ.

Взглянула Лейли на письмо,
И побежали слезы, намочив письмо.

70. ОТВЕТ МЕДЖНУНА НА ПИСЬМО ЛЕЙЛИ

Благословенное письмо начиналось:
«Именем Государя, которому нет сотоварища¹,

Знатока скрытого и явного,
Кто создал жемчужину гранитного камня;

Властителя неба и его звезд,
Владыки Малой и Большой Медведицы²,

Создающего сердца с любовью,
Превращающего ночь в день с помощью света.

Утоляющего водой жажду цветущих весенних цветов,
Помощника нуждающихся».

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Он возбуждал кончик пера
И сыпал с него жемчужины, словно песок на раковину.

Затем он переходил к изложению речи,
[Исторгнутой] из горящего сердца, о своих невзгодах:

«Это письмо от меня, лишённого покоя,
Предназначается тебе, о источник покоя моего сердца.

Нет, нет, я ошибся, [это письмо] от [влюбленного] с кипящей
кровью

Тому кто, дешево продает его кровь,

То есть от меня, ключ [от счастья] которого еще находится
в камне,

Тебе, чье сокровище (счастье) находится в руках^{3*}.

Я — прах твой, невзирая на мою порчу,
А ты чья вода, ведь ты такая светлая вода?⁴

Я унижаюсь у твоих ног,
А ты, чей пояс трогаешь рукой (открываешь)?

Я собираю тайно твои горести,
А ты у кого утешаешь горести сердца?

Я ношу на своих плечах твою попону.
А ты носишь в ухе кривое кольцо⁵.

О, моя Ка'ба — краса твоего лица,
О, мой михраб — порог твоей обители,

О бальзам для ста тысяч грудей,
О жемчужина в вине и вино в хрустале⁶,

О корона, но не моей головы,
О похищенная, но не для моих объятий.

О сокровище, но в руках врагов,
[От этого сокровища друзьям досталась лишь змея],

О сад Ирема по недоступности,
О небесный рай по незримости,

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

О периликая, днем и ночью
Я безумствую по тебе в огне и воде.

О ключ от всех моих оков,
О бальзам моей больной страсти,

Не обломай эту палочку, то веточка алоэ из твоего леса,
Ибо ты можешь обломать о нее свою секиру.

Пожалей меня и не бей, ибо я прах твой,
Согрей меня, ибо я окутан пылью.

Если приласкаешь меня, я принесу тебе весну,
Если же нанесешь рану, я принесу тебе пыль.

Земля нуждается лишь в нежности,
Ибо нежность порождает розу, а жестокое обращение---пыль⁷.

Я бросаю свою голову к твоим ногам,
Но ты не отними голову жестоко*.

Если жалость исчезнет с [человеческой] дороги,
То все стыдливые станут бесстыжими.

Я прославился как твой раб,
Ты сделаешь меня врагом, если удалишь от себя.

Я таскаю на твоей дороге ношу рабства,
А ты соблюдай степенность госпожи⁸.

Перед тобой я бросаю свой щит наземь,
Но если ты бросишь меня, я стану мечом⁹.

Не разбивай камнем своего оружия,
Не сражайся против своего войска.

Когда ты ранишь свое тело,
Ты наносишь рану телу друга.

* В некоторых рукописях далее следуют еще три бейта:

Не доводи меня до того, чтобы я восстал против тебя
И пролил ту воду, которую таскаю.

Если собаке ты отдашь оружие волка,
То ты превратишь ее в спесивоглавого льва.

Не одаривай каждого нищего сокровищем,
Ибо, боюсь я, он может совершить мировую ошибку.

Ты делай так, чтобы мягкостью и лаской
И свободных обратить в рабство.

Лучше, чтобы купленный тобой на дирхемы
Не стал похищать с твоих глаз сурьму.

Всякий господин, у кого нет таких средств,
Не обладает властью над своими рабами.

А тот, кто обладает этим искусством в совершенстве,
Обладает множеством рабов, если даже он не покупал их.

Раз я твой раб с кольцом в ушах,
То и держи меня у себя в рабстве, не продавай*.

О уползшая в чужой округ,
Избравшая себе чету по своему желанию,

Не откупорив [бутыль] вина [присланную мной в знак]
привета,

Ты записала мое имя на доску из льда^{10**}.

Ты превратила мой день в черную ночь,
Нанесла мне рану, а теперь стонешь^{11***}

* Далее в некоторых рукописях следуют еще шесть бейтов:

Не воспаляй мозг острым огнем,
Не возбуждай огонь ни в чем мозгу.

В каждом теле заключен вопль,
В каждом Адамовом сыне что-то есть от дива.

Если див твой вырвется из земли,
Он может восстать против тебя.

Я таскаю колочки, ты будь грузчицей,
Я доволен тобою, ты тоже будь довольна.

До каких пор ты будешь ломать мне руки?
Почему же хоть один день не ласкаешь меня?

Ветер, который я подниму своими холодными стонами,
Может заполнить мозг воздуха пылью.

** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Твои слова для меня очень загадочны,
Они не только полностью пусты, но совсем ничего не значат.

*** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Я поручил свое сердце твоему гнету,
Ты же не наклонила голову к черте верности.

Ты отняла мое сердце, даже не дав вспомниться мне,
Если теперь отнимешь душу, ты даже не вспомнишь обо мне¹².

Ты не подарила моему саврасому [скакуну] ни одной подковы.
Но сотню подков подарила огню моей [любви] к тебе¹³.

Ты наносишь мне раны языком своим,
Я сгораю, а ты еще даже не начала кипеть¹⁴.

Но не каждый, кто обладает длинным языком,
Может отвести рану от своего тела.

Лилия из-за своего длинного языка
Становится жертвой лезвия и игры ножа¹⁵.

У друга, который любит меня,
На лице отражается [эта любовь].

То, что выпало от тебя [в этом отношении] на мою долю,
Покажи мне, где оно¹⁶.

Это заключается в том, что ты нарушила уговор [любви]
со мной,

И перешла на попечение к другому?

Ты ладишь со мной языком обманов,
А с ним у тебя желанная любовь.

Если ты влюблена, то где стоны о преданности?
Где твое согласное со мной дыхание?

Если в твоей любви нет постоянства,
То это не любовь, а султанство (власть).

Тебя не трогает то, что кто-то лишился сердца из-за тебя,
И есть покупатель тоски по тебе.

Я открываю свои взоры только в твою сторону,
Голову свою кладу на порог твоей обители,

На каждую из четырех сторон твоего дома
Я бросаю жребий и гадаю, откуда покажется твое лицо¹⁷.

Счастлив человек, который [свободно] видит твое лицо,
А не тот, кто подобно мне сидит [и ждет].

Счастлив не я, а тот богач,
Который имеет такую жемчужину, как ты.

Хотя сад славен соловьями,
Но инжир его достается вóронам.

Гранат питается во́дою сердца садовника,
Но бывает, что он становится леденцами (пищей) для
больных.

Издревле мир устроен так,
Что ты нуждаешься, а сокровище скрыто под землей.

О, когда же я увижу, что твои рубины цвета розы
Вырвались из тисков [того] камня?¹⁸

Когда же твоя луна, что дарует очам свет,
Удалится от пасти дракона?

Когда же пчела улетит, оставив мед?
Когда же уйдет стражник, оставив луну и паланкин?

Когда же откроется казна и из замка
Уберется владелец казны?*

Когда удалится с зеркала ржавчина?
Когда же умрет змея, оставив на месте сокровище?¹⁹

Когда же освободится госпожа, заключенная в крепость.
Когда же ее стражник свалится с башни крепости?

Хоть я и разлучен со светильником твоим,
Да не разлучится твой мотылек с твоим светом!²⁰

Хоть я и убит горем от твоих упреков,
Но пусть здравствует твой Ибн-Салам!²¹

О ты, все доброе и дурное в моем настроении от тебя,
От тебя и моя болезнь, от тебя и мое лекарство.

* Здесь в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Крестьянин жадный покинет сад,
Соловей займет место ворона?

В саду роза, собирающая лен,
Отрубит голову негру, собирающему финики?

Хотя твоя крепость и железная
И твоя свежая жемчужина сокрыта в раковине,

Хотя в запутанных цепях твоих локонов
Твое сокровище и находится под полой дракона,

Все же из-за обилия любви к тебе, как ты знаешь,
В сердце друзей пробирается подозрение.

Сотни [ревнивых] чувств одолевают меня,
Когда на тебя садится обычная муха.

Нет человека слепее влюбленного,
Которому ничтожная муха [от ревности] кажется огромным
коршуном.

Я, словно мурашка, не перестану метаться
До тех пор, пока не прогоню муху с сахара.

Но мое положение похоже на притчу о благородном юноше,
Который подсчитывал свой барыш, не имея капитала.

Горевал из-за несорванной розы,
Охранял некупленную жемчужину*.

О жасминоподобная, из-за любви к тебе
Состояние мое все ухудшается, уже позади треск сухих губ
и влажность глаз.

Я сейчас взволнованнее, чем ты видела,
Безумнее [более Меджнун], чем ты слышала.

Из-за тебя меня покинуло мое собственное «Я»,
По этому пути (пути любви) можно шествовать только
без «Я».

* Здесь в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Любовь не шуточная игра, да,
Но я не подхожу к ней и с таким расчетом²².

Я стону от горя по тебе, как не стонать мне?
Ведь не ведаешь о том, в каком я состоянии.

О мускуснокудрая, в тоске по тебе
Из-за обилия влаги губы мои растрескались от сухости.

Любовь, которой не отдается сердце, как у меня,
В храме любви не стоит ни гроша*.

Когда любовь твоя показывает мне свое лицо,
Если даже твое лицо отсутствует, я терплю²³.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще восемнадцать байтов:

Так как я не зарюсь на твои губы,
То поцелуй, которым ты одаришь меня, я запомню [навсегда].

Когда ты источаешь своими локонами амбру,
Или же раскрываешь пупок своего ароматного нрава,
Передай утреннему ветру кусочек своего благоухания
И этим благоуханием устрой мои дела.

Из сада твоего лика — да будет он всегда орошен! —
Хочу я финики, но во сне.

О покой моей души, от вина твоей чаши я
Тщетно мечтаю получить один глоток.

Господи, как прекрасно мугское вино,
Которое мне преподносит время ее рукой.

Ты сидишь со мной с чашей вина в руке,
А опьянел от твоего вина я.

С губ твоих и рук постоянно
То сорву поцелуй, то получу вино.

Если подобные рубиновые сочные губы
Имеются [в наличии], то как поведет себя влюбленный?

Если будешь вкушать мед,
Обретший агатовый вид, каково будет тебе?!

То я буду сосать нектар с твоих губ.
То я буду заключать тебя, словно свою душу, в объятия.

То стану гладить рукой твой подбородок,
То стану похищать сахар с твоих уст.

Все это, что я сказал, — побасенки,
Все это предлог, чтобы поговорить с тобой.

Ведь я далек от мыслей таких,
Я ревную за свидание с тобой даже самого себя.

Я заковал ноги вожделения в оковы,
Я счастлив и одной беседой с тобой.

Если я с тобой просижу [один на один] целую ночь,
От ревности [к самому себе] я даже не взгляну на тебя.

Так как любовь к тебе тверда во мне,
То какое дело мне до твоей внешности.

Муки твои для меня одна радость,
Моя любовь привязалась к твоему гнету.

Да будет твоя любовь соперницей моих тайных [чувств]!
Да будут раны [причиненные мне] тобою, утешителями

моими!

Хоть моя рана и недоступна для бальзама,
Но если ты здорова, нет печали»*.

71. МЕДЖНУНА НАВЕЩАЕТ ДЯДЯ СЕЛИМ АМИРИТ

Ювелир слов на золотую нитку речей
Так нанизал жемчужины:

Среди покупателей состояния Меджнуна
Был один старец, дядя Меджнуна¹.

Был благороден он, доблестен,
Был он возвышен и унижен [скромен]².

По имени он был Селим Амирит,
А по мудрости он был словно Самирит³.

Тот, кто был раной для всех, для него был словно бальзам.
И он [Селим] целые годы заботился о нем.

Каждый месяц относил ему
Еду, одежду и все необходимые вещи.

Однажды [опять] он сел на чистокровного [скакуна]
И отправился искать того одичавшего.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще четыре

бейта:

Если меня постиг недуг из-за разлуки,
Да будет разлука от тебя так же далека, как я.

Если изможденное тело моего осла свалилось с ног,
Да здравствует твой арабский скакун!

Если мои злосчастья скроются,
Да будет твое счастье вечным!

Да падет под твои ноги
Каждая голова, непокорная твоим помыслам!

Чистокровный мчался от пустыни к пустыне,
Мчался безумно, словно вихрь.

Наконец он нашел его в уголке какой-то горы,
Свободным от всяких людей.

Дичась людей и закрыв им дорогу к себе,
Он находился в окружении двух-трех диких зверей.

Как усталый путешественник и опасаясь зверей,
Он приветствовал [племянника] издали.

Услышав его приветствие, Меджнун
Спросил, кто он и как зовут его.

«Я — Селим Амирит, — ответил он, —
Раздробитель головы азартного игрока — времени.

Я — твой дядя, но лишен возможности видеть тебя,
И лицо твое недоступно взорам дяди,

Ибо твое лицо покрылось пеленой из черных пятен,
То есть ты стал словно абиссинец»⁴.

Узнал Меджнун его, и пригласил к себе,
И усадил его колено к колону с собой⁵.

Он расспрашивал его обо всем и всех
И успокоился на некоторое время в его обществе.

[Осмотрев] Селим нашел его совершенно голым —
Без мognлы и савана меж онаграми⁶.

Одежду, которая была в мешке,
[Селим] принес и начал упрашивать его с тысячью

извинений.

«Эта одежда благословенна, надень ее на себя,
И старайся поступить со мной благородно!»⁷

«Мое тело избегает одежды, — ответил он, —
Ибо оно — ладан, а она — огонь.

Ты считай, что я полюбовался ею,
Надел ее, а затем разорвал».

Долго [бился и] старался Селим,
И наконец он надел кое-как ту одежду.

[Тотчас] он принес еду [и положил] перед ним
Много халвы и сладкое печенье из рисовой муки.

Но сколько ни умолял его,
Тот не тронул ни одного кусочка на скатерти.

Он не нуждался в еде и пище,
Он брал [у дяди] и передавал зверям.

Спросил его Селим: «О горемыка,
Ты хоть ешь что-нибудь днем или ночью?»

Ведь человек живет благодаря пище,
Если ты человек, то чем же питаешься ты?»

«О ты, чье имя чистое—Селим, как мое сердце,—ответил он,—
И чей привет—источник моего здоровья.

От неприятия пищи тело мое завяло,
Способность [тела] принимать пищу умерла.

Мое естество порвало с едой,
И избавлен теперь я от забот*.

В трубку моего горла не вмещается хлеб,
И она страдает, если пытаюсь проглотить.

В этом истощенном виде, в каком я нахожусь,
Я легко обхожусь без еды.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще пять бейтов:

Ночами лежу я на камнях,
День мой стеснен и дневное пропитание мое стеснено.

Когда от голода я терзаюсь,
Начинаю сдирать с деревьев кожу.

Вот это моя пища, или же трава,
И то не в неделю, а в месяц один раз.

Если хочешь правду знать, пищей для [поддержания] сердца
Служит утренний ветерок.

Каждый ветерок, который приносит аромат возлюбленной,
Без сомнения, приносит мне [силу] для души.

Но я не упускаю из рук еду,
Ибо хотя и сам не ем, едоков у меня хватает.

Кусочек, который я даю оленю или льву,
Жуют они, а я уже сыт».

Селим убедился, что тот доблестный,
[Отказавшись] от хлеба, довольствуется травой.

Подлаживаясь к настроению этого травоеда,
Ласковым ответом пришел к нему на помощь:

«Да, соблазняясь яствами времени,
Много птиц попало в ловушку.

Того, кто больше жаждет яств,
Больше подстерегают бедствия и невзгоды времени.

Тот, кто, подобно тебе, довольствуется травой, —
Царь в своем мире».

72. РАССКАЗ

«Однажды один из именитых государей
Гулял по обычаю царей.

Проезжал он мимо жилища одного отшельника,
Который ведал о тайнах того мира,

Царь удивился, что человек может
Избрать пристанищем своим такие развалины.

Спросил шах у своих приближенных:
«Почему этот человек живет здесь на перепутье?

Чем питается, на чем спит?
Каков сан у него, сам он кто?»

Ему ответили: «Он знаменитый отшельник,
Разлучился он с едой и чурается пищи.

Он удалился от людей мира
И довольствуется такой горькой [жизнью]».

Прочитав лист его праведности, шах
Со своим личным хаджибом поскакал к нему¹.

Хаджиб с дороги направился к отшельнику,
Чтобы привести его к услугам шаха:

«О ты, порвавший связи с миром,
Довольствующийся такими развалинами,

Нет у тебя близкого, как ты обходишься тут?
Нет у тебя пищи, чем же ты питаешься в этой пещере?»

Взяв горсточку толченой травы,
Собранной с пастбища газелей, отшельник

Показал ему и сказал: «Вот моя пища,
Вот мои путевые припасы, вот мой иноходец».

Хаджиб из высокомерия царских [слуг]
Сказал ему: «Почему ты мучаешь себя таким бедствием?

Если ты пойдешь на службу к нашему шаху,
То избавишься от этих трав».

Отшельник ответил: «К чему эти слова?
Это не трава, а медовые цветы.

Если бы ты постиг гайну этой травы,
То отказался бы от службы у шаха».

Услышав такие слова, шах
Взволновался и соскочил с коня.

Он угодливо припал к ногам отшельника,
Он возносил молитвы за него и целовал его.

Теперь довольный малым всегда взлелеян,
Царство довольного малым вот таково».

Меджнун от удовольствия, доставленного этой сказкой,
Вскочил на ноги и сел радостный.

С любовью он вспоминал друзей некоторое время,
Расспрашивал о делах каждого из них.

Но затем снова начал плакать
И спрашивать о состоянии матери.

«Как живет та птица со сломанными крыльями?
Как ее дела, каково ее состояние?»

Хоть и черно мое лицо перед ней,
Все же я ее черный индийский [служка].

Болеет она телесно или здорова?
Я жажду видеть ее благородный лик».

Увидев, что этот [горемыка] с израненным сердцем
Любит мать и стремится к ней, Селим

Не оставил жемчужину без рудника
Привез из дому мать его к нему.

73. СВИДАНИЕ МЕДЖНУНА С МАТЕРЬЮ

Когда мать издали увидела сына,
Она словно увидела разбитый алмаз своего сердца.

Она увидела, что ее красная роза поблекла,
Что ее зеркало потускнело*.

[Увидев его в таком виде] она стала разбитой всем телом,
От жалости к нему ее ноги и руки онемели.

Она то омывала его лицо своими слезами,
То расчесывала гребешком его спутавшиеся кудри.

С ног до головы она погладила его с любовью,
Рыдая над каждой раной на его теле.

Она щупала каждый уголок его тела,
То очищала болячки, то перевязывала его раны,

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

И прямой как «алиф» стан Меджнуна
Согнулся от груза любви словно «нун».

То мыла ему голову, покрытую пылью,
То вытаскивала из больных его ног занозы.

Обласкав его с любовью
И осыпав известной всем нежностью,

Она сказала: «О сын мой, что за тюркские набеги
[творишь ты]?»

Жизнь это — не [площадка] для любовных игр.

Смертный час мчится [к нам] с двумя мечами в руках,
А ты предаешься в такое время хмелю.

Ушел отец, охваченный жалобами [печалью],
И считай, что я тоже скоро уйду.

Вставай и пойдя в свой дом,
Не разрушай ты своего гнезда.

Все, и птицы и звери,
Удаляются от своих гнезд лишь до вечера.

Когда же ночь возвращается в свое лоно,
Каждая птица уходит в свое гнездо.

До каких пор ты будешь скрываться от людей?
До каких пор ты будешь не отдыхать, не спать?

Пока есть жизнь, два-три дня
Спи ты спокойно в своей постели.

Сколько же ты будешь бродить по пещерам,
Наступая ногой то на голову мурашек, то на хвост змеи?

Представь себе, что тебя случайно укусит змея
И мурашки будут угощаться [твоим трупом]!

У тебя ведь душа, а не щепень, успокойся!
Не сражайся так с душой, успокойся.

Не терзай свою душу и сердце,
Ибо сердце у тебя не каменное, а душа — не железная».

От причитаний матери Меджнун
Вспыхнул, словно пламя огня.

Он молвил: «О ты, чей приход словно венец для моей головы
Жемчужина моего [бытия]—источник мучений твоей
раковины!*,

Хоть мой ум и непутевый,
Но ты знаешь, что я не виноват.

Мои дела сложились так плохо
Не по моей вине, а сами по себе.

Ведь наши старания не приведут ни к чему,
Ибо то, что случилось, должно было случиться.

Такая любовь, сопряженная со страданиями и горестью,
Знаешь ведь ты, ниспосылается не по воле [людей].

Ты стремишься освободить птицу моей души
Из этой клетки

И снова заключить в другую клетку,
Сделав пленником уже двух клеток.

Нет, не старайся отвести меня домой,
Ибо я боюсь умереть от тоски дома**.

Ты считай, что я — расстроенный [словно саз],
Вернулся домой, но снова ушел.

Ты сказала, что человеку необходим дом,
Но фигуры нарда моего не задерживаются в своих домиках².

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Я — выжимки твоего зерна,
Прах твоих ног в раю,
Наши старания разве принесут пользу,
Если это предначертанное дело должно было случиться?
Это дело происходило со мной тысячу раз,
На этот раз этому делу ничем не помочь.

** В некоторых рукописях далее следуют еще два бейта:

Слагать песни в обществе зверей для меня
Лучше, чем [сидеть] с горькой миной дома.
Лучше мне быть живым и блуждать по пустыням,
Чем быть дома и умирать там.

Оставь ты меня с моими горестями,
Я убит горем, а ты вернись обратно».

Сказав это, он словно тень припал к ее ногам
И начал целовать ноги матери.

Не сумев уважить ее просьбу,
Он целовал, прося прощения, прах ее ног.

Попрощался он с ней и помчался в пустыню,
Мать плакала [долго] и возвратилась домой.

Подобно отцу его, она простилась с миром
И с помыслами о нем скончалась*.

Время — нарушитель уговоров [в верности].
Оно, подобно землепашцам, сеет зерно.

Посеет два-три зерна вначале
И косит, как только созреет посеянное.

Каждую ночь оно зажигает один светильник,
Клеймя его сердце жарким дымом.

Когда же наступает утро, оно дунет ветром на него,
И убивает светильник так же, как породило его.

Круговорот — талисман, клеймящий [нас] огнем,
С нами ведет ту же самую игру, что со светильником³.

До тех пор пока [наши] ноги находятся в узах судьбы,
Куда бы ты ни направлялся, место твое в узах.

Лишь тогда раскрываются эти узы,
Когда ты сходишь с четырех коней⁴.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Ежедневно мир занят похищением душ.
Где справедливость, что это за вероломство?

Мир, который не обладает верностью,
Как будто ни с кем не дружит.

Подобно нити души освободись от уз,
И подобно нити жара не создавай узлы⁵.

Если алоэ завязывает узлы,
Ты будь подобен [мускусному] пупку и развязывай узлы⁶.

74. МЕДЖНУН УЗНАЕТ О КОНЧИНЕ МАТЕРИ

Когда царственный всадник круговорота
Отвоевал ристалище у своих соперников,

Солнце, опасаясь обитателей горизонта,
Поставило свои бутылки вина на свод¹.

Утро совершило стремительный набег
И, разбив бутылки, вылило вино²,

Меджнун, по-прежнему читая свои касыды,
Бил в барабан странствия по просторам [пустыни].

Он мчался из одной пустыни в другую
И пел касыды одну за другой.

Не ведал он ничего о матери своей,
О том, что наступил смертный час и похитил ее из меду.

Снова ласковый Селим
Поехал к одинокому горемыке.

Он накормил его и прикрыл одеждой
И запричитал, как положено в трауре:

«Многострадальная старуха —
Да будет это далеко от тебя! — сомкнула глаза.

Она убрала свои пожитки из этой обители
И, подобно отцу, умерла с думами о тебе».

Узнав об уходе своей матери, Меджнун
От горечи [утраты] начал колотить руками по голове.

Он зарыдал, словно чанг утром,
И упал [наземь], словно стекло на камень.

Поминая отца и мать,
Он отправился к их могиле с воплями.

Над могилой их обоих он горько плакал,
Глядя лицом их священный прах.

Он терся лицом то о могилу отца, то матери,
Но какая польза от лекарства после смерти!

Родственники, услышав его крики,
Один за другим прибежали из племени к нему.

Увидели, что он, изможденный,
Лежит в жалком состоянии у могилы.

Проливая кровавые слезы,
Они припали к ногам павшего.

От жалости к его изможденному виду все глаза
Начали орошать его розовой водой.

Когда вернулся рассудок к тому чуравшемуся рассудка,
Они долго приветствовали его,

Постарались увести его обратно [домой],
Чтобы восстановить его союз с родным краем.

Исторгнув из [глубин души] вопли, он направился в горы,
Утащив свои пожитки от той толпы³.

Бродил он по горам и равнинам,
Сердце его было наполнено печенью, а печень — кровью⁴.

Кучка зверей брела за ним,
Не был он никому другом и никто не был ему другом.

Он бросил [на другой берег] свой коврик из этой обители,
Ибо не видел он в ней ничего хорошего.

Он подобно молнии с ногой на дороге,
Не питал надежды никакой на жизнь эту, похожую на тучу⁵.

Эту жизнь, основой которой является гибель,
Считай ты секундой, если даже она продолжится тысячу лет.

Если жизнь имеет печать (признак) смерти,
Кто же может надеяться на вечную радость?⁶

О беспечный (не думающий) о том, что смерть неизбежна,
И не ведающий о том, что расставание с душой неизбежно.

До каких же пор ты будешь гордиться собой
И [думать], что твоя смерть далека?⁷

Разве ты по своему слабому разумению
Взвесил себя, до какого срока ты протянешь?

Каждая частица, что находится в порах земных,
Имеет свою ширину и длину.

Но по сравнению с горой Каф
Она подобна пустому «алифу»⁸.

Взгляни на себя, что ты за лист или ветка
На таком просторном посеве [поле]?

С начала до конца осмотри себя, до каких пор
Будет над твоей головой такое высокое небо.

Если ты взвесишь свой жизненный срок,
То увидишь, что он ничтожен по сравнению со [сроком]
жизни вселенной.

[Допустим, что] мы согласны с твоим воображением
Или тем, что твои тела имеют большую ширину и длину.

Но твоя ширина и длина
По сравнению со сводом [небесным] ничтожны.

Если ты перешагнешь за пределы своего ничтожного размера,
То не станешь думать о том, что ты есть⁹.

Садись на землю и не дуйся ветром (не гордись),
И скрой свой позор [ничтожества] под землей.

Ты до сих пор не постиг вкуса того,
[Как прекрасно] освободиться от нужды в людях*.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Ты имеешь несколько ржавых шильев,
И то собранных как милостыня,

А от радости обладания этими металлическими опилками
Ты кричишь: «Я властелин мира».

До тех пор, пока ты будешь нуждаться в себе подобном,
Твое благополучие будет сопровождаться страданиями.

Лишь тогда ты возвысишься до величия,
Когда освободишься от [зависимости перед] нуждой.

Берегись, чтобы не стать собакой другого ради хлеба
И не превратиться в кошку чужой скатерти.

Подобно факелу, ты питайся трудом [плодом труда]
собственных рук,
Подобно свече, всегда питайся своим сокровищем,

Чтобы мир-царь стал твоим рабом,
Как он стал рабом Низами¹⁰.

75. ЛЕЙЛИ ПРИГЛАШАЕТ МЕДЖМУНА

Лейли, то есть кукла в узилище,
Госпожа крепости, но в паланкине¹,

От дыхания друга стала словно змеиный хвост,
То есть пленницей тысячи горестей.

Она расстроилась хуже, чем дела любимого,
Дверь ее закрылась плотнее, чем счета его дела².

Она запуталась в узлах своих цепей,
Стала узницей привязанности без оков³.

Муж ее целыми днями охранял ее,
Вокруг жемчужины он растрчивал свой алмаз⁴,

Чтобы она не могла убежать как-то ночью, словно пьяная,
В обитель идолопоклонника⁵.

Он старался целыми днями
Лаской и любезностью угодить ей.

Лейли с равнодушным лицом
Холодно глядела в его сторону⁶.

Но однажды, когда сахар остался без мухи,
Ночь была, словно негр, а комната без стражника,

Лейли вышла из дому
И занялась [поисками] друга, не заботясь о муже.

Она села, расстроенная, на перекрестке дорог
Далеко от дорог врагов на целый фарсанг⁷.

Она искала какого-нибудь путника,
Который бы мог быть осведомлен о ее друге.

Вдруг явился старец,
Который не был медлителен в оказании помощи.

По нраву он был, как странник Хызр,
Проводник и искатель пути [для помощи].

Закрепощенная кукла обратилась к нему:
«Что ты ведаешь о делах небосвода?»

Тот сообщник зверей и чурающийся [людей]
Кого вспоминает своим острым языком?»

Старец любезно ответил: «О луна,
Тот Юсуф без тебя остается в колодце.

То море еще не успокоилось от бури,
Та луна разлучилась со своим небом.

Он кричит, словно глашатай,
И бродит по оазисам.

На каждом шагу зовет: «Лейли!»,
В каждой местности ищет Лейли.

Он не ведает о своем добром и дурном [состоянии],
Он шествует по дорогам только ночью»⁸.

Когда она узнала о таком состоянии [любимого], у Лейли
Кипарисовый стан от рыданий стал тростником.

Со сводов ее двух нарциссов
Капали агаты на ланиты ее жасмина:

«Я и есть тот обжигающий сердце друг, — воскликнула она, —
Из-за которого день его дошел до такого дня.

Я никогда не разлучаюсь с горем,
Но в горе этом между нами есть разница.

Он шествует по дорогам горных вершин,
А я стону на дне колодца».

[Затем] она сняла с уха несколько жемчугов,
Поцеловала их и положила перед старцем.

«Возьми это, — сказала она, — и вернись обратно
И несколько дыханий дыши вместе с ним⁹.

Приведи его ко мне из дальних дорог,
Чтобы я могла взглянуть на тот светоч.

И когда приведешь его с дороги,
Усади его в таком-то месте.

[Затем] приходи ко мне, чтобы я пошла
И тайно взглянула на него,

Увидела его, в каком он состоянии¹⁰
И каков его вес на весах верности [любви],

И быть может, он из сложенных им [стихов]
Прочтет мне два-три двестишния,

Чтобы узлы этой несчастной
Распутались от чтения его стихов».

Старец вложил в пояс те просверленные жемчуга
И покинул ее, жемчужина которой не была просверлена¹¹.

Один комплект неношенной одежды
Отвез он тому горемычке, чья одежда была разорвана¹².

Он мчался, словно ветер, от одной горы к другой,
То по развалинам, то по благоустроенным местам.

Дня два или три искал он его в том краю,
Но следов его не мог отыскать.

Наконец, он нашел его у подножия какой-то горы,
Лежавшего печально на земле.

Вокруг него несколько зверей
Охраняли его, словно сокровище.

Увидев старца еще издали, Меджнун
Устремился к нему, словно ребенок к молоку.

Он гневно закричал на зверей,
Чтобы не трогали его.

Когда хищники удалились от него,
Старец подошел и поблагодарил его.

Сначала он склонил голову перед ним к земле,
А затем постучался в дверь прощения и славословия.

Он сказал: «О ты, благодаря которому царство любви [прочно]
стоит на ногах,
Пока существует любовь, здравствуй и ты!»*

Лейли, которая является красой мира,
И в любви к тебе тверда, пока у нее есть душа**.

Уже давно не видела твоего лица
И не слышала ни одного слова из твоих уст.

Она стремится взглянуть на тебя хоть один миг
И посидеть с тобой вдвоем [с глазу на глаз].

И ты обрадуешься ее лику
И от уз разлуки освободишься.

Прочитаешь ей две волнующие газели
И оживишь опустевший рынок [любви].

Там есть прекрасная пальмовая роща, приятного цвета,
Деревья которой слились друг с другом, словно в лесу.

Вершины их поднялись до небес,
А под ними всюду зеленый ковер.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:
Испей из источника солнца, как Хызр!
И исходи весь свет, как Искандер!

** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:
Она спрашивает о тебе и приветствует тебя,
Молится за тебя и желает полного благополучия.

Место встречи с весной твоей там,
Там ключ от всех твоих дел, там!»

Затем одежду, которая была в узле,
С клятвами и мольбами надел на него.

Меджнун опоясался кушаком согласия,
Оставив препирательства и непокорность.

Он последовал за ним и спешил,
Словно жаждущий нашел живую воду.

Как может убежать жаждущий от Евфрата?
Как может ветер бороться с амброй?

За ним шествовали войска верных зверей,
Словно за шахом его верные войска.

В [сопровождении] покорной судьбы и послушного счастья
Он прибыл в условленное место.

Сел он под условленной пальмой,
На видном месте, далеко от зверей.

Старец пошел и о том, что сделал,
Поведал идолу, заключенному в шатер.

Периликий идол, сидевший в шатре,
Подобно пери, улетел из жилища.

Она остановилась в десяти шагах от любимого,
Чтобы успокоиться, но лишилась покоя.

Она шепнула старцу: «О муж благородный,
Больше я не могу двигаться.

Так ярко горит мой светоч,
Что если подойду ближе, сгорю я*.

Еще один шаг вперед, и наступит гибель,
И в вере любви это ошибка¹³.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Он мне все-таки муж, хотя и уснул,
Это положение не сокрыто от Господа.

Хотя и я не отдала сердце мужу,
Все же я не такая негодяйка.

Лучше, чтобы книга моих деяний

Осталась не запятнанной ошибочными письменами,

Дабы когда я предстану перед судом [на том свете],
Я не стыдилась своих деяний.

И ему, кто является совершеннейшим влюбленным,
Запретно быть ближе, чем сейчас, к цели [своих страстей].

Попроси его, чтобы он своими сахарными устами
Удостоил нас несколькими строками [своих стихов].

Пусть он почитаёт стихи, а я послушаю,
Пусть он поднесет вино, а я выпью!

Старец ушел от той свежей весны
И подошел к другой весне.

Он увидел, что [Меджнун] лежит ничком,
Потеряв покой, лишившись рассудка.

Он вздохами сожалений дунул на него,
И водою слез обрызгал его.

Когда разум возвратился в его мозг,
Он сел со старцем, приятно обращаясь с ним*.

И начал он громко петь
Эти несколько двустиший:

* Далее в некоторых рукописях следуют еще восемь бейтов:

«Скажи ты, какая [великолепная] весна была эта,
Что принесла нам благоухание амбры?»

Этот аромат — не аромат новой весны,
А благоухание локонов нашего кумира.

Аромат этот великолепен, прекрасен и восхитителен,
Да станет мое сердце жертвой этого аромата».

Старец, чтобы испытать влюбленного,
Сказал: «Твоя разлука с ней — ошибка!

Хочешь, чтобы она пришла сюда без приглашения
И бросилась в твои объятия разукрашенной?»

Не видя ее, тебе так [тяжко].

Каково же будет тебе, если придется повидаться с ней?»

«О муж с благородным сердцем, — воскликнул он, —
Не приближайся к таким разговорам.

Я опьянен ароматом вина,
А аромат вина невозможно брать руками».

«О, где ты, а где мы!
Ты чья? Мы же твои!

Мы и песнь о страданиях,
Слава Аллаху, если ты вошла в наше общество.

Мы покупаем разорение и продаем душу,
Разорвав мех, носим дерюгу.

Свободны мы от рабства времени,
Горе наслаждается нами, а мы блаженны горем.

Сердце жаждет, а мы тонем в воде.
Мы летучая мышь, дружащая с солнцем.

Мы заблудились, а кичимся путеводством,
Не находясь в деревне, болтаем о том, что мы — староста
деревни.

Деревня изгнала нас, но мы еще именуемся старостой ее,
Подобно луне, мы полны только половиной¹.

Мы показываем фокус с шаром без шара и глаз²,
Без ног и без стремян мы скачем на коне³.

Мы не ступаем по своей стезе без тоски по тебе,
Мы горюем по тебе, и потому нет у нас горя.

Если мы нерасторопны в мире этом,
То на пути к отъезду [из него] весьма проворны.

Ты говоришь мне: «Умри в тоске по мне, рыдая!»
Я как раз из-за тоски по тебе в таком состоянии.

Если хочешь, то хоть сейчас ударь
Колотушкой в барабан моего отъезда [ибо я готов].

Лишь волк боится метели
И потому носит войлок и мех.

Не говори мне «Доброй ночи», ибо непривлекательна
Без тебя наша ночь, и потому не будет доброй.

Что за манера уходить, не успев прийти?
Что за тайна пожинать, не успев посеять?*

Но твой приход не может ладить с моей душой,
То есть две души не могут поладить меж собой [в одном теле].

Пока душа моя не покинет своей обители,
Ты не сможешь преодолеть этот предлог⁴.

Душу, нагруженную тысячью бремен,
Освободи от ее обязанностей.

Принеси в мою обитель душу лучше моей,
И предприми шаг лучше прежнего ради [моего] дела⁵.

Душа, которая не живет ради твоих губ,
Лучше пусть вылетит через мои губы, она мне не нужна.

А душа, сокровищем которой являются твои губы,
Обладает сокровищем вечной жизни.

Много людей — твои рабы,
Но никто, кроме меня, не прославился своей покорностью.

До тех пор, пока я буду знать, что ты есть,
Я буду покоен, здоров и радостен.

Но если сердце мое забудет тебя,
То пусть это сердце станет таким, какого можно пожелать
твоему врагу.

После этого я — ты, ты — я после этого,
Одного сердца для наших двух тел довольно.

Для такого сердца годится только твое сердце,
Ибо мое сердце [для этого дела] сердце разрушенное.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

О любимая, чудесная во всех делах,
О искусная, чей возлюбленный тоже искусен.
Искусный человек, который сжимает [свою] глотку (молчит).
Он делает малым врага.

Человек, который не боится за свою кровь,
Не станет бояться убивать и доброе, и дурное.

Ты — утреннее солнце, и нельзя с тобой жить
Не имея двухсот душ при одном сердце.

Я наняжу тебя на свою нитку, ибо она у нас одна,
Чтобы ты и я стали двуедины.

Когда наша чеканка станет единой,
Изображение двойственности станет единым.

Миндаль, у которого прекрасная чеканка,
Имеет два ядра в одном теле.

Я с тобой, а все, что осталось от моего «я», —
Обувь, упавшая с ног,

Все, что принадлежит моему «я», — с тобой, о светоч,
И я далек от всего того, что далеко от тебя.

Что такое тело, чтобы в таком его состоянии
Чеканка его была на твоё имя?

Голова [моя] недостойна горестей твоих,
И не заслуживает [чести] быть под твоим знаменем.

Душа моя — листок, тонкий посредине,
И то она не со мной, а с тобой.

Твоя улица собакосердая и собаколика,
А я прах ног собак твоей улицы.

Я стремлюсь быть твоим псарем,
И потому я стараюсь сидеть в обществе твоих собак.

Но есть звери, следующие за мной,
Это — собаки с острыми когтями⁶.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще пять бейтов:

О рожденная пери, хотя ты по сравнению со мной
Более свободна, даже больше, чем свободный кипарис,

Я без приюта, без поддержки,
И твой раб, подобный праху.

Ветер, который приходит с твоей улицы,
Дарует мне душу и счищает ржавчину с сердца.

Я обретаю от того [ветра] оживление души,
Словно зачехшая мумия.

Я разорен, а ты богата,
Я пустой, а у тебя родинка.

Ты весь год в обществе золота и дирхемов,
Твои родинки — дирхемы, а золото — кольца на ногах.

Увидев твои дирхемоподобные родинки,
Я купил твои кольца на ногах за дирхемы⁷.

Тучи льют слезы ради новой весны,
А Меджнун льет слезы ради тебя.

Небесный круг берет свою красу от лика луны,
А Меджнуну твой лик служит добрым знаменем.

Черные индусы — твои стражники,
Меджнун подобен им при тебе⁸.

Соловей от страсти к розе суетится, летая,
А Меджнун в разлуке с тобой погружается в горе.

Люди роют рудники в поисках рубинов,
А Меджнун роет свою душу из-за тебя.

Господи, какой прекрасный случай был бы,
Если бы ты горела желанием [повидать меня]!

Была бы лунная ночь, светлая, словно лучезарный день,
Я и ты вдвоем гуляли бы в саду роз.

Я сидел бы с тобой ушко в ушко.
И ты со мной чокалась бы чашей о чашу.

Прижал бы я тебя к сердцу, словно чанг,
И скрыл бы тебя, словно рубин в камне.

Опьянел бы от хмельных нарциссов твоих,
И во хмелю погладил бы твои гиацинты.

Раскрутил бы завитки твоих кудрей
И натянул бы лук твоих бровей до твоих ушек.

Сел бы у твоих гранатов
И взял бы яблоко твоего подбородка в руки.

То гладил бы твой гранат, словно яблоко,
То жевал бы твое яблоко, словно гранат.

То распускал бы твои локоны на твои плечи,
То вынимал бы кольцо из уха твоего.

То омывал бы [слезами] полу твоего нежного платья,
То слагал бы экспромтом стихи в честь твоих фиников⁹.

То сажал бы вокруг твоих роз фиалки,
То извлекал бы из твоих фиалок розы.

То заключал бы тебя в свои объятия,
То излагал бы повесть о своих горестях*.

Любимая, иди ко мне, ибо сама жизнь друг [нам].
Дело как раз будет ко времени, ибо время для дела¹⁰.

Не показывай свой источник издалека, словно солнце,
Не обманывай меня издали, словно мираж¹¹.

О душа моя, от жажды твоей красоты
Я стал зернышком словно твоя родинка, о душа моя!^{**}

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Господи, как прекрасно было бы,
Если бы случилось на деле все это!

Я пел бы такие приятные песни [о мечтах],
Если бы поток [слез] не свалил меня с ног.

Не держи меня столько в таком возбужденном [безумном]
состоянии,
Не держи меня столько в разбитом состоянии.

** Далее в некоторых рукописях следуют еще девять бейтов:

Ты не зовешь меня туда, где ты находишься,
А знаешь ли, как прекрасно здесь?!

Не стыжусь себя, не боюсь врагов,
И вокруг нас никому до нас нет дела.

Встанешь ли ты, сядешь ли ты,
Ты нисколько не стесняешь себя [условностями].

Видишь ты вокруг себя двух-трех безъязыких и молчаливых,
Забыв о хорошем и дурном.

Хотя бродяга и находится на дне глубокого колодца,
Все же он блажен тем, что находится под сенью уединения.

Хотя кто-нибудь из великих [мира сего] и не будет тебе
поддержкой,
То по крайней мере никто не станет связывать твои ноги.

Хотя и не будет у тебя друзей,
Зато не будет и врагов за тобой.

Что ты делаешь здесь, ведь это опасно для души,
Неблагородный чужак ведь в наличии.

Лучше уходи отсюда весело и радостно,
Ибо лишь там находится безопасная крепость благоденствия.

Ты не даришь мне ни одного зернышка в этом деле,
Но зато проливаешь кровь моего сердца харварами.

Я и без тебя умею глотать горе,
А с тобой и вино смогу пить*.

На пиру твоём у вина благословенная примета,
Это значит, что в раю вино позволено пить»^{12**}.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

О ты, в которой скрыт источник Хызра.
Из этого источника пошли мне живой воды.

** Здесь в некоторых рукописях имеются еще
пятнадцать бейтов:

Разве ты забыла поговорку о том,
Что заяц, сколько бы ни бежал, остановится.

Поддай вища, ибо я без дневного пропитания
Вот уже сколько дней питаюсь кровавыми слезами.

Хотя я, чье обоняние на ладонях,
И пьянею не от вина, а от его запаха,

Виночерпий, я готов испить из твоих рук целое море
И не оставлю даже полкапли.

Но разве может вино лишить меня памяти, когда я думаю о тебе,

Если даже я выпью яд ради тебя, мне будет приятно.

Я опьянею от тебя, а ты будешь вкушать плоды желаний? —
[Нет], ты тоже хмеля ради подними чашу.

Вино можно пить только утром.
И это утреннее вино нельзя пить за завесой.

Султан, который ищет престол сада,
[Разве] он ищет сокровище с помощью света светлячков?

Лишь вор, утруждая себя,
В темноте ищет сокровище.

Каждый дом без светильника
[Настоящая] темница, если даже он сад.

Перед твоими горестями мое сердце беспомощно,
Не могу я шевелить руками, ибо руки в крови.

Что может быть для меня приятнее, чем быть хмельным,
Коснуться пальцами твоих локонов,

Взять тебя спокойно за твои локоны
И повести тебя пьяным на базар,

На каждом шагу опохмеляться
И от каждого пинка получать благодать.

Господи, ниспосли на мою долю такой день
С моим сжигающим [своей красотой] мир идолом!

Сказав это, он помчался в пустыню,
Сердце кровью обливалось, а мозг желчью¹³.

А стройный кипарис с того луга
Направился, пасмурный, к палатке.

77. САЛАМ БАГДАДСКИЙ ЗНАКОМИТСЯ С МЕДЖНУНОМ

Знаток слов повествует так,
Что среди благодетельных [жителей] Багдада

Был влюбленный юноша, красивый,
У которого [на лице] не было ни одного волоска.

Был он испытан потоками [любовных] горестей,
И вкусил удары влюбленности.

Он был отравлен любовью и страдал,
Пребывал в тоске и общался с печалью.

Мирное имя его было Салам,
Ибо счастье здоровалось с ним.

В мире любви он был проворным,
Увлекался чтением любовных стихов.

Когда среди повестей, нанизанных из жемчугов,
Повесть о Кейсе прославилась в мире,

Во всех краях начали читать газели,
Порожденные его чистым даром.

Каждый, кто был разбит любовным горем, прочитав его стихи,
Направлял стопы своего верблюда к нему.

Когда от города до города, вплоть до Багдада,
Дошла слава о его любви,

Изысканные [юноши] со своими друзьями
Прослушали его волшебные песни,

Салам решил отправиться из своего края
И приветствовать того пленника страсти.

Он нагрузил проворно свои вещи на быстроходного верблюда
И отпустил повод верблюда прямо.

В понсках того одинокого горемыки
Он скакал по пустыне много фарсангов.

По приметам его и с помощью расспросов о нем, он нашел его
место.
Он лежал [на земле], обнаженный с головы до ног.

Вокруг него группа зверей
Стояла кольцом, словно обручем¹.

От страсти и тоски по любимой
Он словно образовал из круга [зверей] кольцо рабства².

Заметив, что с дальней дороги
Собирается подъехать к нему благородный этот юноша,

Он громко приказал страшным хищникам,
Чтобы они вложили свои мечи в ножны.

Увидев, что он встал [ради него], Салам
Чистосердечно приветствовал его.

Меджнуну понравилось его [приятное] приветствие,
И потому он приблизился к нему вплотную.

Он почтительно ответил на его приветствие
И спросил его, откуда он пожаловал.

«О мишень моей цели, — ответил Салам, —
И причина моего странствия,

Я приехал к тебе из Багдада,
Чтобы осчастливиться благословенным лицезрением.

Я пустился в путь на чужбину,
Погому, что слушал твои чудесные стихи.

И Господь ниспослал мне счастье
Увидеть твое освещающее мир лицо*.

После этого я [буду служить тебе], целуя прах твоих ног,
И буду беспрекословно повиноваться твоей воле и власти.

Я не стану дышать без общества твоего дыхания
И на твоей службе буду считать свое дыхание³.

Каждое стихотворение, которое ты будешь слагать,
Всю душой запечатлею в памяти.

Я запомню столько твоих слов,
Что душа переполнится ими.

Если я окажусь слишком надоедливым, не обращай на меня
внимания,
Ты познакомь меня лишь с твоей душой⁴.

Разреши мне слушать твои песни
И считай меня одним из этих зверей.

То, что такой юноша, как я, станет твоим рабом,
Знаю я, не причинит тебе никакого вреда.

Я тоже ведь тер камень любви,
Я тоже был влюблен и терпел унижения».

78. ОТВЕТ МЕДЖНУНА САЛАМУ БАГДАДСКОМУ

Меджнун, словно дуга на его лице,
Улыбнулся и ответил ему:¹

«О господин благородный, взлелеянный в негах,
Дорога эта полна опасностей, лучше возвращайся.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Я нежился в покое в своем городе,
Не познав, естественно, что такое путешествие.

Остаток своей жизни, если я смогу,
Не проведу ни с кем, кроме тебя, если [вообще] останусь жив.

Ты не мой человек, хотя и мужчина,
Ибо ты не испытал и сотой доли горестей, которые испытал я.

Я не могу ужиться ни с кем, кроме зверей и хищников.
Я не могу терпеть не только тебя, но и самого себя.

Если я не могу ужиться со своим нравом,
То как же я уживусь с твоим нравом?

Какую же пользу ты извлечешь от общения со мной,
Ведь даже див избегает меня и моего общества*.

Я — зверь, а ты ищешь человека,
Ты ищи того, кто из рода твоего (людского).

Если даже ты будешь стоек как железо,
Все равно сгниешь от моих стонов.

Если даже ты будешь как вода, утешающая душу,
Все равно ни одной ночи не поладишь с моим огнем**.

Ты не уместись со мной в одну оболочку,
Ибо я — самоубийца, а ты — себялюбив.

Оставь ты меня в этих развалинах,
Ибо не найдешь со мной взаимопонимания².

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Я хочу с [помощью] этих нескольких хищников
Сорвать узы своих оков.

А ты явился, чтобы в этой ловушке
Вбить в мое тело еще один гвоздь.

Каждый день я склоняю [голову] в новом становище,
Каждую ночь я ночую в каких-нибудь развалинах.

** Далее в некоторых рукописях следуют еще шесть бейтов:

Я бедняк и нет у меня припасов [для жизни],
Но я не принимаю твое гостеприимство.

Но если у тебя есть достаток [готовность к] бедности,
Тогда я готов к твоим услугам и к дружбе с тобой.

Я расслабляю застёжки своей накидки [кабы],
А ты проворно с другим затягиваешь пояс.

Я скидываю с плеч свои привязанности,
А ты обнимаешься с другим.

Тебе не следует общаться со мной,
Ибо я — разрушитель идолов, а ты — идолопоклонник.

Если ты в поисках меня преодолел большой путь,
Да буду я твоею жертвой за то, что ты зря потрудился³.

Ты нашел меня одиноким и горестным,
Скажи теперь: «Аллах с тобой!» и уходи.

Боюсь я, что если ты не встанешь по доброй воле,
То тебе придется удалиться от неизбежного зла⁴.

Уши страждущего Салама
Не приняли совета, заключенного в словах Меджнуна.

Он воскликнул: «Заклинаю тебя Господом, не старайся
Прятать прозрачную воду от жаждущего!

Разреши мне ради своих затаенных желаний
Молиться, обращаясь в твою сторону⁵.

Если я допущу ошибку в пути молитв,
Я попрошу у тебя прощения за свою ошибку».

Меджнун, наконец, отказался от стараний
И дал согласие на его уговоры.

«Салам открыл свою скатерть
И положил перед ним халву и печенье из сахарной муки.

«Открой свое лицо передо мной, — сказал он, —
И великодушно вкуси со мной хлеб.

Хотя я всем сердцем и одобряю твой отказ от еды,
Но неплохо заморить червячка этой непритязательной едой.

Если человек по естеству мужчина,
То его тело набирает силы только от еды».

Он ответил: «Я далек от этого расчета,
Ибо я съел того, кто во мне съедал пищу⁶.

Лишь тот набирает силы от халвы и хлеба,
Кто печется о своем бытии.

Но раз я отрекся начисто от своей сущности,
То разве погубит меня неупотребление пищи?»

Салам убедился, что этот горемычный
Не ест ничего днями, а ночами не спит.

Не отправлялся он ни в чей дом,
Не переносил он ничего присутствия.

Салам начал ласково утешать его:
«Лучше, чтобы в бедствии своем ты остановился.

Пусть не пребывает твое сердце постоянно в тоске,
Ибо однообразный круг [судьбы] так не будет продолжаться,

Коловратный небосвод [постоянно] спешит
И каждый час загибает новый листок⁷.

В течение одного мгновения ока,
Он может открыться ста дверьми радости.

Лучше тебе не горевать из-за этого горя,
Пока ты не перестанешь ходить ногами по земле⁸.

Ты поправишься, хотя и подвержен недугу,
Еще будешь смеяться столько, сколько плакал.

У меня тоже, как у тебя, было разбито сердце,
Сердце было ранено, а ноги связаны.

Но по милости и с помощью Господа
Я избавился от подобного горя...

В конце концов ты тоже успокоишься
И забудешь об этом бедствии.

Это пламя, зажженное любовью,
Результат жара огня молодости.

Когда же проходит молодость мужчины,
Огненная печь остывает».

От подобных бесед этого доброжелателя [Меджнун]
Не сдвинулся с места, но вышел из себя.

«Почему ты думаешь, что я пьяный? — воскликнул он. —
Или я безумец и сумасшедший?

Я царь царей величественной любви
И не стыжусь я перед своей душой⁹.

От греха земных страстей
Я очищен благочестивым омовением.

Чтобы не пачкаться грязью плотской [любви],
Рынок чувственных страстей мой уничтожен.

Смысл всей моей жизни — любовь,
Любовь словно огонь, а я — алоэ.

Пришла любовь и присвоила дом [моего бытия],
А я убрал оттуда свои пожитки.

Какое мне дело до моего существования,
Меня нет, а все сущее — моя возлюбленная.

Моя любовь из-за страданий моих убавится,
Если убавится число звезд на небесах.

Любовь мою можно стереть из моего сердца
Если можно счесть число песчинок на земле.

Раз ты получил доступ к моему обществу,
То не распускай язык для порицания.

Взгляни ты на состояние свое
И перестань укорять неуместно»*.

Вот такое удивительное поучение он дал
И проучил своего товарища за неуместные слова.

Когда его товарищ узнал своего противника¹⁰,
Он перестал говорить неуместные слова.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще четыре бейта:

Хорошую пословицу изрек тот полководец:
«Соблюдай (знай) свою меру».

Не будь холодным, если я не буду горячим,
И тогда я смягчусь на твой счет.

Рынок безопасен лишь до тех пор,
Пока не оскверняет его нога мошенника (жулика)

Когда в глупом гневе сердце горячится,
Тогда из него исчезает стыдливость.

Не будь дерзким в словах ни с кем,
Дабы потом не просить прощения за свои слова*.

Поддается ли лук [натяжению] легко или тяжело,
Дерзость при натяжке [все равно] принесет тебе беду.

Если он легко поддастся, то огорчит тебя,
Если же трудно будет поддаваться, то смутит тебя¹¹.

Меджнун и Салам несколько дней
Вместе шествовали по дороге дружбы.

А те дары, что шли между ними,
Были газели, похожие на жемчуг, плавно шедшие [из сердца
Меджнуна].

Каждое двустнише, которое слагал миространник,
Запоминал благородный муж.

Меджнун по привычке к изможденности
Был свободен от забот о сне и еде.

Бедный же Салам при такой горестной [жизни]
Не мог обходиться ни без сна, ни без еды.

Когда котомка опустела от запасов,
То гость был вынужден проститься.

Беспомощно он простился с Меджнуном
И оставил его среди хищников.

Из того края он отправился в Багдад,
Нагрузив свою память множеством касыд.

Где бы он ни читал какую-либо из тех касыд,
Слушатель поражался [от восхищения].

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейга:

Если хочешь открыть какой-либо замок,
Сначала полагается тебе испытать его.

Сначала канат, а затем колодец,
И без ног разве можно пройти дорогу?!

79. ОПИСАНИЕ ДУШЕВНОГО ВЕЛИЧИЯ МЕДЖНУНА*

Ты не подумай, что Меджнун был
Одним из тех сумасшедших, которых ты видишь теперь, —

Без поста, без молитв, без света [внутреннего],
Чурающихся разума и далеких от правил приличия.

[Был он] самым мудрым всех времен,
Знатокom смысла повадок коловратного [неба],

Знатокom тайных знаний,
Постигшим тайны небесных знаков.

Был златоустом, словно чеканка золота,
[Сочинителем] стихов и газелей, словно жемчуга.

Без [особого] размышления всякий знает,
Что сумасшедший не мог сыпать такие жемчуга.

Но не признавал он миропорядка, словно пьяный.
И признавал он только беспорядки¹.

Знал он [заранее] горечь смерти,
И потому запасался дорожными припасами².

Так как тяжело было ему жить,
То он предпочел легкую смерть в том деле.

Каждый человек, который не может ладить со странствием
[небес],
Трудно расстается с этой обителью.

Тот, кому приходится тяжело в этом жилище,
Тяжко умирает во время отправления [в тот мир].

Меджнун, который не искал товарищей для пути,
Ослаблял своей добротой свои сковы³.

Дабы, когда охотник [за душами] подойдет к его душе,
Говоря ему: «Поддай ее!», он мог ответить: «Возьми!»

* Принадлежность этой главы Низами считается сомнительной.

Корабль души был в опасности,
И потому он сбрасывал свои пожитки с него.

Он видел [в жизни] такие яства, как яд,
И поэтому не питался ничем при такой доле.

Он невзлюбил жизнь,
А возлюбленная была лишь предлогом на этом пути,

Дабы, если его желание свернет с пути,
Он имел в мире приют для самообмана⁴.

Без желаний он не был, у него желание было,
Но он держал его, словно меч, в ножнах.

Потому не стремился к удовлетворению своего желания тот,
рожденный пери,
Что он хотел, чтобы жилище любви оставалось
благоустроенным.

Я спросил у одного знающего мудреца
О состоянии [дел] могущественного влюбленного:

«Ведь у него была возможность для удовлетворения желания,
По какой же причине он отсрочил это?»

Желание, которое он мог бы удовлетворить тогда же,
Почему оставил его неудовлетворенным в течение тридцати
лет?»

Он ответил: «Из-за временного удовлетворения желания
Его плоть лишилась бы радости [надолго].»

Такому кратковременному удовлетворению желания
Он предпочел тридцатилетнюю радость».

Я перешагну через оба мира,
Если обрету чашу того старого вина.

80. ОПИСАНИЕ ЛЮБВИ ЗЕЙДА К ЗЕЙНАБ*

Говорят, что в те же времена был
Еще один пленник цепей страданий.

Накопилась на его сердце гора горестей,
И из-за тяжести горестей он убегал в горы.

* Принадлежность этой главы Низами сомнительна.

От людей, порождённых злыми духами,
Он спасался под предлогом одержимости злыми духами¹.

Был он прекрасным юношей, полным доблестей,
Слагал газели, подобные жемчугам.

Он тоже испытал удары любви
И принес голову в жертву за любовь.

Он был известен под именем Зейд,
Красотой же он славился, как повесть об «Амре и Зейде».

Гнездо его находилось в ложе обителю Лейли,
Любовь наступила и отняла его имя и жилище.

Он был окован [любовью] к дочери своего дяди,
Она тоже была благосклонна к нему.

Так как обе стороны обладали одинаковыми признаками,
То признаки обоюдной любви проявились в них.

Та прекрасная кукла с прекрасным ликом
Лишилась покоя из-за того лишённого сердца.

И у того обезумевшего из-за той периликой
Душа висела, словно на волоске.

Она была прелестна, лицо ее пылало красотой,
Нравом была чистым, телосложением изящна.

Движением как самшит, а ланиты как аргаван,
Стегно словно ртуть, стройностью как бамбук.

По прелести словно идол и бесподобна в восхищении сердец,
Источник смуты в мире и волнений на горизонтах.

Она была весела, шумна, кокетлива,
Образец для красавиц Тараза².

Она кружила голову тысячам белолицых,
И [своей белизной] сокрушала белые [зубы] тысяч черных.

Рот ее был больше сокрыт, чем у муравьев,
А талия ее была тоньше волоска.

Подбородок был у нее прелестнее шекинского яблока,
Была она горячее мекканских песков³.

Уста ее для поцелуя были слаще меда,
Они побивали [своей сладостью] сахар и унижали леденцы.

Губы ее источали сахар с леденцами,
Поцелуй ее дарили леденцы с сахаром.

Он отказался от сна, еды,
Так что история его стала известна всему миру

Подобно Меджнуну, он лежал, словно пьяный,
Ноги его и руки словно были окованы цепями.

От неуклюжести и неверности,
Все друзья избегали его.

Он оставался в обществе своего страдающего сердца,
Которое сгорало в огне.

О горении его сердца [на огне любви]
Лейли узнала по его искрам.

Она иногда приглашала его к себе,
Усаживала и ласкала его.

Расспрашивала о состоянии его дел,
Он рассказывал, а она плакала.

Она так прониклась доверием к его преданности,
Что она поведала ему о сердечной тайне.

Когда она посылала весть другу,
Он нес весть тому утешителю сердца (Меджнуну).

Меджнун, получив весть от ласки своей души,
С пляской встречал его.

Он был в любви товарищем его закадычным,
Вестником любовных его посланий.

Он носил весточку, подобную нектару,
Как раб с кольцом в ушах.

Часто видя его, звери
[При нем] забывали о своем зверином нраве.

Каждое двустушие, которое сочинял
Тот одичавший для своей луны,

Он записывал на листок,
Приносил и передавал тому идолу.

Он был проводником двух влюбленных,
Он был письмоносом между ними.

Однажды в обители печалей Меджнуна
Между ними шла беседа, подобная редкому жемчугу.

Укоряя Меджнуна, Зейд сказал ему:
«Твое сердце, которое просверливает такие жемчуга,

Почему оно сделало то безумие своим ремеслом?
Лучше будет, если оно станет на путь разумных.

Хотя по качествам ты явно велик,
Лучше Зейда ты не станешь.

Ты обладаешь [даром] таких возвышенных слов,
И в то же время прозябешь в таких жалких [условиях].

Хотя и ты знаменит словно Амр,
Все же знаменитее Зейда не станешь.

Не плачь ты, ибо я плакал много,
И страдал в жизни больше, чем ты.

В конце концов примирился с своей участью,
И стал и есть пищу, и пить воду.

Давай успокойся и оставь безумие,
Ибо жалко, что ты прославился как безумец!»

Меджнун, который был одним из самых проникательных
в мире,
Был палачом похоти и свободным от низменных чувств,

Услышав, что Зейд назвал его безумцем,
Обезумел и разозлился на него [сказав]:

«О Зейд, ты наговорил лишние вещи.
Уходи [отсюда], ибо ты болтун.

Если еще раз принесешь мне весть,
Оставь там-то и долго не задерживайся.

Почему ты болтаешь лишнее?
Сколько можно повторять сказку об Амре и Зейде?

Почему ты называешь меня безумцем?
Безумец тот, кто самодоволен,

Я не див, а враг дивов,
Ибо я безвреден, словно гурии и ангелы.

Мой добрый нрав не нрав дивов,
И это по милости Господа мира.

Лишь из-за моего доброго нрава звери и хищники
Находят у моей природы покой.

Моя природа создана из нежности,
Хотя лицемерие мое и не доставляет радости глазам.

Хотя и стан мой, вопреки моему естеству, согнулся,
Зато [в нем] есть желание быть прямым⁴.

Песня не зазвучит правильно с помощью двух прямых,
Барбат должен быть кривым, а смычок — прямым.

Если богатырский лук не будет кривым,
То от стрелы не жди прямого полета.

Если от стонов своих я горю, словно дикая руга,
То это потому, что я сжигаю на себе узлы изъязнов.

Я знаю опасные беды, навлекаемые дурным глазом,
И по этой причине я боюсь своих собственных глаз.

Тот, кто появляется с дурным глазом [на свет],
Лучше бы лишился своих глаз.

Безумец тот на этом престоле,
Кто запирает замок своей крепости наглухо.

Я сам с помощью тысячи ловких средств
Ослабляю запоры своего [бытия].

Я разрываю с этим гнилым деревом с четырьмя корнями
Свои связи, ибо я утопаю [под сводом] на четырех
колышках⁵.

В этой деревне, от которой я имею указ о спасении,
Нет у меня ни одежды, ни жалования.

Если корабль разломан пополам,
То пусть не будет у него и парусов.

До того как утонет мой корабль,
Я сброшу [в море] все свои пожитки с ног до головы.

Я занят омовением [перед отправлением] в тот мир,
И не ведаю о том, что такое помазание и кто такой
совершающий помазание.

Оторвать душу от этих четырех кольев
Во время пляски перед отправлением — трудное дело.

Любовь к душе — удивительный друг тебе,
И расстаться с душой — удивительно трудное дело.

Необходимо стоять [и ждать] налегке,
Ему [ангелу смерти] надлежит требовать от тебя душу, а
тебе отдавать.

Ты воображаешь, что в этих силках
Я запутался в поисках зерна?

Или же, что за этот крючок
От страха утонуть я хватаюсь руками?

[Нет], я стараюсь из этого мира, полного колючек,
Уйти мужественно, а не со скверной.

Не останавливаюсь я в своих странствиях ни минуты,
Потому что эта обитель подобна двустворчатой двери.

Никто не открывал одной створки этой двери
Без того, чтобы вторая створка не стукнула его по голове:

Твое дело должно обосноваться в яме,
И не избежать тебе цепей.

Тот, кого свалило горе на этом перекрестке,
Разве может выйти из ямы без цепей?

Этой цепью являются локоны похитительниц сердец,
Но [к сожалению] они пахотятся в чужих руках.

Если и можно выбраться головой из этой ямы,
То дорога все равно ведет в другую [яму].

Кто бы ни угнал своего коня от горя,
Он все равно вручит себя другому горю.

Разве я стану поклоняться другим идолам,
Если я сначала разбил своего идола?

Если я погоню свою быстроходную верблюдицу в сторону
какого-нибудь идола,
То я избавлюсь от своих идолов.

Мудрец, который вкушает вино мугов,
Избегает утруждать себя [лишними] заботами.

Такое состояние, которое является приемлемым состоянием,
В глазах беспечных людей — опасная вещь.

Нет у меня жалобы на такое состояние,
И нет более безопасной страны, чем эта.

Этот орех по виду, а по цвету фисташка,
Бьет камнем по орешку моей головы.

То есть твоя голова, которая является мозгом души,
Не может быть защищена кольчугой из костей.

Подобно миндалю, несмотря на красивый лик,
Я обрету белизну благодаря обнаженности.

Я же не мирился, чтобы, став оголенным,
Плодоносить негритьями для могил⁶.

Если Господь ниспослал мне такую долю,
Необходимо поладить с таким горем».

Продавец плодов, засунув подмышку незрелый виноград,
Сказал остропоучительные слова:

«О братец, для продавца инжира
Нет ничего приятнее, чем соевать свой инжир»⁷.

Каждый человек, не бросивший свое дело,
Вкушает плоды от того, что посеял в мире.

Стрела моя точно направлена в цель,
Но вся неудача из-за слабости лука.

Я боюсь открывать замок на сокровищнице,
Ибо ключ [от замка] — стеклянный.

В такой боязни [все-таки] заключена какая-то надежда,
Так же как во время надежды страх — дело стоящее.

Я, который удалился в эти развалины,
Порвал связи с близкими,

Не злословлю и не замышляю коварных козней,
Не живу беспечно и не вытворяю глупостей,

До того, как смертный час скажет: «Убегай!»,
И глас отъезда прозвучит: «Вставай!»

Я встал с трудом в этой тяжелой обители
И направился из этой могилы в другую могилу.

Я не вижу безумия в себе кроме этого,
Если безумец поступает так, то я безумец».

Он произнес целую речь из подобных слов,
Обнажил сталь и рассыпал жемчуга.

Пораженный таким, словно бальзам, ответом,
Говорливый Зейд умолк.

Решил больше не трогать его весенние ветки
Трезубцем своего нахальства.

Он выучил [содержание] скрижалей правил поведения усердно
И заколотил свои уста тысячько гвоздей.

После этого [случая] не имел с ним никакого дела,
Кроме того, что приносил вести от его возлюбленной.

И ответ его к той утешительнице сердца
Он передавал так, как было в его послании.

Он служил посредником надежным,
Словно Зухра между луной и солнцем.

81. КОНЧИНА ИБН-САЛАМА, МУЖА ЛЕЙЛИ

В каждом моменте, который содержится в видности какого-
то дела,
Есть проявление неизбежности.

В движении всего сущего
Заключен один из ларцов провидения¹.

Листок бумаги имеет две стороны,
И с обеих сторон он служит мишенью.

С этой стороны [человеческий] разум записывает свои счета,
А с другой стороны пишет свой счет предопределение.

Редко находит письмоводитель,
Чтобы оба счета согласовались меж собой².

Много есть роз, которые ты считаешь розами,
[Но], испытав их укол, ты видишь, что они — шипы.

Йли же много гроздьев винограда на вид кажутся незрелыми,
Но на поверку они оказываются зрелыми.

Часто голод, приносящий слабость,
Оказывается лекарством от [болезни] несварения желудка.

Лучше сдаться на милость такой противоречивой стихии,
Нежели [бессмысленно] бороться с ней.

Словом, раз история такова,
То считай, что укус — мед!³

Лейли, кто была светочем похитительниц сердец,
Для себя была обузой, а для других — сокровищем,

Сокровищем, вокруг которого змей
Сторожил ее крестность.

Она была драгоценной жемчужиной,
Но, подобно луне, находилась в пасти дракона⁴.

Жила она в страшных муках,
Словно рубин в сердце камня.

Она терпеливо переносила [все тяготы],
Обманом она обманывала обман⁵.

Муж целыми днями охранял ее,
Она горевала [в душе], но выказывала благодарность.

В его обществе периликий кумир,
Подобно пери, был в стальных оковах⁶.

Когда мужа не было рядом, она рыдала,
Когда же он приходил, она вытирала глаза.

Когда было чистое [вино], она стонала,
Когда же приходил осадок, она проглатывала горе⁷.

Ей очень хотелось от горя открыто плакать
Хоть одно мгновение, но она не могла.

Скрытое горе подтачивает душу,
Но кто же хочет, чтобы его душа подтачивалась.

От смущения перед мужем и стыда перед родными
Она расстраивалась, словно ее локоны.

Когда стук его шагов удалялся с дороги,
Она вставала с места рядом с колом шатра⁸.

Так много рыдала она у шатра,
Что от рыданий падала обессиленная наземь.

Но когда звук его шагов доходил до ее ушей,
Она переставала стонать, мучаясь.

Она проворно садилась, словно свеча,
И пресекала смехом свой плач.

Судьба сыграла с ней бессольную шутку,
И она, которая была с приятной солью, съедала свою печень⁹.

Наконец, круговорот неласкового неба
Раскрыл свое дело¹⁰.

Ее муж от горестей и сожалений,
Удаленный от лица своей жены, заболел.

Его природа лишилась стойкости,
И здоровье покинуло Ибн-Салама.

Острая жара оказала свое действие на тело
И лихорадка поднялась до мозга.

Покой покинул его естество,
И бутылъ равновесия разбилась.

Лекарь пощупал его пульс,
Осмотрел мочу и облегчил его боль¹¹.

Он мягко поправлял его здоровье
И помогал восстановлению [сил] его естества.

[Наконец], слабость покинула его тело,
И показались признаки выздоровления.

Когда больной немного поправился
И его отощавшее тело пополнело,

Он не воздержался от того, что было плохо,
А если соблюдал [воздержание], то непостоянно.

Воздержанность — лекарство от многих недугов,
Она полезна и для покоя, и для болезни.

Во время покоя она придает стойкость,
А во время болезни она приносит исцеление.

Так как во время поправки от острого жара
Тот невоздержанный нарушил воздержанность,

То жар снова стал сопровождать его дыхание,
И ушедшая было болезнь снова вернулась.

Пострадавшее во время первой болезни тело
Вторая болезнь передала ветру [гибели],

И глину, которая была смочена первой водой,
Настигла вторая вода и размыла^{12*}.

Во время первого землетрясения
Стена треснула вдоль и поперек.

Когда произошло второе землетрясение,
Развалилась совсем та треснувшая стена.

Два-три дня больной молодец
Дышал с трудом, а дыхание его было нездоровым¹³.

Когда же в груди его захватило дыхание,
Разбился его стеклянный сосуд воздуха о камень¹⁴.

Подобно ветру, он махнул рукой на мир,
И душа его избавилась от мирских мучений.

Он ушел, и мы уйдем, и никто не останется,
Ибо мир берет обратно то, что дает в долг.

Остерегайся брать в долг у мира, если даже это трава,
Ибо он дерзок в требовании долга¹⁵.

Постарайся уплатить ему долг,
Чтобы избавиться от состояния должника.

Не сиди [сложена руки], ибо сидеть при таком долге
Гвоздь для тела и кол для организма¹⁶.

Разбей ларец, в котором заключена твоя жемчужина,
И взлетай ввысь, как делают голуби, с этой башни!

Ведь эти семь берез на четырех корнях
И эти девять щитов с тысячами заклепок¹⁷,

Если вступят в бой с воинством смерти,
То упадут так, что никогда не встанут.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

При болезнях глина — тысяча лекарств,
В сокровищнице — это драгоценный алмаз.

Каждое утро, когда восхитительный диск
Зажигает своим пламенем гумно мира,

Каждый вечер, когда запачканный пятнами глины
Обволакивает дымовой завесой [небесный] кувшин¹⁸,
полукувшин

Поучают тебя, что здешняя обитель —
Это храм огня с дымом^{19*}

Лейли, огорченная расставанием с мужем,
Вскочила с места словно онагр, выскочивший из ловушки.

Хотя от его ухода она выигрывала,
Тем не менее он был ей мужем, и поэтому она горевала.

Она громко оплакивала мужа,
В душе вспоминая своего любимого.

Она рвала себе волосы из-за мук друга,
Но рвала она под предлогом [смерти] мужа.

Она проливала крупные капли слез из-за друга,
Но под предлогом ухода мужа.

Она кричала и причитала над мужем,
Вкладывая в причитания тонкие намеки о любимом.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще шесть бейтов:

Дни и ночи сжигают сердце,
А ты беспечен и рад таким дням.

Уже давно эти две нахальные птицы
Дырявят твою сумку.

Если даже твоя жизнь — целый урожай пшена,
То все равно остерегайся этих птиц, которые сожрут его.

То, что в конце концов кончается,
[Недостойно доверия], будь оно в десять или в сто шагов
длины [все одно].

Хоть тебе отведено сто [лет] жизни,
Ну пусть будет не сто, а тысяча лет,

Все же порок ее недостаточности [подстерегает тебя] в засаде,
И потому пойми, что у нее наступит конец, вот об этом

и речь!

Муж ее был внешней оболочкой,
А ядром был любимый друг.

По обычаю арабов после [смерти] мужа
Жена не показывает своего лица никому.

Года два она сидит дома,
Она никого не видит, и никто ее не видит.

Она горько оплакивает его,
Напевая подходящие случаю стихи.

Лейли под этим предлогом тотчас же
Освободила свой шатер от людей.

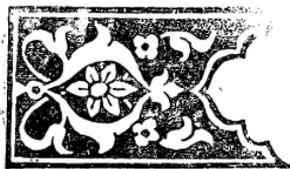
По правилам траура по мужу
Она села лицом к лицу с горем²⁰.

Нашедши предлог для рыданий,
Она отказалась от воздержания.

Под предлогом оплакивания [мужа]
Она возвышала до семи небес крики и вопли.

Она, не таясь, буйствовала
И досыта била себя кулаками.

Она дышала свободно, как хотела,
Ибо страх и опасность исчезли.

82. СВИДАНИЕ ЗЕЙДА С ЗЕЙНАБ*

Рассказчик этого прекрасного сказания,
Чьи кости были наполнены мозгом,

Так поведал: «Зейд, оставшись измученным,
Подобно своим глазам, вдали от кумира своего

* Принадлежность этой главы Низами является сомнительной.

Терпеливо вздыхал
И вместо воды пил свою кровь.

Родственники, посвященные в его тайну,
Стремилась как-то помочь ему,

Ведь лишь он заслуживал ту весну,
Которую другой отнял у него сплои.

Стали его помощниками его друзья,
Они стали покорными его наперсниками.

Они проявили твердость в помощи ему
И [в конце концов] развязали узел его дела —

Так, что своей обходительностью он нашел
Тайную, неявную дорогу к Зейнаб.

Он ходил к ней в том виде, в каком был,
И очищал ржавчину с зеркала [своей душой].

Подобно нераскрывшемуся бутону,
Он скрыто дышал с ней.

И та бальзамоустая нежно с [с любовью]
Ласкала его втайне.

Но, вступив на путь покорности [судьбе],
Они довольствовались поклонением друг другу.

Чистота между ними не нарушалась,
И они лишь обменивались стыдливими взглядами.

Зейд, хотя и был поглощен своим делом,
Не забывал и об услугах Меджнуну.

С помощью сотни разнообразных уловок
Он оказывал ему помощь сотней боев.

Он перестал думать о своем деле
И преданно старался помочь ему.

Он делал так, чтобы [впоследствии] вспомнили его добром
И говорили о нем: «Браво!»

И ты [читатель], если обладаешь таким свойством,
То обладаешь такой же красой на лице.

Много есть свойств у мужей,
О которых и не расскажешь.

Если слово, слетающее с уст, не доброе,
То лучше будет, если оно умрет в тебе.

Даже только одно слово в обители времени
Может поведать о тебе много доброго.

Все, что останется от меня и от тебя,
От [нашего] жилища, — достанется старосте деревни.

Когда Ибн-Салам убрал пожитки [из этого мира],
И летающая птица освободилась из клетки,

Зейд тотчас же направился в путь
И торопился, словно беззаботный ветер.

О той чаше, которую рука смерти преподнесла [Ибн-Саламу],
Сообщил разоренному Меджнуну:

«Тот грабитель каравана твоего желания
Сошел с дороги твоего доброго имени и стыда.

Ушел Ибн-Салам и отдал тебе свою душу,
И ты остался, — да будет твое здоровье вечным!»

Меджнун, проглотив подобный кусок,
Поразмыслил над коловращением небес.

Он издал такой пронзительный крик,
Что поднебесье наполнилось громом.

То он пускался в радостную пляску от волнения,
То он видел [внутренним взором] свой образ в могиле.

С одной стороны, ему понравилось случившееся дело,
Что шип удалился с полы розы.

Но с другой стороны, он подсчитал,
Что и ему придется проглотить то, что проглотил его
[соперник].

Природа его требовала, чтобы он смеялся, но он не
засмеялся,
Разум требовал, чтобы он плакал, и он заплакал.

Он снова начал рыдать, причитая,
И снова начал он укорять Зейда:

«О многострадальный старый друг,
Много терпевший горести моей души,

У меня на сердце лежит укор к тебе
И нельзя спрятать его под узлами [сердца].

Сегодня, когда ты прочел тот листок,
Одно слово прочел ты неверно.

В тот миг, когда сказал ты: «Тот человек
Вручил свою душу тебе, слабому»,

Если бы ты был подлинным другом,
То ты должен был сказать: «Он вручил душу Лейли».

Кусок, который предназначен был ей,
Из-за тебя достался моему горлу».

В ответ ему Зейд сказал: «Оставь ты это,
Ибо ты создал такое положение с самого начала.

В тот день, когда в письменах на листке
Ты вычеркнул одно [имя] ради утверждения двуединства,

Ты вычеркнул разницу между вами,
Вычеркнув одно имя из двух на листе.

Это значит, что более не существует между вами «я» и «ты».
Раз так, то лучше мы не будем признавать вашу
двойственность.

Я тоже по старому обычаю
Сказал такое нелепое слово.

Если это не понравилось тебе, то я готов
С ног до головы обнажиться и так уйти отсюда».

Меджнун за этот его достойный ответ
Встал и заключил его в объятия:

«Великолепно [сказал ты], прекрасно, мой друг, златоуст,
Самый благоухающий и с благословенным дуновением!

Ты прекрасно сказал и прекрасно обосновал
И дал достойный меня ответ.

И смысл подобного назидания поймет,
И тайну подобных глубокомысленных знаков постигнет

Каждый, кто обладает внутренним прозрением.
Дозволено тебе вести подобные беседы¹.

Я даю обет в том, что, пока я живу,
Дружба с тобой будет товарищем моих помыслов.

До тех пор, пока я не найду свою смерть в мире этом,
Буду послушен тебе, что бы ты ни делал.

Я буду слушаться тебя от всей души,
Буду я проклят, если что-либо скрою от тебя».

Дня два-три с надеждой на добычу
Они жили вместе как Амр и Зейд.

Когда же прошла одна неделя,
Нашелся предлог для расставания

Он отправился в свое гнездышко,
А Зейд вернулся в свой дом.

83. ЛЕЙЛИ МОЛИТСЯ ГОСПОДУ ВСЕВЫШНЕМУ И ВСЕСЛАВНОМУ*

Когда ночь подвесками из жемчугов
Заполнила уши и шею времени,

Та жемчужина, словно грозди Плеяд,
Лила из глаз целое море жемчужин.

Была она и почь, и горе, и горение,
И не было никого из близких, кроме светильника.

Подобно мотыльку, она не спала ночами,
И жаловалась свече на ночь:

«Когда же эта ночь уйдет, чтобы мы избавились от нее?
Она — клеймо на челе небосвода.

Эта ночь не ночь, а моя доля,
Не ночь, а погибель моя.

Мрачная почь с такой длительностью
Совсем извела меня и я не знаю, что делать.

Как будто исчез жар ее [души],
Или же она стала словно днем светопреставления.

Я осталась [одна] в этой губящей мир ночи,
Да не останется без дня ночь с таким днем¹.

Я словно садовник, у которого потух светильник
И чей забор разрушен, а сад разграблен,

Если свернули шею утренней птице,
То что же случилось с утром, разве задушили его?!

* Принадлежность этой главы Низами является сомнительной.

Допустим, что у старухи умер петух
Или стражник увел муэдзина квартала,

Что же тогда случилось с ночной стражей,
Почему она не бьет в барабан о наступлении утра?

Господи, соедини меня с моим светильником,
От огня [страданий] которого я сгораю.

Пусть он дарует мне свет, освещающий мир,
Пусть он дарует мне день в этой мрачной ночи!»

Она не переставала до утра возносить такие молитвы,
И ни на один лад она не убавила свою песнь.

84. ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН СОЕДИНЯЮТСЯ ДРУГ С ДРУГОМ*

Когда утренний царь радостно
Сел утром на свой престол**,

День приятно освещал взоры,
И был он приятнее тысячи новогодних праздников¹.

Судьба опоясалась поясом счастья,
Шум горестей в мире утих.

Лейли с чувством исполненного желания
Ступала величественно, словно луна на небесах.

Бродила она беспокойно
И горевала не таясь.

Путь ее был свободен от охраны мужа,
Стражник ее дома исчез.

Глаза ее были полны слез, а сердце — огня,
Но не страшилась она более ни отца, ни матери.

Она гуляла по дому, по улице и по саду,
Гуляла она, но прикрыв лицо руками.

Искала свое сердце всюду
И каждому сердцу поверяла она весточку.

* Принадлежность этой главы Низами является сомнительной.

** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

День любезно поднял голову,
И горизонт поднял голову к солнцу.

Она освещала собой каждый небосвод,
Источала своими вздохами амбру.

Она искала дорогу в сторону того,
Кто был ее единственным другом в мире.

Когда кончился траур по мужу,
Она переселила свой дом скорби в отцовский дом.

Сбросила она груз стыдливости
И сняла завесу с лица скрытой любви.

Она разбила о камень бутылку [стыда] словно бутылку вина,
И бросила на воду щит, словно роза.

Заключенная под замок жемчужина,
Увидев, что дверь ее освободилась от замка,

Не проявила слабости в поисках выхода
И начала разыскивать лекарство для своего здоровья.

Она села в своей комнате и усадила смуту,
И пригласила в свою комнату Зейда.

«Сегодня [сказала она] — уже не время для ожидания
[бесполезного],

Сегодня время стремления к встрече с другом.

Вставай, мир прекрасен, вставай.
Принеси сахар и смешай его с розой.

Приведи кипарис в постель луга,
И вложи жасмин в пучок тюльпана.

Зааркань мою прекрасную лань
И доставь [мне] тот мускусный пупок,

Чтобы я из его колючек соткала шелк,
А из пыли его ног создала амбру,

Чтобы я могла подышать с ним от души [спокойно],
Ибо нет у меня кроме него совздыхателя.

До того как смертный час выскочил из засады,
Хочу, чтобы он хоть раз вдоволь нагляделся на меня.

Чтобы, когда уже не останется у меня ни одного дыхания,
В моей душе уже не оставалось этой страсти».

[Затем] она принесла шелк и парчу
И нательную одежду из чистого шелка.

Все, что подобало ему,
Она царственно вручила Зейду.

При виде ее радости
Зейд стал величавым, словно гора.

Он привез в чертог без дверей
Радостную весть тому хумаю без крыльев.

Вестник передал весть и раскрыл тайну,
И все подарки, которые были при нем, выложил перед ним.

Меджнун от радости [от предстоящей встречи с] любимой
вскочил,
Закружился в пляске и снова сел.

От такого радостного события он семь раз,
Подобно небесному циркулю, покружился.

От проделанных им семи кругов
Игра его превзошла семь небес.

После этого поклонился в молитве,
Да так, что лицом подмел землю.

Он усердно примерял к телу одежду,
Сначала поцеловал ее и затем надел на себя.

В источнике любви он совершил омовение
И от траура по разлуке избавился.

Лицо его яркой луны
Мускусным ароматом благоухало из пупка².

Он отправился в путь, читая стихи,
И всю дорогу он источал сахар.

А звери — хищные и травоядные —
Словно войско сопровождали его спереди и сзади.

Где бы он ни садился, они тоже садились,
Где бы он ни останавливался, они кольцом стояли вокруг него.

[Наконец], он прибыл к обители своей возлюбленной
Со своим войском, да еще с каким войском!

Им было построено такое войско, что перед ним
В битве все бросали свои мечи.

Зейд ушел и сообщил Зубайде,
Что золото халифата показало свои приметы³.

[Зубайда передала Лейли]: «Меджнун, твой возлюбленный,
Словно прах, находится у твоей двери.

Он поклоняется тебе издали
И, если ты позволишь, он войдет».

Лейли от такой радостной вести
Стала словно развалинами из обитаемого селения.

Она сначала встала, словно подпорка шатра,
А затем согнулась, словно канат шатра.

Не помня себя, она выбежала из шатра,
Не страшась ни зверей, ни хищников.

Она припала к ногам своего гостя,
Словно зелень к ногам самшита.

Увидев красу лика похитительницы своего сердца,
Меджнун у своих ног свою душу узрел.

Он издал крик, потрясший небеса,
И тоже свалился с ног.

Она была жива, вручив свою душу,
А он был мертв, соединясь с душой.

Лежали двое влюбленных, лишившись чувств,
И уши их не воспринимали мирских голосов.

Кровожадные хищники стояли вокруг них,
Заострив когти, чтобы погубить [посторонних].

Вокруг двух изможденных влюбленных
Они кольцом стояли, словно горная гряда.

Из-за множества хищников на том перекрестке
Путь был закрыт для наблюдателей [посторонних].

Из тех, кто хотел пробраться к ним,
Двух-трех людей звери растерзали.

Остальные [любопытные] спаслись бегством,
Удалились и скрылись в разных уголках.

Влюбленные лежали [без чувств]
На том перекрестке до полудня.

Тогда пришел Зейд и амброй и розовой водой
Освежил обе свежие весны.

Когда они снова пришли в чувство,
Они умолкли, словно изображения в письме.

Лейли, беспредельно смущаясь,
Подошла к прахоподобному страннику.

Взяла она его за руку и повела вперед
И пришла в свой собственный шатер.

Усадила его с сотней любезностей и радостно
Приласкала его своей близостью, дарующей душу.

Зейд, будучи их наперсником и поверенным,
Увел от близости всяких Амров и Аси⁴.

Он, словно кольцо двери, сидел у шатра
В окружении зверей.

Хищники эти со всех сторон
Стояли крепостью вокруг святилища [Меджнуна и Лейли].

Если даже муха летала там в воздухе,
Один [из хищников] хватал ее, а другой разрывал.

От страха смертельного перед зверьми и хищниками
Никто не осмелился сделать и шагу в сторону того святилища.

Увидев полное согласие ладов [зверей и людей],
Люди все поражались этому:

«Это — истинная любовь, а не болезнь,
Ибо она не запачкана похотью и вожделением.

Это — любовь беспредельно совершенная,
Которой покорны даже хищники и звери.

Потому звери не причиняют ему ничего дурного,
Что в нем нет ничего звериного.

Так как он отрубил голову всему звериному в себе,
То все эти звери покорились ему.

Ясно, что любовь этих земных
Лишь чистотой расцветает.

Сегодня мы услышали их стоны,
Узрели собственными глазами их обоих,

И [поняли], что лишь от одной чаши, даже не испив ее,
Этот лишился чувства, а эта опьянела.

До того как дотронуться рукой до объятий другого,
Один упал в обморок, а другая лишилась чувств.

У их любви нет признаков пошлости,
Эта редкость — назидание для мира».

Все горемыки у себя в домах
Судачили об этом.

А та запечатанная сокровищница крепости
Сидела вместе со своим владельцем (казначеем).

Для своего дорогого гостя она хлопотала
И угощала его своими гостинцами.

Кольцами своих локонов и обручем своих рук
Она, словно платком, обвязала его шею.

Увидев, что дейламит молчит,
Она шарфом своих [длинных] волос прикрыла его.

Она сделала его полководцем дворца своего сердца
И из своих рук сделала ему перевязь [орденскую ленту].

Так она прижала его к груди,
Что ты бы сказал: они были две розы с одной ветки.

Она, не дотрагиваясь до него, связала его своими кокетливыми
взорами,

Она опьянила его без вина и поцелуев.

«Лам» и «Алиф», порвавшие свои узы,
Слились воедино словно «алиф» и «лам».

Две живые полукруглые черты,
[Слившись], создали полный круг.

Нет ничего странного, что птица бывает с двумя крыльями,
Или же у равновесия весов бывают две головки.

Две свечи горели на одной подставке,
У них была одна душа и телами стали одним.

Две нитки сплелись в одном мотке,
И две бутылки наполнились одной водой.

Две петли прикрепили к одной двери,
Два глаза росли у одной головы.

Расстояние между двумя полюсами исчезло,
Зерцало двух утр осветилось одним светом.

Двое истосковавшихся влюбленных сплелись друг с другом,
И в таком [состоянии] они пробыли целые сутки.

Этот был не в сознании, а та не помнила себя,
Птица корысти не витала меж ними.

Когда они пришли в себя,
Шахская птица улетела, а шах гнался за ней.

Госпожа вышла из шатра,
А султан сидел в дозоре на дороге.

Царь убрал свои пожитки из дворца,
Оставив пустыми и престол, и венец.

Комната и двор были свободны от посторонних,
Кроме любимой в комнате не было ни одной живой души.

Увидев возлюбленную, Меджнун тотчас же
Освободил от всех [лишних] слов комнату.

Он позвал подругу к своим зрочкам,
А себя посадил вместо дверного кольца⁵.

Так как тот ангел обитал в его сердце,
Он сам сделался привратником родного [ангела].

Уста этих двух кипящих котлов
Молчали словно уста [фарфоровой] чаши.

Ветер, нежно струившись из сада Ирема,
Погасил язычки этих двух огней.

Нахлынувшая любовь, возжигая адраспан,
Наложила оковы на языки их обоих.

Были поражены эти изображения [небесного] циркуля,
Подобно двум изображениям на стенах [дворцов]⁶.

Сердца их были полны слов, а языки скованы,
Подобно полному кувшину с закрытым ртом.

Глас их любви звучал во всем мире,
А [страх] перед укорами сковал им языки.

Пока они пребывали в ночи ожидания [разлуки],
Языки их пламенели, как язычок у свечи.

Когда же они соединились друг с другом,
Подобно утру они лишились языка.

Многословие позорит язык,
Молчание же — признак мудрости.

Пока золото было далеко от казны,
Дверь казны была без замка.

Когда же золото положили в казну,
То казну закрыли на замок.

Лейли языком нежных взглядов
Заговорила плавно, лаская душу:

«О десятиязычная лилия, что же произошло с тобой,
Что из-за смущения передо мной у тебя отнялся язык?»

Соловей велеречивый [и многословный]
Без розы весь год молчит.

Но, увидев лик розы в саду,
Слагает не одну, а тысячу песен.

Ты соловей в саду [нашего] времени,
А я словно гармонирующая с тобой роза,

То есть пока ты не виделся со мной,
Возвышал ты свой голос до небес.

Сегодня, в день нашей встречи,
Почему закрыл ты шкатулку своих уст?».

Меджнун из-под туч кровавых слез
Развязал свой огненный язык.

«О ты, лишь одна мысль о губах которой слаще сахара,
Твои губы сомкнули мои уста,

Вообрази, что нет языка у меня во рту,
Язык мой стал словно волосок.

Столько язык терзался [в разлуке с тобой],
Что он стал словно волосок, а волосы стали языками.

В обители этой, если волосы становятся языками,
То лучше, чтобы язык стал, как волос.

Знаешь ли ты, почему мой язык стал волоском? —
Чтобы говорить тебе тонкие, словно волоски, слова,

Раз я принадлежу тебе всей душой,
То не стоит мне болтать языком?».

Раз сейчас у меня есть прекрасный бальзам для души,
То ни к чему, чтобы язык наносил раны [своей болтовней].

Говорящий человек поглощен поисками,
А если он нашел [то, что ему нужно], более не о чем говорить.

Ты — моя находка на пути [жизни],
А я — потерянный тобой в колодце [жизни].

При твоём бытии пусть лучше не будет моего бытия,
Ибо моя рука — твоя, а не моя.

Кто я такой? Как зовут меня? —
Все знают, что я — твоя тень.

Я знаю, что я ничто,
Из-за одиночества ставший никем.

Лишь твое влияние сделало меня [тем, что я есть],
И если есть что-нибудь во мне, то это твои следы.

До тех пор, пока я летал соколом,
Я не видел никаких примет царской куропатки.

Сегодня, когда у сокола разбились крылья,
Царская куропатка порхает в полете.

Пока комар мой [моего бытия] не изнемог,
Твой павлин не выступал величаво.

Когда собака царя отправляется на охоту,
Олененок бодает царя.

О, когда ты стала доступной для меня,
Меня утешала эта доступность.

Но лишь тогда я достиг любимой,
Когда моя воля ушла от меня.

И в руки того, кто привязан к тебе всем сердцем,
Ты даешься лишь тогда, когда он сбивается с руки [теряет
над собою власть].

Пока [над телом] у меня будет голова, в горле только ты
будешь,
И поэтому я дарую тебе свою душу.

Если ты уйдешь из моей головы, да лишусь я ее,
Если душа останется без тебя, да лишится мое тело ее.

Мой долг — продать голову твоей воле,
Твой долг — требовать от меня душу, а мой долг — отдать ее.

До тех пор, пока моя душа поддерживается тобой,
Я твой раб и готов отдать душу за тебя.

Я не разлучаю тебя со своей душой,
Я не признаю душу без тебя.

Если ты, словно огонь, сожжешь меня до изнеможения,
Я не порву с тобой, как и рыба с водой.

Ты мои глаза, притом глаза не без зрения,
Какой же зрячий может разлучиться с глазами?

Разве я могу удалиться от тебя на пути этом?
Удалиться от тебя? — Да спасет нас Аллах от этого!

Здесь нет [понятий] «я» и «ты»,
В нашей вере нет двойственности:

Мы оба — два лоскута одного платья,
Мы оба — части одной души.

Меня нет, ибо все, что было во мне, с тобой,
Я — воображаемое отражение твое.

Если я — это ты, то к чему двойной образ,
Если мы оба одно [существо], о чем же судиться?

У нас две фигуры, но основа их одна.
Подобно «ламу» и «алифу», да пусть они будут «ламом» и
«алифом».

Там я, а рядом — мой кумир,
Здесь ты, а рядом — я, твой прах.

Нет, нет, я ошибся, обитель одна,
И смута двойственности исчезла меж нами.

Мы с тобой слились воедино,
Как сливаются высокие и низкие [звуки в одной песне],

Чангист, извлекая из своего чанга [песню],
Без высоких и низких звуков не поет.

Горести наших сердец из одного рудника,
За исключением наших образов, которые отличают нас.

Лучше нам избрать одно из двух святилищ,
Дабы сидели мы оба на одном месте.

Меч с двумя лезвиями лежит в одних ножнах,
Миндаль с двумя ядрами состоит из одной скорлупы.

Если в утином яйце бывают два желтка,
Все равно они плод одного семени.

Когда две однородные буквы встречаются [в письме],
Они растворяются одна в другой.

Я однороден с тобой по своим признакам,
И потому я сделаю одно гнездо для нас.

Напиши наши имена одними буквами,
Пусть две капли растворятся в одной чаше.

Лишь в одну дверь, а не в две, стучись так изящно,
Если ты мне товарищ, то признавай только единство.

Когда Меджнун рассыпал драгоценности слез
И тысячи редких жемчужин подобных [речей],

Лейли своими опьяняющими взорами
Повесила подвески на его ожерелье жемчугов⁸.

За эти жемчуга она своими устами
Заполнила его шкатулку водою жизни⁹.

Ее локомы по цвету были галией¹⁰,
А ее рот по изяществу был словно склянка для галии.

Из той склянки, источающей сахар,
Луна делала галию, а роза сыпала сахар¹¹.

Она осыпала голову любимого
Цельми манами амбры и харварами сахара¹²

Так, что воображение потребовало дань от Египта,
А помысел требовал налог от Абиссинии¹³.

У того рода людей, которые молчат в мире,
Рот, словно роза, рот их полон благоухания¹⁴.

Уста этого играли со словами,
А подбородок той изготавливал мячики¹⁵.

По моему разумению и убеждению,
Те мячики и подбородок достойны лишь меня¹⁶.

Каждый в мире заслуживает свою долю,
Один съедает свою печень, а другой сахар.

Страдающий меланхолией не ладит с луной,
Страдающий желчью не ладит с сахаром¹⁷.

Гот, кто любит только аромат розы,
Не терпит все остальные запахи.

Меджнун, [обезумев] от блаженства созерцания ее,
Начал рвать на себе одежду.

Он так опьянел от вина беспамьтства,
Что свалился с ног и сбился с рук¹⁸.

Хотя и он очищал свое сердце извинениями,
Но бессилие [выдержать счастье] губило его.

Когда нож дошел до кости,
Рана дошла до гибели души.

Он издал пронзительный крик и направился в пустыню,
Удалив меч от головы, а голову от лохани [для крови].

Кружился он, словно мельничный жернов.
А Зейд следовал за ним, словно лев-самец.

Лишенный покоя, он в обществе своих зверей,
Дышал с усилием и рыдал.

Его дела обрели иной оборот,
Ибо образ любимой сопровождал его¹⁹.

Он обнимал кудри ее локонов,
Забыв о себе в стремительном беге.

Он ошибался, думая, что он — его любимая,
И вместо себя воображал ее.

Он стер с листа личность Меджнуна,
А тот последний вздох, что в нем остался, был Лейли.

Когда он созерцал [в себе] ту улыбчивую весну,
Страсть к ней увеличивалась в тысячу раз.

Он пел, будучи полон счастья,
Каждое мгновение касыды о свидании.

Он [устами] рассказывал о преданности друга,
Извлекая мозги из нутра кожи²⁰,

А Зейд все эти двустишия, словно бальзам,
Подобно кольцу свешивал с ушей своих

И воздавал хвалу за его чистоту:
«Прекрасно, какая чудесная земная [любовь]!

Поклоняется чистой любви твой сокол,
В духе религиозного долга твой намаз.

Любовь, которая далека от чистоты,
Не любовь, а слово ветра.

Любовь — зеркало небесного света,
Похоть — далека от счетов [подлинной] любви.

Чувственная любовь не вечна.
[Ни один благородный] человек не допустит любовь с похотью.

Как может любовь совместиться с похотью?
Там, где садится похоть, любовь поднимается [и уходит].

Все влюбленные, кроме тебя,
Поклоняются лишь похоти — да будет это далеко от тебя!

Подлинная любовь — твоя, а другая — что?
Подлинная чистота — твоя, а другая запрещена.

Когда чистота соединяется с любовью,
То одно доброе свойство увеличивается в десять раз.

Когда любовь бывает такой совершенной,
То чеканкой ей служит доброе имя.

Оскудело наличие доброго имени,
Оно стало лишь твоим богатством, о Низами».

85. ПРИБЛИЖЕНИЕ ОСЕНИ И КОНЧИНА ЛЕЙЛИ

Во время листопада неизбежно
С листьев падают кровавые капли.

Кровь, заключенная внутри каждой веточки,
Каплями выходит наружу из щелей.

Бутыль воды становится прохладной,
Лицо сада желтеет.

Ветки заражаются смертельной болезнью,
Листья ищут золото, но находят землю¹.

Нарцисс нагружает свои пожитки на быстроходную верблюдицу,
Самшит падает со своего престола.

Лик жасмина растрескивается,
Роза берет в руку книгу горестей.

Кудри их врага взвились над лугом
Подобно змеям вокруг головы Заххака².

Когда встречный ветер дует издали,
То падение листьев в порядке вещей.

Ибо те, кто убегают от бури (с места потопления),
От страха перед ветром бросают свои пожитки.

У немощного сада слабое сердце,
Сладкие виноградные гроздья опьянены.

Индус-садовник вешает
Негрят виноградной лозы за голову³.

Пустые головки виноградных гроздьев
Висят с ветками на фронтонах домов⁴.

Яблоко с висячим подбородком
Издевается над гранатом: «Ну, каково тебе?»⁵.

Гранат из треснутой печени своей
Проливает кровавые слезы на свое раненое сердце.

На фисташку с разорванным ртом
Издали [глядел] униаби, прикусив губы*.

На таком поле битвы осени
Цветник роз получил рану⁶.

Лейли со своего величественного престола
Упала в колодец недуга.

Сглазили весну ее сада,
Ветер трепал своими ударами ее светильник⁷.

Ее голова, на которой красовалась золотая повязка [шляпа],
Обвязалась совершенно другой повязкой.

Ее изящное тело, которое облачалось в тонкую белую рубашку,
Подобно стебельку тростника, стало слабым и бессильным⁸.

Полная луна ее [лица] превратилась в полумесяц,
И стройный кипарис ее [стана] стал как воображение⁹.

Страсть сердца дошла до головы,
А горячка головы передалась ее сердцу¹⁰.

Острая жара унесла ее росу,
Ветер подул и унес лепестки тюльпана^{11**}.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Созревший круглый померанец
По своему мускусному аромату не уступал citronу.

Крестьянин, опьяненный мугским вином,
Которым были полны кувшины, удалился домой.

Зелень цвета лазурного небосвода
Пожелтела от пыли и стала словно левкой.

** Далее в некоторых рукописях следуют еще пять бейтов:

С того дня, когда друг разлучился с ней,
Ее кипарис стал таять, словно травка.

Хотя и до этого она любила его,
Но после [его ухода] ее любовь в сто раз увеличилась.

Когда она увидела своего возлюбленного в печали,
С горящим сердцем и жаждущим ее,

Разлука с ним проложила дорогу [тоски] в ее душу,
Увеличив в десятки раз ее страсть так,

Что дело ее дошло до того, что она
Окончательно свалилась и заболела.

Озноб разбил ее тело,
Лихорадка захватила ее сахар¹².

Ее стройный кипарис склонился к постели,
И ее фазан упал с кипариса¹³.

Она упала, как падает зерно на пашню,
И воротом рубашки прикрыла лицо¹⁴.

Она открыла своей матери тайну,
Распахнула настежь двери своих тайных желаний:

«О любезная мать моя, что делать? —
Газеленок выпил яд вместе с молоком.

Мои пожитки уложены для перекочевки,
Если я оказалась слабой, не будь ты со мной суровой.

Я глотаю кровь, что это за любезность?
Я терзаюсь душой, что это за жизнь?

Столько я наглоталась тайно горя,
Что из сердца к устам подступили мои муки.

Когда душа еле дышит уже на моих устах,
Если и раскрылась моя тайна, ничего, можно.

Но если я убрала завесу тайны,
Прощайте, я ушла в путь!¹⁵

Обвей руками мою шею хоть раз, —
Да не останется моя кровь на тебе! —

В тот миг, когда я расстанусь с душой
И из-за разлуки с другом умру,

Накрась меня сурьмой из праха [ног] любимого,
Обведи мои глаза индиго из праха любимого¹⁶.

Омой мою голову розовой водой его слез,
Надуши меня благовонием его печени¹⁷.

Бальзамируй меня желтыми розами его,
Обрызгай мое тело камфарой его горестных вздохов.

Окрась кровью мой саван, ибо я мученица,
Чтобы она (кровь) служила цветом моего праздника.

Разукрась меня, как невесту,
И так введи меня в брачную комнату под землей.

Странник мой, узнав о том, что
Я отправилась в странствие из родины,

Знаю я, придет, чтобы оплакивать меня
И попрощаться с моими носилками.

Когда он сядет у моей могилы,
Будет искать свою луну, но найдет лишь прах мой,

И над моим прахом он, прахоподобный чужестранец,
Горько и мучительно заплачет.

Он, мой возлюбленный, удивительно дорогой возлюбленный,
Я оставляю его на твое попечение как память о себе.

Заклинаю тебя господом, обласкай его,
Не взирай на него унижительным взором.

Ты обласкай его сердце, которого не найдешь при нем,
И поведай ему то, о чем я рассказала тебе!⁸

Я дорожила им безмерно,
И ты, подобно мне, дорожи им.

Скажи ему: «Лейли с этим тоскливым чертогом
В тот миг, когда порвала цепи (связи),

С любовью к тебе предала тело свое земле,
С тобою (твоим именем) на устах рассталась с чистой душой.

На твою любовь она отвечала верностью,
И душу свою пожертвовала любви к тебе.

Почему ты спрашиваешь, как она ушла?
Она ушла из мира с любовью к тебе.

До тех пор, пока у нее были счеты с миром этим,
Кроме тоски по тебе, у нее не было никаких дел.

И в тот миг, когда она умирала с тоской по тебе,
Она взяла с собой в [качестве] путевых запасов горести по
тебе.

И сегодня, когда она находится под оболочкой земли,
И изнывает от страстной тоски по тебе,

Подобно ожидающим на этом перекрестке
Взоры ее прикованы к дороге в ожидании тебя.

Она ждет, чтобы ты последовал за ней,
Все время оборачивается, когда ты появишься.

Навсегда освободи ее от ожидания
Иди к ней в сокровищницу объятий*».

Сказала она это, орошая глаза слезами,
А затем направилась в другой мир.

Передав языком свою сокровенную тайну,
Она устремилась к любимому и быстро рассталась с душой.

Увидев в таком состоянии невесту такую, мать
Словно увидела светопреставление.

Она сняла с седой головы покрывало
И белые, как жасмин, волосы свои предала ветру¹⁹.

В тоске по лицу и волосам своей дочери
Била себя по лицу и рвала волосы на себе.

Все траурные причитания, которые она знала, она высказала,
Вырвала все волосы, что были [на голове].

По-старушечьи она заплакала над молодостью
И пролила кровавые слезы над своей живой водой²⁰.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще четыре бейта:

И передай это наставление от моих уст:
«О душа моя и погибель души моей,

Остерегайся и после этого не уповай
Ни на что, кроме милости Господа.

Видишь ли, ты сбился с правильного пути,
Влюбившись в себе подобного (в меня).

И при совершенстве твоего ума
Ты стал именоваться «Безумцем» — Медждуном нашего
времени.

То она проливала слезы над ногами ее,
То прикладывала свое лицо к ее челу,

Она пролила столько кровавых слез,
Что омыла кровью тот источник живой воды²¹.

Столько от горя жалостно рыдала она,
Что небо разрыдалось над ее рыданиями.

Она со стонами лила слезы, от которых камни могли
превратиться в кровь,
И орошала розовой водой ее агаты²².

Она надела на ту луну ожерелье из звезд
И сундук своего сердца заполнила горечью сердца²³.

Она разукрасила ее так, как она просила,
Она умастила розу розовой водой и амброй²⁴.

Она поручила ее земле, не страшась,
Ибо прах может покоиться только в прахе²⁵.

Дева крепостная ушла в крепость,
И горе осталось без казначея^{26*}.

* Далее в некоторых рукописях имеются еще тридцать
восемь бейтов:

Итак, она тоже расплатилась с жизнью,
Получив у мира свой счет,

Есть ли кто-нибудь, кто не расплатился за то, что взял,
И кто, выиграв, потом не платил?

Хотя рынок мира и [очень] оживлен,
Но это оживление ветреное.

Мир — злой дух в обличье ангела,
С четками в руках, а с мечом за пазухой.

Не садился в этот чертог ни один ангел,
Которого не увел бы с пути старый злой дух.

Берегись, как бы не обманула тебя эта старуха.
И не превратила в себе подобное посиневшее горбатое
[существо].

Пока не превратила этот престол под тобой в колодец,
Лучше убери свои пожитки отсюда.

Этот коловратный лазурный лук
Отвернется от тебя, если ты не отвернешься от него.

Не было [до сих пор] ни одной травинки, выросшей из земли,
Которой бы не погубил град.

Бездонен океан этого острова,
Земля его мрачна, а вода — мутна.

Корабль свой из середины его пригони к берегу,
Быть может, тогда доберешься до своего города.

Там, где находится кит-душегуб,
Речь идет не о крови, а о костях.

Ящик этого вращающегося свода
Утопает в крови благородных мужей.

Он пьет кровь, не обладая ртом,
Как же может он не погубить душу, если он бездушен?

Всех мертвецов он посыпает песком,
И от всех умерших остается лишь песок.

Чертежи рисунков этого ткацкого станка
Сделаны по мерке человеческой фигуры.

Если муж с широким сердцем в обители этой
Поразмыслит разумно и добропорядочно,

То шип покажется ему лозой, а яма — троном,
В тот миг, когда он взглянет очами прозрения.

Но в тот день, когда тоскливо
Взглянет он очами [своего] состояния,

Из-за злобы, заключенной в его природе,
Все прекрасные черты покажутся ему отвратительными.

Но тот, в чьей природе нет гордыни,
И кто не печется о наслаждении или неприятностях,

Стремится лишь к тому, чтобы из этого колодца
Найти дорогу в райский чертог,

Чтобы как-нибудь освободить свои ноги от этих цепей
И как-нибудь достичь спасения.

Ночь прошла уже, сократи сказку,
Из одного не делай двух, а делай два одним.

Где Хосров, Кай-Кубад, где Джам? —
Ушли они и уйдут все остальные.

Хитростью не спастись от этого колодца
И невозможно закрыть эту дверь препирательством.

Старался молодец и мудрствовал старец,
Но никто не развязал этот узел.

Разве из этих искателей средств [для спасения], гоняющихся
за ветром,
Кто-нибудь может постичь дела небосвода?

Написавший титульный лист этой знаменитой повести
Так расписался под концом этой развязки:¹

Когда Кейс* с разбитым сердцем узнал
О печальной кончине этой луны,

Он разрыдался, горько и горько заплакал,
Разве есть кто-нибудь в мире этом, кто бы не плакал?**.

Если взглянешь с большой высоты,
То вынесешь [весьма] темное суждение об этом мрачном как
ночь [мире].

Если же дальше потащат тебя за руку,
Ты забудешь о том, что мир есть.

Мы с такой беспомощностью
Разве можем постичь тайны небосвода?

Эта текущая вода, что так мрачна, —
Да унесет вода! — ведь она [словно] речная вода²⁷.

Убила жаждою ту невесту,
И не дала ей горсточку воды.

Когда Лейли опустилась в землю.
Спрятав [свою] сокровищницу за железными стенами,

Все арабы от разлуки с ее ликом
Расстроились словно ее волосы.

Все горевали из-за ухода ее,
Жалели и стонали.

Садик ее [могилы] стал словно райский сад для ее друзей.
Или же был как будто весенним садом.

По торжественному сиянию и чистоте своей ее прах
Стал святынищем для людей.

*. В ряде рукописей этот стих звучит:

Когда Зейд с разбитым сердцем узнал

** Далее в некоторых рукописях следуют еще тридцать
семь бейтов:

Он (Зейд) оделся в трауре по ней во все черное
И был словно угнетенный искатель правосудия.

Увидев благородный лик ее могилы издалека,
Он упал, как падает тень от света,
Начал ползти, как ползает змея,
Или как ползет человек по колючке.

Столько он причитал, перечисляя горести и страдания,
Что все горизонты стали черными от его горя.

[Вдруг] он [сорвался] от сада [могилы] той сияющей свечи
И помчался по дороге в пустыню.

Он мчался, словно стрела из лука,
Или как охотник, гоняющийся за дичью.

Прибыл он [наконец] к тому сбившемуся с пути,
Поглощенному ночью, у которого погасла свеча.

Сел перед ним, плача и рыдая.
Взволновал его своими слезами.

Он беспрестанно ударял себя в грудь, плача,
И бил головой оземь, горюя.

Меджнун, увидев приметы его состояния,
Заметив, в каком жалком и страшном он положении,
Спросил: «О брат, что постигло тебя,
Что огнем дышит дым твоих стонов?»

Почему изуродовал ты свое лицо?
Почему облачился во все черное?»

«Потому,—ответил Зейд,—что судьба отвернулась [от нас],
Мера [наших] дел изменилась.

Черная вода выступила из земли,
Смерть явилась из-за железной двери.

Град побил наш сад,
И от нашего куста розы не осталось и листа.

Наша прекрасная луна свалилась с неба,
Наш стройный кипарис свалился на лугу.

Лейли ушла и убрала свои пожитки из мира,
Жила с клеймом [страданий] по тебе и так же умерла!»

Меджнуна словно резанули мечом по плечу,
И, потрясенный, словно землетрясением, он лишился чувств.

Он воспламенился, словно поверженный молнией,
И упал, пораженный громом, и сгорел.

Некоторое время он лежал поверженный на земле,
Затем вскочил, корчась в пляске и взметнув голову.

«О злосчастный, что это за злосчастливая судьба?
Что за насилие над беззащитным, слабым?

Разве можно такую молнию обрушить на травку?
Разве так можно сокрушать мурашку?»

Он пришел к почтенной могиле, бушуй,
Подобно облакам, громко расплакался.

У ее священной могилы, где бурлила кровь,
Лучше не спрашивай, каково было состояние злосчастливого.

Он проливал из глаз кровавые слезы,
Люди [в испуге] убегали от его воплей.

Он извивался по плите ее могилы в бесчисленных муках,
Словно змея вокруг сокровищницы.

На одну мурашку ополчилась тысяча адов.
Ведь искорки достаточно для мурашки.

Кровавые слезы можно проливать по [размеру] чашки,
Кубок [горестей] можно преподнести соразмерно с устами.

Я [злосчастный] сгоревший, тот держатель светильника,
Который от одного прикосновения ветра гибнет.

К чему ты напустился на меня с мечом,
Ведь я не дракон, а просто комар».

Такие вопли он издавал,
Подобно зверям, бегая по пустыне.

Тело его было измождено, а одежда разорвана,
И звери [с любопытством] наблюдали за ним.

Он так горько проливал слезы,
Что глаза всех [зверей] утопали в слезах.

Зейд бегал за ним, словно тень,
И просил помощи у его тени.

Так долго он, плача и рыдая,
Блуждал по горам и пустыням.

Но, как это свойственно природе [человеческой],
[Наконец] пожелал посетить [могилу] возлюбленной.

Он спросил у Зейда о месте ее могилы
И затем прирос к могиле ее, словно трава.

Пошел не так, как его собеседники,
Буйствуя, словно пьяные,

Более горестный, чем можно описать,
В более жалком виде, чем можно говорить об этом.

С разбитой головой и разорванным сердцем,
С вырванными с корнем волосами,

Поникший, с согбенным станом,
Творя светопреставление в мире этом.

Столько он пролил тюльпановцветных слез,
Что травки вокруг ее могилы стали расти тюльпанами.

Он выжал из сердца кровавые слезы, словно свеча,
А затем своим огненным языком начал причитать*.

Склонив голову над могилой,
Горько плача, говорил:

«О свежая роза, наступившая осенью,
Ушла ты из мира, не повидав мир**».

Каково тебе под тяжелой землей?
Каково тебе во мраке могильном?

* Далее в некоторых рукописях следуют еще одиннадцать бейтов:

«О горе мне, что делать, что придумать мне?
Ведь я сгораю от горя, словно свеча.

У меня была дейлемовенечная возлюбленная,
И она была единственным достоянием моего царства.

Этот старый царь с обычаями дейлемцев,
Отнял ее у меня силою палицы.

Такова была моя госпожа крепости
И так завершилась моя служба в крепости.

У меня в руках была моя свежая роза.
Но пришел ветер и рассеял ее лепестки.

Я избрал на лугу благородный кипарис,
Но рука смерти бросила его на ветер.

Мое дерево расцвело весной,
Но горе мне, моя судьба не удержала его.

У меня был пучок свежих фиалок —
Прекрасные, они словно росли в моем сердце.

Но жестокий насильник похитил их у меня,
Я сажал [и лелеял их], а другой сорвал.

Я в мире этом избрал себе базиликоликую,
И кроме ее лика ни на что в мире не взирал,

Но вор явился из засады,
Сорвал мой базилик и бросил на дорогу.

** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

О мой сад, но разоренный,
Плодоносивший, но не вкусивший плодов.

Каково той родинке, подобной мускусному зерну?
Каково твоим газельим глазам?

Каково твоим сочным агатам
И твоим прекрасным мускусным [локонам]?

Твой образ какими красками живописуют?
Твою свечу в какой подсвечник ставят?

Перед чьими очами ты красуешься?
В чьем сердце благоухаешь?

Твой кипарис у какой речки возвышается?
Твой пир на каком лугу тюльпанов устроен?

Как ты переносишь уколы шипов?
Как ты проводишь [время] в той пещере?

В пещере обычно обитают змеи,
О луна, разве твое место в пещере?

Любимая, я горюю над тем, что ты в пещере,
Как мне не горевать, если ты подружилась с пещерой?

Ты стала опять сокровищем, ибо ты под землей,
Если ты не сокровище, то почему ушла туда?

На поле у каждого сокровища, что спрятано в пещере,
Сидит змея.

Я, лишенный покоя, своим лоном, словно змея,
У твоего праха охраняю свое сокровище².

Ты была взвихрена, словно песок на дороге,
Теперь же успокоилась, словно вода в колодце.

На твою долю словно выпало одиночество [отчужденность].
Нет ничего странного в том, что луна одинока³.

По виду ты хотя скрыта от меня,
По сути ты скрыта у меня в душе⁴.

Если ты удалилась от моих страдающих очей,
Но ни на мгновение ока ты не удаляешься от моего сердца.

Хотя образ твой исчез,
Мысль о тебе осталась вечной»*.

Сказав это, он заложил руку за руку
И закурился ручкой браслета, выйдя из хора.

Направился он в край [возлюбленной] своей
В сопровождении горсточка зверей.

Он гнал в пути верблюда пляски
И слагал стихи о разлуке⁵.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще тринадцать бейтов:

Я запечатлел память о тебе в сердце,
Разве может изгладиться память о тебе из моей памяти?

Ведь страдания по тебе не изгладятся из памяти.
Ты хоть сиди, хоть спи.

Если твой гнедой скачет впереди,
То это потому, что мои ноги хромают.

Ушла ты из этих развалин и освободилась,
Теперь восседаешь на пиру в Иреме.

Я тоже, как только освобожусь от этих оков,
Последую за тобой через несколько дней.
Вот я совершил [обрядовый] круг вокруг твоей колыбели
И остался верен тебе и уговору [о любви].

До тех пор, пока встретимся с тобой под этим прахом,
Да будет твой саван чист от моей крови!

Да будет рай твоим вечным местопребыванием!
Да покоится твоя душа в святилище Господа!

Свеча твоей души на подсвечнике благодати [господней]
Да пламенеет вечно!

Затем он промолвил: «Я прошу у тебя разрешения
Ради тех, кто наблюдает за мной с дороги,

Прочешь мне три-четыре горестных двустушия
По поводу кончины твоей, о светильник моей души.

Ведь все они ждут от меня этого,
И ты дашь мне указание [на этот счет], я надеюсь!»

Затем он перешел к изложению
Элегии, в которой было сто рассказов.

87. ЭЛЕГИЯ МЕДЖНУНА НАД
МОГИЛОЙ ЛЕЙЛИ*

Друзья, на горести времени гляньте,
На эти бессчетные муки гляньте!

Похитительница сердца ушла, а влюбленный остался без
сердца,
На похитительницу сердца и на влюбленного гляньте!

На того, у кого было существо дороже души,
Теперь на униженного без дорогой души гляньте!

Сделай глаза зорче Макушек¹,
На тесную могилу и мрачную гляньте!

На павлина, стремившегося к раю,
В логове мурашек и змей гляньте!

На ту, что была покоем души влюбленных,
Покоящуюся в могиле, гляньте!

На украшение сердец влюбленных
В сердце жалкой могилы гляньте!

На госпожу крепости красоты
В крепости черной земли гляньте!

На царственную жемчужину
В гнилой земле с дурной жемчужиной гляньте!

На свежий розовый лепесток,
Измученный невгодами, гляньте!

На стройный кипарис и прекрасную луну,
Покрытых разной пылью, гляньте!

На расстроенный из-за этого бедствия
Коловратный, сердце разбивающий небосвод гляньте,

Чтобы выиграть души, какую игру,
Ловкость и азарт показывает небосвод, гляньте!

На повсеместную битву небосвода,
Стремящегося сокрушить наши дела, гляньте!

* Принадлежность этой главы Низами сомнительна.

Из-за разлуки с ее лицом, прекрасным как кумир,
На мое расписанное кровью лицо гляньте!

Без ее лика, похожего на цветник тюльпанов,
На мое лицо, ставшее словно цветник тюльпанов, гляньте!

В тоске по цветнику тюльпанов ее ланит
На мои вздохи и стоны гляньте!

На зверей и хищников пустыни,
Которые оплакивают вместе со мной ее смерть, гляньте!

Без Лейли и ее прекрасного, как кумир, лика
На все эти ночи без дней гляньте!

И ночью и днем в разлуке с пей
На мою исполосованную грудь гляньте!

На мою душу, пострадавшую в горестях по ней,
С жалостью и милосердием гляньте!

На мои кровавые слезы, которыми я омываю
Ее чистую могилу, от чистого сердца гляньте!

Похитительница моего сердца, как вы видели, ушла под
[Теперь же] на этого прахоподобного, лишённого сердца,
землю,
глядяте!

Смерть унесла мою желанную раньше меня,
[Теперь же] на мою добровольную смерть гляньте!

Та луна обрела то, к чему стремился я,
На мою сумасбродную судьбу гляньте!

Конец нити любви был в руках у меня,
Теперь же на эту жесткую нитку гляньте!

Знайте, что луна в пасти дракона,
На израненную шипами розу гляньте!

Мир этот пожрал тысячу таких, как мы,
На этот мир, пожирающий людей, гляньте!

Каждый позор, что есть [в мире], считайте славой,
А на каждую славу, что есть [в мире], как на позор гляньте!

Лишь одной крупницы на весах смерти [моей] не хватает,
На мою стойкость и на эти весы гляньте!

Вы видели как спас я свою душу от любимой,
[Теперь же] на то, как я отдаю душу за любимую, гляньте!

Вы видели, кем она была и как умерла,
Вдумайтесь в это [назидания ради и] доверительно гляньте!

Займитесь своими и господними делами,
И тогда на блеск и удачу дел своих гляньте!

После ее кончины на мою кончину —
По милости создателя! — гляньте!

Она ушла и обрела милость господнюю,
На [эту] одну [милость] воистину, как на тысячу, гляньте!

За то, что я задержался последовать за нею,
Истинно [говорю], на меня с презрением гляньте!

Но если захочет Аллах скоро, совсем скоро
Увидите, что я присоединился к ней, и на нас вместе гляньте!

* *
*

Для описания состояния разлуки
Не осталось ни одного слова о преданности [которое бы он
не высказывал].

Он окрашивал пески своими слезами
И в отчаянии он бился головой о камни.

В пути не осталось ни одной колючки,
Которая бы не воспламенилась от [огня] его стонов.

В пути не осталось ни одного камня,
Который бы он не окрасил своей кровью.

Когда ему стало тяжело от слез,
Желание [посетить] возлюбленную подняло его [на ноги].

С горы он спустился, словно поток,
И направился к могиле Лейли.

Положил он голову на изголовье ее могилы,
Тысячекратно целуя ее прах.

Могиле своего преданного идола
Он излагал свои горести, горько рыдая.

Он был поглощен своим делом и горестями,
А звери и хищники стояли вокруг.

Он образовал из своих слез целый источник воды,
А они образовали неприступную крепость вокруг него.

Они не отрывали своих взглядов от него
И никого не подпускали к нему.

От страха перед хищниками в той местности
Всем людям дорога стала закрытой.

Пока он не ушел, ни птицы, ни муравей
Не могли подойти к той могиле.

Вот так он чернил лист [жизни]
И перечеркивал во имя страсти жизнь свою.

Дня два-три с собаками той деревни
Прожил он так, что смерть лучше той жизни.

То он делал могилу возлюбленной кыблой,
То он гнался за онаграми в пустыне.

Его место находилось [словно] в глазу муравья.
От могилы до могилы [бегали] его ноги².

Но под конец, когда он обессилел от всего этого,
Пришлось ему тоже почитать книгу отъезда*.

88. САЛАМ БАГДАДСКИЙ ВО ВТОРОЙ РАЗ ВСТРЕЧАЕТСЯ С МЕДЖНУНОМ**

Писец истории любовных игр
Рассказывает на основе арабских письмен:

Саламу захотелось еще один раз
Пойти на поклон к тому пленнику [горестей],

Он вскочил и направился в путь
И в течение целого месяца рыскал по пустыням и горам.

Он направлял узду [своего скакуна] во все стороны,
Искал его, но никаких следов его не находил.

Под конец в узкой долине увидел его
С израненными ногами меж камней.

У него совсем были разбиты крылья и перья,
Состояние его окончательно изменилось.

Так было пронзено [все его существо] всякими колючками,
Что рана его сердца зияла через раны его тела.

* Далее в некоторых рукописях следует приводимая ниже глава.

** Принадлежность этой главы Низами сомнительна.

Взглянув на него [Салама], горемыка
Спросил его: «Откуда ты, о благородный муж?»

«Я исстрадавшийся Салам, — ответил тот, —
И пришел из дальней дороги к тебе на поклон».

Услышав объяснение его дел, Меджнун
Узнал его и заключил в объятия.

Он удалил с его дороги зверей,
Словно огонь от воды и тень от света.

«Почему ты утруждаешь себя снова? — воскликнул он. —
Ведь ты и в первый раз был обижен мной.

Я сокрушен горестями, а ты изнежен,
Ради чего же ты общаешься со мной?»

Раз вначале ты не мог поладить со мной,
То какая же нужда под конец привела тебя ко мне?

Но раз ты прибыл сюда, о благородный муж,
То невозможно говорить тебе: «возвращайся обратно».

Ты изложи свою нужду, и я исполню ее
Ты скажи свою просьбу, и я удовлетворю ее».

Благодарный Салам воздал много
Благодарностей за каждое его слово:

«Я и раньше был облагодетельствован тобой,
За что от души я возблагодарил тебя.

И до этого, по мере возможности,
Ты одаривал меня сокровищницей твоих милостей.

Ведь ты подарил целое сокровище из таящихся в твоей душе,
Ты подарил мне целый клад из крепости своей груди.

Ты наполнил мои пустые руки и рот
Своими касыдами словно жемчужинами.

И вот снова [меня] захватила страсть явиться к тебе
И похитить из твоего сада [подобные] плоды.

Если ты постареешь, я приму от всей души,
Если же нет, то направлюсь в путь к себе домой.

Но меня удивляет то, что в этот раз
Я не вижу тебя готовым к этому делу.

Что за муки ты испытал в этом году?
Ведь ты не тот человек, которым был в прошлом году.

Я вижу, что крыло твоего веселья сломано,
Я вижу, что твой порыв и волнения улеглись.

Поведай мне о том, как твои дела,
Каков ты и какова с тобой твоя возлюбленная.

Услышав вопросы своего друга, Меджнун
Вышел из дела (взволновался), ибо дела нахлынули на него
(он вспомнил о своих делах).

Он некоторое время горько рыдал
В тоске по идолу, заключенному в [земную] крепость.

Исторгнул он из души холодный стон:
«О горе, горит мое сердце от горя.

Оставь меня, почему спрашиваешь о моих делах,
Какая возлюбленная, о моей возлюбленной что ты
спрашиваешь?

Где моя возлюбленная? — Она под землей,
Да заполнится прахом мой рот, если это не чистая ложь!

Нет, та гуриеродная, с верным нравом,
Поконится в райском чертоге.

Она умерла, но ее светильник горит,
Я жив, но умер из-за клейма [тоски] по ней».

Много слов на листки этого содержания он наизал,
Много листов заполнил этими словами.

Он проворно схватил Салама за руку,
Повел его на священную могилу и сел там:

«Вот моя периликая возлюбленная,
Вот погибель моей души, и вот она,

На просторах смерти и жизни
Вот она гоняет меня беспечно.

В школе любви и любовных игр
Вот эта моя возлюбленная со сладкими устами.

На ристалище красноречия и искусства златоустов
Вот это она, госпожа моих слов и речей.

Красавица с медоточивыми устами
Вот это она, моя поэтесса и чтица моих стихов.

Она перебралась душой из благоустроенного края в
развалины,
Вот это она разрушила мой дом и мое имя,

Она предпочла разлуку слиянию со мной,
Вот это она, радость моего сердца и похитительница моей души,

Ты спросил о моей луноликой,
Вот это моя любимая лунолика.

Она спрятала свое лицо в цветнике роз,
Вот это она, украшение моего цветника.

Убрав [свои пожитки] из каравана, она ушла,
Вот это она, грабительница моего каравана.

Ты спроси о том, где находится похитительница моего сердца,
Вот это моя похитительница и утешительница сердца.

Ты видел [ее] и слышал о ее красе,
Вот это она, больше ничего не знаю, вот это она,

Не спрашивай меня о ее тайных делах,
Вот это то, что я могу открыто сообщить тебе о ней».

Когда Салам увидел его плач,
[И понял, что он] лишился друга и покоя,

Его рыдания [сильно] подействовали на него,
И он тоже увлажнил свои глаза, плача.

Проливал он из глаз розовые слезы.
И с каждой ресницы бил ключ крови.

Затем он ответил ему нежно,
Одобряя его поступки, выражал соболезнование:

«От ухода твоей райской розы
Разбился корабль моей души в волнах.

Душа моя утонула в горестях из-за тебя,
Ведь молния [твоего сообщения] тяжко сокрушила меня.

Твое лицо от ее вспышки озарилось,
Но, клянусь господом, моя душа сгорела».

Подобным любезным красноречием
Он сыпал соль на его рану.

Месяца два или три он окружал его своей лаской
И ладил с ним, каков бы ни был он.

Каждое двустипие, которое он слышал от него тогда,
И все, что было сказано им в течение десяти лет,

Из притч, отрывков и касид,
Одно за другим написал на листках.

Записав все, что было им сложено,
Он попросил разрешения вернуться обратно.

Все, что он запомнил у него,
Он привез в дар Багдаду.

Не отворачивайся, словно гора, от потока,
Получай пощечины и не отворачивайся лицом.

Камень, который отскочит от твоих сапожков,
Возьми и поцелуй, говоря: «Какой прекрасный рубин!»

Тот уксус, что кипит в тебе,
Выпей, закрыв глаза, выпей.

Эту дорогу до конца можно пройти только любовью
(верностью)
И можно спасти от нее душу, лишь терпя муки.

Злоупотребляющий утренним вином [всегда] в дурном хмелю,
А пьющий изящно — приятен, словно вкусная вода.

Будь ты добронравым, как текущая вода,
Куда бы ты ни шел, доставляй радость.

Вода, которую пьют люди из стоячих канавок,
Не такая прохладная, как в текущем ручейке.

Мир бытия стал твоим прахом,
И, подобно праху, не поклоняйся миру.

89. КОНЧИНА МЕДЖНУНА У МОГИЛЫ ЛЕЙЛИ

Избранник певцов слов
Так доканчивает ту повесть:

Тот сожженный урожай, [слава своего] времени,
Стал от зерен слез, словно целое гумно.

Ручная мельница неба раскрошила его мелко,
Раскрошив мелко, снова проглотила его¹.

Его состояние стало более печальным,
Он еще больше обессилел и исхудал.

Нет такой раны, которая не была бы растравлена горем,
Или не была бы расцарапана ногтями гнета.

О ты, кто словно старый мельничный пшак хромает,
Твое янтарного цвета лицо — горячий пластырь на ране*.

Избегай ты этой вращающейся огромной мельницы,
Ибо она избегает спасения людей.

Не сиди в доме этом, омываемом потоком,
Идет поток, вставай, не сиди.

Пока коловратная [судьба] не разбила моста,
Проскочи на своей быстроходной верблюдице через этот мост*.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще тридцать
бейтов:

Пупок мира, что складка в складке,
Наполнен ветром, что представляет собой ничто в ничто.

Не будь дерзок, полагаясь на основание,
Которое держится лишь на ветре.

Поторапливайся, ибо покой ушел из мира,
Гони быстрее, ибо караван уже ушел.

Этот кровожадный семиглавый дракон
Окружил тебя кольцом, словно змея.

Если внимательно посмотришь на свою макушку и ногу,
То [заметишь, что] ты находишься в кольце дракона.

Выпрями сердце и не опасайся бедствий,
Проглатывай яхонт и не бойся холеры.

Та старуха, у которой нрав дракона,
Как раз та старуха, которая сама есть дракон.

Оставь мир, ибо он — большая дорога для разбойников
И нечестный игрок, ворующий шарик.

Ты старайся, чтобы удары не оказались мимо, пока можешь,
Ибо каждый кривой удар твой обернется против тебя.

Сойди ты со скакуна для господ
И беспомощно покажи, как ты падешь,

Дабы лев смерти, когда нападет на тебя,
Сжалился над твоей беспомощностью.

Оставь ты высокомерие, ибо оно не подходит тебе,
Если хлеб не твоя пища, то оставь его.

Ты стремишься порвать с любовью к другу,
Говоришь, что скажешь, но не говоришь.

Этот замок, на который закрыта твоя грудь,
Охраняет золото в утробе сокровищницы.

Он словно старуха, из-за невыносимости которой
Ты желаешь ее смерти, чтобы заполучить золото ее.

Пока не покажет тебе своего лица, она кажется хумам,
Но когда показывает лицо, оказывается, что она дракон.

Умный, оказавшись в темнице,
Ищет дорогу, чтобы убежать оттуда.

Ты решил, что это могила,
Но нужно здесь найти солнце.

Ты в темнице мира, в конце концов
Поищи дорогу [для спасения], ведь ты знаток дорог.

Ведь можно добраться до дна этого дела
И можно избавиться от мучений этого груза.

Сила сердца и зоркость глаз
Созданы не ради глупой забавы.

Ты считаешь себя тусклым светильником,
Но [на самом деле] ты — украшение семи [небесных] садов.

Твое царство — наднебесный мир,
Все сущее находится в твоём распоряжении.

Ты — властелин Сельджукид над первым коленопреклонением,
Ты — наследник последнего сущего.

Глянь ты на свой стан, словно небосвод,
И оберегай свое достоинство.

Не извивайся по земле, ибо она пыльна,
Ты не согласуйся с природой, ибо она искриста.

Поставь ногу на голову самомнения,
Дабы возвыситься до макушки небосвода.

Не привязывайся к земле, ибо она — пыль,
Не дружи с природой, ибо она искрится огнем.

Наступи ногой на голову своего достоинства,
Дабы на макушке небес было твое место⁵.

Мир этот вечно не останется тебе,
И ты не поклоняйся тому, что не вечно.

90. ПЛЕМЯ МЕДЖНУНА УЗНАЕТ О ЕГО КОНЧИНЕ

Когда Меджнун убрал свои пожитки из этого мира
И избавился от [постоянных] упреков людей мира,

Когда он лег спать у паланкина своей невесты
И сон похитил его, сомкнув ему глаза,

Когда он, не нашедший покоя в этом дымном дворце,
Уснул и обрел вечный покой,

[Труп] его лежал в том же состоянии [у могилы],
Слышал я, то ли месяц, то ли целый год,

Ибо добровольно сторожившие звери
Кольцом окружили его,

Он спал, словно царь, на катафалке,
А они все несли его охрану.

Они обосновались вокруг святилища
И у могилы они сделали себе ложе.

От страха перед зверьми слева и справа
Был закрыт доступ для людей.

Наблюдавшие издали, увидев толпу зверей,
Которые волновались, словно пчелиный рой,

Думали, что тот странный страдалец
Находится там и сидит среди них как обычно.

А звери, словно богатыри-меченосцы,
Храбро охраняют своего царя.

Не ведали они о том, что царь умер,
Что ветер унес его пояс и венец.

Из его тела вытекла вся кровь,
И жемчужина [его существа] погрузилась в прах.

От сотрясения кружащихся небес
Он сгнил и рассыпался во прах.

От всего его тела со всеми его приметами
Не осталось ничего, кроме костей.

Но от страха перед матерыми волками, грызущими кости,
Никто не мог приблизиться к его костям.

До тех пор, пока звери находились там,
Никто не мог ступить ногой к тому светильнику.

Людам свойственно защищать [друг друга],
Но подобная человечность зверей странна.

Прошел целый год, и лишь после этого звери
Без желания и по воле нужды разбрелись*.

[Время] коловратное — талисман от сокровищницы,
И оно сокрушило того, кто был замком на сокровищнице.

Смелые люди, проходившие по тому перекрестку,
Проложили дорогу к тому святилищу.

Они увидели, что некто любезный лежит там,
Плоть его истлела, а остались [пустые] кости.

Когда они внимательно осмотрели его,
То по велению чутья узнали его.

Слух об этом распространился всюду,
И среди арабов это известие распространилось.

Его родственники, друзья и праведные
Все собрались печальные.

Пошли и осмотрели его,
И разорвали одежду на себе, били по телу.

Его скелет, оставшийся без жемчужины,
Лежал, словно белая раковина¹.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Некоторые из них отвыкли от привязанности к нему,
А некоторые умерли в знак солидарности с ним.

Вокруг его раковины словно жемчужину очистили,
А затем снова умастили его амброй с помощью раковины².

Его прах, как амбра, сам источал мускус,
Ибо он приятно благоухал ароматом любви.

Они разрыдались, оплакивая его,
И оросили его дождем слез.

Влагодй очей они чисто омыли его,
И из праха праху предали его.

Рядом с могилой вырыли яму,
И положили его рядом с Лейли*.

И уснули они нежно до дня воскресения,
И с [жизненного] пути исчезли укоруы.

В этом мире они жили в одном уговоре,
И уснули в том мире в одной колыбели.

Как позволяли обычаи [того времени],
Вокруг могилы их они разбили цветник.

Цветник, который стал источником зависти садов,
И местом паломничества влюбленных.

Кто бы ни приходил туда из скитальцев и страдающих,
Тотчас же исцелялся от недуга и печали.

Никто не уходил из того цветника
До тех пор, пока не удовлетворялась его нужда^{**}.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Шаха повели в винный погреб
И передали его пьяным его виночерпию.

Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Господи, раз беспорочно и чисто
Отошли из этого мира эти два земных существа,

Дай им покой и милость свою
И своим благословением одари их.

Мы тоже не будем жить вечно;
Когда черед дойдет до нас, ты сам знаешь [как поступить с нами].

91. ЗЕЙД ВИДИТ ВО СНЕ ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН В РАЮ*

Зейд — чистый, благородный муж, служитель любви,
Да будет сотни милостей Истины над ним! —

От могилы тех двух родников света
Никогда не удалял своих стоп.

Двустиише, которе было просверлено ими
И сложено соответственно их состоянию,

Зоркостью глаз и тщанием слуха
Разыскивал, и, находя, все [стихи] собирал вместе.

Он не прятал от ушей тех подвесок (стихов),
И каждый, кто слушал их, воздавал [Зейду] хвалу за них.

[И] сказание об этих двух влюбленных
От него распространилось в мире.

Однажды думы о тех светильниках душ
Заполнили его душу. [Он подумал:]

«Каково вместе за завесой
Тем новобрачным, не вкусившим плод [любви при жизни],

То ли они под черным прахом превратились в кирпичи,
То ли восседают лучезарно на райском престоле».

Когда ночь развязала свой [мускусный] пупок
И покрыла лицо дня мускусом,

Увидел он во сне ангела
В лучезарном райском саду

На просторе под высокими деревьями,
Блаженном, словно сердца счастливец.

Сад утопал в цветах,
И каждый розовый лепесток был словно светильник.

На каждом лугу, словно ясные очи,
Красовались навесы лазурного цвета.

* Принадлежность этой главы Низами сомнительна.

Голубее даже хризолита не бывает,
Лучности предела не было.

Раскрывшиеся розы с чашей в руках,
Соловьи ольяненные заливались песнями

Смычки руда трудились, извлекая напевы,
Горлицы пели чудесные песни.

В тени розы солнцеподобной
Красовалось ложе на краю ручья.

Ложе было украшено шелковыми покрывалами,
Словно прекрасные покровы [всего] рая.

Два благородных ангела блаженно
Восседали, предаваясь веселью.

С ног до головы они были залиты светом
И были разукрашены, словно гурии.

В руках у них были чаши, а перед ними — весна,
И они вдвоем были заняты своей беседой.

То они прикладывались устами к устам чаш,
То их губы сливались в поцелуях.

То они беседовали меж собою,
То они засыпали, когда им хотелось.

Один старец был у них на службе,
Положив голову на изголовье их ложа.

Ежесекундно он готовил драгоценности
И сыпал на голову этих людей.

Созерцатель этого сновидения тихо
Спросил у небесного старца:

«Эти стройные, как кипарис, с чашами в руках
Как именуются в этом саду Ирема?»

Эти отдыхающие в обители души
Откуда обрели такой высокий сан?»

Тот старец, тотчас же обретя дар речи,
Ответил ему на своем немом языке:

«Эти единственные два влюбленных
Являются вечными друзьями.

Этот стал царем мира своей честной игрой,
А эта — луною всех кумиров своей душевной лаской.

Прозвали ее Лейли — «Ночью», хотя она — луна,
А этого прозвали Меджнуном — «Безумцем», хотя он — шах.

Эти два непросверленных рубина
Находились в одном ларце любви под печатью верности.

Они не обрели покоя [при жизни] в мире
И не достигли своих желаний.

Здесь же теперь они не ведают, что такое грусть,
И во веки вечные они останутся такими.

Тот, кто не вкушает плода [счастья] в том мире,
Вот так возвышается в мире этом.

Тот, кто в том мире печален,
Вот так радуется в мире этом».

Когда утренние лучи, освещающие мир,
Подожгли огнем дня урожай [гумно] ночи,

Зейд проснулся от сладкого сна
И обнаружил все те тайны о том,

Что кто обретет место в том мире,
Ступит ногой на голову удовольствий этого мира.

Этот мир бретен и из праха.
А тот мир вечен и чист.

Чистый [мир], в котором обретается вечность,
Лучше, чем мир из праха, который бретен.

Берегись, будь разумен, берегись,
Чтобы не отдать ту розу за этот шип.

Ты в поисках алмаза можешь лишиться рудника,
Ибо тебе не дадут его, а из него ты уйдешь сам.

Ты передай себя святилищу любви,
Дабы освободиться от себя окончательно.

В любви будь ты стремителен как стрела,
Дабы не упасть далеко от цели.

Так как стреле свойственно правдивое дело,
То поэтому она удостоилась рук [луков] властелинов

Развязывательница узлов бытия — любовь,
Спасительница из водоворота самопоклонства.

Каждый горький напиток, который вкушает душа,
Если преподносится любовью, укрепляет душу.

Много напитков горьких, словно яд,
[Преподнесенных] любовью, приносило пользу, словно противоядие.

Хотя этот напиток и горек,
Но если виночерпий его — любовь, нечего бояться!

Хотя это состояние [их] и было мучительным,
Но оно было приятным, ибо вызвано было любовью.

В море слов нога уже доходит до дна,
А корабль достиг [берега] небытия, опомнись!

Эта повесть дошла до полного конца,
Слава Аллаху, о Низами!

Да послужит эта повесть ключом от всех закрытий,
Да принесет благодать чтение ее.

Начало ее озаглавлено счастьем,
И конец ее да будет благословенным.

92. ЗАКЛЮЧЕНИЕ КНИГИ С ИМЕНЕМ ШИРВАНШАХА

О шах, о государь, о оплот мира,
Не один раз шах, а тысячу раз шах!

Первый Джамшид по покорению престолов,
Второе солнце до бесподобности,

Шах Ширвана со станом как у Кай-Кубада,
Великий Хакан Абу-л-Музаффар.

Нет, не шах Ширвана, а шах всего мира,
Второй Кай-Хосров, шах Ахсатан,

О перстень царского счастья,
Да не будет без твоего перстня царства!*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще пять бейтов:

О честь человеческого рода,
О ты, кем благоустроены царства обоих миров.

О прекрасный источник, обильный как море,
Чья праведность и чье величие в [полном] порядке.

В тот день, когда в сопровождении благостной судьбы,
Возвышаясь головой выше небосвода,

Ты будешь радостно развлекаться,
Читая эту прекрасную повесть,

И из образа этой невесты мыслей
Будешь извлекать то сокровище, то невинность¹.

Да будет так, чтобы ты старался ободрить ее
И облечь ее в шелк своих восклицаний «Прекрасно!»

Ты великодушен, и я уповаю, что
Ты окажешь подобную милость.

Хотя чистое сердце и победоносное счастье
И являются твоими добрыми советниками,

Все же и от этого советчика с божьей благодатью
Выслушай два-три слова [словно] утренняя [молитва].

Посмотри, сколько голов погубил мир,
И сколько царей он пережил.

Ты, бдительный шах, знающий свое дело,
Становись же [теперь], если сможешь, бдительным тюрком.

Ни одному доброжелателю невинному
Не отрубай шею мечом.

Вручи мир желанию мира,
Ибо лучше, чтобы ты остался в мире².

Царство, которое достойно твоего стяга,
Само находится в святилище твоей власти³.

Твоя щедрость и великодушные дары беспредельны,
Но если еще увеличишь их, то от этого вреда не будет.

О ты, чей перстень — печать царства,
Великое море подбирает колосья [от таких щедрот].

О безбрежный океан, в тебе
Заключены тысячи жемчужин мыслей.

Сотни морей знаний заключены в тебе,
Ты обладаешь достоинствами тысячи Лукманов.

Не ослабляй повода в осуществлении дела,
Которое полезно для твоего государства.

Откажись от всего, от чего страдает твое торжество,
Даже если это будет сокровищем и рудником драгоценностей.

Не допускай ни на один волосок слабости
В деле расцвета царства⁴.

Если враг запускает язык для просьб о прощении,
Опасайся его и прогони со двора.

Будь могущественным, но сдержанным (терпеливым),
Пей вино, но будь [всегда] трезвым.

Если десница твоя могуча на любое свершение,
Все же уповай на помощь Господа.

Хотя ум твой бдителен,
Все же не пренебрегай мнениями других.

Не отправляйся никогда на войну [вместе] с двуликим,
Дабы чеканка получилась ясной после тиснения.

Избегай общества человека,
Который бывает то мягким, то дерзким (острым)*.

Куда бы ты ни ступал ногой,
Подумай прежде об отступлении ногой.

Если можно сделать дело за девять шагов,
То лучше не потратить на это десять шагов.

Посылай весть тем, кто требует правосудия,
Только через людей с правдивым языком.

Будь ты крепок в слове так,
Чтобы тот, кто просит пощады у тебя, ничего не опасался.

Не позволяй никому, не испытав его,
Быть с тобой фамильярным и дерзким⁵.

Не доверяй ничьему уговору
До тех пор, пока он [окончательно] не утвердится в твоём
сердце.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:
Ничто представляет собою, даже быть может ничего не стоит
Тот, у кого внутри два закрыщика,

Врага малого не считай ты незначительным,
Словно колючку, которую легко можно убрать с дороги.

Не оскорбляй ничей слух обидными [словами].
Ибо он может обидеть тебя своим оскорбительным ответом.

Того, кого ударил ты, вырви с корнем,
И того, кого возвысил ты, не низлагай.

Что бы ты ни накапливал денно и пошно,
Больше всего накапливай добрую славу.*

Не спеши убивать того, кто беспомощен,
Если даже он является твоим кровным врагом.

Не беспокойся из-за того, что цель желания далеко от тебя,
Ибо твое счастье само приведет ее к тебе через дверь.

Все сказки этого рода, которые рассказываю я тебе,
Лишь предлог, чтобы поговорить с тобой.

[Знаю я], о государь мира, твое [мудрое] сердце
Не нуждается в подобных поучениях,

Так как тебе принадлежит [право] указывать путь,
То ты можешь давать только мудрые указания.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще восемь бейтов:

Уотя и дозволено тебе [пить] вино,
Все же избегай ты этого незаконнорожденного.

Хотя и по утрам [приятно] пить вино.
Но пей вино так, чтобы твой враг опьянел.

Пей столько, чтобы не захмелеть,
[Ибо хмель] приводит к скверне идолопоклонства.

В те дни, когда ты немного обрадован,
Возжигай руту от дурных глаз.

Ночами же, когда тебе весело,
Дуновением молитв освежи себя.

На пиру с вином будь радостен лицом,
Дабы подогрелось веселье на том пиру.

Выказывай львиную [отвагу] во время общих приемов,
Дабы никто не бахвалился своей доблестью.

Спешి восстанавливать все, что разрушено,
Ибо в этом деле спешка целесообразна.

Да послужат тебе добрые молитвы праведных мужей
Непробиваемой кольчугой под коловратными небесами!

Да будут твоим талисманом в дни благоденствия
Высокие помыслы (добрые желанья) Низами!

Господи, от прекрасного лица этого властителя мира
Скрой все смуты и все ущербы!

Открой ты перед ним любую дверь, в которую он постучит,
Будь ты его помощником, куда бы он ни ходил.

Да будут поддерживаемы [Аллахом] все святые [которые
поддерживают] его,
Да будут повержены все его враги, как они есть.

Эта повесть — да прославит она его имя! —

Да будет облагодетельствована его счастливым царством.*

Начало ее было благостным
И конец ее пусть будет славным!

* Далее в некоторых рукописях следуют еще двенадцать
бейтов:

Да будет царская чаша в его руке
Полна живой водой!

И одну каплю от той чаши да подаст мне
За то, что я написал эту книгу в его честь!

А что касается того, кто взял в руки перо
И написал и закончил эту книгу,

Господи, по великодушию, милости и щедрости своей
Благоустрой все его дела по его желанию!

Открой двери счастья перед ним,
Чтобы он никогда не испытывал бедствия и горя!

Оберегай его под сенью своей милости и величия.

Оберегай его под сенью праведности!

Господи, берегай его в почете,
В обоих мирах возноси его!

Эта повесть дошла до полного конца
Слава Аллаху, о Низами!

Да послужит эта повесть ключом от всех закрытий,
Да принесет ее чтение благодать.

Нетронутая жемчужина — «Лейли и Меджнун»,
Приводящая в чувство тысячу безумцев,

В понедельник завершилась

По милости единого и всемогущего Господа,

Когда после бегства пророка прошли
Пятьсот восемьдесят восемь лет.

1. Обычная форма, употребляющаяся как благословение ближним.
2. Семь невест — семь планет.
3. Девять паланкинов — девять небес, т. е. семь небесных сфер (по числу планет), звездное небо и высшее небо.
4. По-арабски «кун ва йакуну» — выражение, взятое из 82-го стиха 36-й главы Корана: «Его приказ, когда он желает чего-нибудь, стоит только сказать ему: «Будь!» — и оно бывает». Согласно мусульманской теологии Аллах создал вселенную при помощи этого восклицания. Смысл бейта: «Ты создал все живое и мертвое».
5. Сурьма по поверью проясняет зрение.
6. Т. е. ты один и нет другого бога кроме тебя, Аллаха.
- 7—8. Два знака — два согласных звука — каф (к) и нун (н), из которых состоит повелительная форма глагола «кана» (быть) — см. прим. 4.
Бисутун — древнее название Багастана (Обитель богов) — скалы у дороги из Хамадана в Керманшах (северо-западный Иран). На этой скале до наших дней сохранилась клинописная надпись, высеченная по приказу Ахеменида Дария I (V в. до н. э.), и рельефные изображения. Молва связала эти барельефы с легендой о Фархаде. Развалины ахеменидского дворца в этой местности сейчас известны под названием «Замок Ширин». Этимология слова «Бисутун» во времена Низами была забыта и значение его поясняли как «лишенный колонн», что метафорически обозначает небо, небосвод.
9. Согласно мусульманской теософии до сотворения мира Аллах начертал на «хранимой скрижали» (лоух-и махфуз) имена и назначения всего сущего и при этом не допустил ни одной ошибки.
10. Деяния и злые умыслы тиранов и положение обездоленных, угнетенных сильными мира сего известны Аллаху, ибо он всеведущ.
11. Алоэ — алойное дерево (в оригинале «уд») — благовонное растение, которое во времена Низами привозили чаще всего из Индии (кемарское алоэ). Его сжигали в курильницах.
12. В целом ряде рукописей слово «джахл» (невежество) исправлено на «джахд» (усердие). Мы принимали этот вариант.
13. Закят — налог с имущества мусульман в пользу бедных, милостыня, подаяние.

14. Подобно тому, как тень под лучами превращается в свет, я под сенью твоей благодати освобожусь от темной, мрачной сущности своего «я» и прозрею.
15. Т. е. с кем бы я не общался, под чьим бы покровительством не находился, в конце концов я расстанусь с ним, умру и перейду в иной мир; над которым Ты вечно господствуешь.
16. Т. е. Ты вечен и вечно властен над жизнью и смертью.
17. В тексте здесь употреблено слово «рауза», что означает «сад и гробница святого»; т. е. разреши мне перейти к славословию пророка Мухаммеда.

2

1. Т. е. ты являешься сладостью скатерти пророков и первой солью ее. А именно, ты — последний и самый мудрый из пророков и являешься солью их, т. е. первым из них.
2. Т. е. человеческий разум является нахлебником твоего глобального разума, а человеческая душа обожает тебя и вечно будет рабой твоей.
3. Кунья — уважительное именование по имени старшего сына обозначается с помощью слова «abu» (отец). Имя пророка Мухаммеда «Поддерживаемый» (по-арабски «Муаййад») — сокращенная форма титула пророка от Муаййад-Биллах — «Поддерживаемый Аллахом».
4. Т. е. никому не будет дарована печать победы, успехов, никто не будет поддерживаем Аллахом до тех пор, пока он не примет веры Мухаммеда, не полюбит его. Здесь поэт обыгрывает омонимичность слов «мехр» (любовь) и «мохр» (печать, перстень с печатью).
5. Семь шагров — семь небесных сфер.
6. Круговращение времен, оседлавшее семь коней — небесных сфер, под натиском твоего коня Бурака превратилось в обычную пешку на шахматной доске вселенной.
7. Один из обязательных обрядов, совершаемых паломниками в мусульманском святилище Ка'бе, заключается в хождении, совершении обхода вокруг нее. Иными словами, звезды на небе кружатся вокруг твоего святилища, хотя и делают вид, что движутся по небосводу.
8. Тугра — вензель, монограмма, выполненная витиеватой, запутанной арабской вязью. Кудри красавиц сравнивались с тугрой. В данном случае тугра обозначает царский указ. Т. е. твои взгляды обладают силой царской власти.
9. Мусульмане молятся пять раз в день. Эти пять молитв поэт сравнивает с боем в литавры и ударами барабана, которые пять раз в день совершались перед воротами дворца могущественных султанов и царей.
10. Основу ислама составляют пять «столпов»: единобожие, молитвы, пост, налог в пользу бедных и паломничество в Ка'бу. Т. е. ты изгоняешь из своей общины всех насильников и тиранов; ибо мусульманин должен быть справедливым.
11. «Преданный» — по-арабски Салик (друг) — прозвище одного из ближайших сподвижников пророка Мухаммеда Абу-Бакра, первого праведного халифа (632—634); «Прозорливый» — по-арабски Фарук (проницательный, прозорливый) — прозвище другого спод-

- вижника Мухаммеда, второго халифа Умара ал-Хаттаба (634—644). Поэт обыгрывает это имя со словом «разлука» (по-арабски фарк), которое происходит от того же корня, что и Фарух. Т. е. Фарух по своей сути был далек от разлуки с Аллахом, он был правоверным и даже по написанию своего имени был далек от слова фарк (разлука).
12. Лев Аллаха (по-персидски Шир-а Худа, по-арабски Хайдар) — прозвище четвертого праведного халифа, двоюродного брата и мужа дочери Мухаммеда Али (556—661). «Богобязненный и благочестивый старик» — третий праведный халиф — Усман (644—656).
 13. Т. е. от объединения этих четырех халифов мир, который состоит из четырех стихий, стал обетованным.
 14. Четыре ноги — четыре «корня» Ислама: 1) Коран; 2) предания о Мухаммеде, его личные суждения и беседы; 3) решения общины мусульман и 4) решения по аналогии. Четыре арки — четыре халифа.
 15. Т. е. подобно тому, как твои прекрасные брови составляют слитную пару, так и четыре «корня» Ислама и четыре халифа стали монолитными и крепкими.

3

1. Семь сокровищ — семь небесных сфер; четыре жемчуга — четыре стихии: огонь, воздух, вода и земля.
2. Чертог Матери — Млечный путь.
3. Т. е. Меркурий, который является небесным писцом, хотел отметить твоё пребывание на нем во время твоего вознесения, но ты так быстро вознесся ввысь, что он не успел отметить твоего восхождения в своей тетради. Иными словами, Меркурий стоял значительно ниже той высоты, на которую ты поднялся.
4. Существовал обычай посыпать драгоценностями дорогу перед высокопоставленными и дорогими гостями; т. е. Венера, покровительница муз, ждала с подносом драгоценностей (окружающих ее звезд), чтобы посыпать ими твой путь.
5. Ночь Кадр — ночь, когда пророку Муххамеду был ниспослан Коран. Кадр означает «могущество» и «цена». 97-я глава Корана так и называется «Могущество» и состоит из пяти стихов: «1) ...Мы ниспослали его (Коран) в ночь могущества; 2) А что дает тебе знать, что такое ночь могущества? 3) Ночь могущества лучше тысячи месяцев; 4) Нисходят ангелы и дух в нее с дозволения Господа их для всяких повелений; 5) Она — мир до восхода зари» (Коран, перевод и комментарии И. Ю. Крачковского, М., 1969, с. 492).
6. Т. е. по случаю твоего приближения небесный свод посыпал твой путь со всех сторон чистыми жемчугами (Плеядами) — звездами, однако твои глаза ничего не замечали, и всем своим существом и помыслами ты стремился к Нему.
7. Выражение «Не коснулся» взято из 17-го стиха 53-й главы («Звезда») Корана: «... Не уклонилось его зрение и не зашло далеко: он действительно видел из знамений своего Господа величайшее» (Коран, с. 420).
8. Джабраил — архангел Гавриил, вестник Аллаха к Мухаммеду; через него был ниспослан Коран. Микаил — архангел Михаил.

9. Исафил — архангел, который звуком трубы возвестит о начале Страшного суда. От звука его трубы расколется земля, рассыплются в прах горы и мертвые восстанут из могил.
10. Т. е. завершил свой путь.
11. «Рынок сторон» метафорически обозначает «вселенная», «мир». Т. е. ты перешел за пределы физического мира.
12. Поэт обыгрывает полисемантичность слов — «царь» и «король» (в шахматах) и рух — «богатырь» и «слон» (в шахматах). Поэт призывает пророка восстать из мертвых и навести порядок на земле, которую испоганили шахи и правители своим деспотизмом и тиранией.
13. Скатерть — земная поверхность; т. е. освободи землю от тяжести преступлений тиранов и скинь завесу с лица их злодеяний.
14. Двое враждующих — день и ночь; четыре ножки — четыре стихии, враждующих между собой. Т. е. наведи в мире такой порядок, чтобы даже ночь и день и четыре стихии не враждовали между собой.

4

1. Во время новогоднего праздника (21 марта) цари устраивали всеобщий прием и прощали долги, остатки налогов красьян и горожан.
2. Т. е. для всех членов организма бытия, для всего человечества: приготовлю пищу из веских доказательств единобожия, и часть этой пищи, приготовленной из печени своей (т. е. с большим трудом), достигнет моего сына Мухаммеду.

5

1. Когда рассуждаешь, не говори так, как будто говоришь перед пустым барабаном; т. е. не считай людей, перед которыми выступаешь, пустыми, бестолковыми; говори серьезно, мудро.
2. Т. е. каждая вещь, на которой есть признак убранства бытия, свидетельствует о работе ее создателя — бога.
3. Т. е. если твоя мысль захочет подняться выше физического мира и проникнуть в сферу того, кто вне времени и пространства, т. е. господа бога, то она будет побита камнями. Иными словами, зря не старайся постичь сущность бога, ибо она непостижима.
4. Т. е. постичь тайну творения можно только с помощью указаний господа бога.
5. Муса — библейский Моисей, один из шести великих пророков, признаваемых исламом. Карун — библейский Корей, легендарный богач, который был проклят Моисеем за скупость и поглощен землей вместе со всеми своими богатствами.
6. Под «кругом на двери» имеется в виду железное кольцо на воротах, дверях, которым стучали по железному кругу, чтобы оповестить хозяина дома о приходе.
- 7—8—9. Поэт обыгрывает полисемантичность слова «тарда», которое обозначает: 1) лад, 2) завесу, 3) песню, 4) тайну, 5) лады на грифе струнных инструментов, мотив, тон и т. д.
10. Барбад — знаменитый музыкант и композитор VII века, служивший у Сасанидского царя Хосрова (690—728).

11. Т. е. небесные сферы вложены друг в друга и напоминают сложенный шар, подобно луку.
12. Т. е. шарообразность присуща не только Земле, но и всем планетам.
13. Под «всемирным океаном» поэт подразумевает эфир мироздания.
14. Под семью волнами имеются в виду семь небесных сфер.
- 15—16. Смысл этого и предыдущих бейтов сводится к тому, что выше девяти небесных сводов нет физического мира. Поэтому человеческий разум не должен стараться проникнуть за пределы этой высшей сферы.
17. Т. е. хотя земля дает зерну силу родить, но форма рождающегося зерна заложена в нем богом.
18. Под «бренной обителью» имеется в виду мир, земная жизнь.

6

1. Кай-Кубад—легендарный шах древнего Ирана, прославившийся своим могуществом и пышными пирами.
2. Т. е. ни один человек не возьмет к себе на службу тощую, слабую собаку.
3. Мир дарует радость тем, кто умеет ладить с ним.
4. Имеется в виду ширваншах Ахсатан, сын Манучихра (1162—1196).
5. Шаб-чираг—светящийся ночью, волшебный, драгоценный камень.
6. Кольца рабства—во времена поэта рабы, особенно царские, носили в ушах специальные кольца, свидетельствующие о том, что их носители—рабы.
7. Т. е. разукрась эту поэму изысканными выражениями, свойственными арабской и персидской поэзии.
8. Ширваншахи возводили свой род к раннесредневековой иранской династии Сасанидов, кичились своим «высоким происхождением». Они ненавидели подлинных правителей Азербайджана—Атабеков и постоянно враждовали с ними. Ширваншахи считали турков (в те времена азербайджанцев называли тюрками) грубыми, неотесанными, малокультурными. Об этом см. в Предисловии.
9. Единственный жемчуг и одинокий тюльпан—сын поэта Мухаммед. Первая любовь и последний напиток—горячо любимая, безвременно скончавшаяся жена поэта—Афак.
10. Т. е. твои поэтические речи, творения являются твоими детьми, а следовательно, моими братьями.
11. Т. е. усердно трудиться.
12. Поэма написана в квантитативном метре, в размере одной из разновидностей хазаджа, по схеме —→—.
13. Сумма числовых значений букв «с», «ф» и «д» составляет 584. Иными словами, поэма была завершена в сентябре 1188 г.

7

1. Белые и черные—дни и ночи, т. е. время, эпоха.
2. Джалал ад-Дин ва-д-Даула — букв. «Величие веры и государства», прозвище Ахсатана.
3. Абул-л Музаффар—«Отец Музаффара», Кунья (см. выше) Ахсатана. Кай-Хосров — один из могущественных царей древнего Ирана, жизнь и деяния которого подробно изложены в «Книге царей» Фирдоуси.

4. Т. е. султан, который трудится, а не проводит свои дни в царской палате, и по могуществу равен халифам.
5. Михраб — стрельчатая ниша в мечети, обращенная к Ка'бе, главной святыне мусульман. Под «семью мужами» подразумеваются или семь отроков — «друзей пещеры» (Коран, гл. XVIII), или же семь мусульманских святых, избранных из числа 356 (Кутб, Гуре; Ихбар, Оутад, Абдал и т. д.).
6. Двенадцать башен — двенадцать знаков зодиака. Семь щитов — семь небесных сфер, шесть пальцев — шесть измерений пространства (север, юг, восток, запад, верх, низ).
Один глаз — солнце, четыре руки — четыре стихии, крючок — небосвод, девять спиц — девять небесных сфер. Т. е. солнце, все знаки зодиака, стихии и т. д., чтобы покорно слушать ему, висят на небесном крючке, как кольцо на дверях.
7. Т. е. живая вода свои свойства заимствовала у него.
8. Т. е. в тяжелых битвах он завоевывает богатства, сокровища, а потом легко, кончиком своего хлыста дарует их людям.
9. Т. е. когда он садится на своего облакоподобного коня, поднимает такую бурю, что вода поднимается выше огня.
10. «Чихание» здесь употреблено в смысле «ничтожная, мизерная частица». Сравнение солнца с чиханием — обычный прием в поэзии XII в. Иными словами, пир царя, подобно утреннему рассвету, так лучезарен и ярок, что солнце тускнеет перед ним..
- 11—12. Ариш — легендарный лучник, герой «Шах-наме» Фирдоуси. Стрела, пущенная им, летела тысячи фарсахов (один фарсах равен 6—7 км). Ады — древнее, легендарное арабское племя, воины которого были вооружены длинными копьями.
13. Парвиз — иранский император из династии Сасанидов, Хосров Парвиз (590—628) — герой второй поэмы Низами «Хосров и Ширин». Далее имеется в виду шахматная игра. Т. е. даже слуги ширван-шаха по красоте телосложения превосходят Хосрова Парвиза, который славился благородной внешностью и прекрасным телосложением.
14. Т. е. в любви он бесподобен, лучезарен словно утро, а в гневе он сжужукает львов, подобно тому, как Солнце захватывает созвездие Льва.
15. В арабской графике имя Ахсатана состоит из шести знаков-букв. Под понятием «шесть сторон» имеются в виду север, юг, запад, восток, верх и низ, т. е. весь физический мир.
16. Нарды — распространенная на востоке настольная игра. Игроки бросают кубики (зары), на которых изображены числа от одного до шести, и согласно выпавшим цифрам передвигают фишки. Наиболее удачным броском считаются две шестерки.
17. Поэт сравнивает ширваншаха с солнцем, а его врагов — с тенями.
18. В подлиннике в первой строке буквально оказано: «Когда он заносит ониксовый кинжал». Иными словами, когда он заносит свой прочный, как оникс, кинжал, то сердце камня от страха обливается кровавыми слезами и превращается в рубин.
19. Афрасияб — легендарный полководец, патриарх и вождь тюрков, война которых с персами во главе с Кай-Хосровом списана в «Шах-наме» Фирдоуси.
20. Джамшид Джам — мифический царь древнего Ирана, в царст-

- вание которого на земле было полное счастье, не было ни болезней, ни смерти, ни вражды. Джемшид возгордился, и бог в наказание отдал его во власть тирана Ваххака, который зверски казнил его — распилит пилой пополам. Джемшид считался обладателем чудесной чаши, с помощью которой он мог видеть, что происходит в любой точке земли. В «Авесте» Джемшид («Пресветлый Йима») — лунное божество.
21. Предметом сравнения в данном бейте служит мягкость, ибо китайский шелк и великодушные обладают одним общим свойством — мягкостью.
 22. Махмуд (999—1030) — самый могущественный представитель династии Газневидов, создавших в начале XI в. великую империю. Махмуд совершил несколько походов в Индию и вывез оттуда большое количество боевых слонов.
 23. Поэт обыгрывает слова «пил» — слон и «пилпа» — большая чаша для вина, чара. Слоны метафорически обозначают самых сильных «слоноподобных» мужей.
 24. Новруз — первый день весны, Новый год древнего иранского солнечного календаря, национальный праздник, приходящийся на 22 марта.
 - 25—26. Увайс (VI—VII вв.) — один из страстных поклонников пророка Мухаммеда, с которым ему так и не удалось встретиться. Поэт сравнивает внешность ширваншаха Ахсатана с внешностью пророка Мухаммеда, который якобы отличался необычайно красивой наружностью.

8

1. «Это верно» (по-арабски «сах. залик» — сокращенная форма от «сахих залик») — подпись на документах, указах и др. Т. е. твоим указам все и всюду беспрекословно покорны.
2. Хутба — молитва, род ектеньи с молитвой за правящего государя и за всю общину правоверных. Хутба читалась после обычной молитвы в мечетях.
- 3—4. Поэт обыгрывает неполную омоноимию слов каһ — солома и Каһкашан — Млечный путь; сунбул — колос ячменя, пшеницы и Сунбула — созвездие Девы.
5. Лучшие дары весны — весенние розы и цветы (в тексте буквально «выжимки весеннего фильтра»). Т. е. ты настолько прекрасен, что весенние цветы сами ложатся тебе под ноги, чтобы приобщиться к твоей красоте и благоуханию.
6. Каф, Кафские горы — легендарные горы мифологической географии времен Низами, находившиеся якобы на противоположных краях Земли.
7. Последнее утро — утро в день воскресения мертвых.
8. Диван — государственная канцелярия, государственный совет, совет высших чиновников при султани, шаху.

9

1. Под «алмазами в первой строке бейта поэт имеет в виду красноречивые слова своего сына Мухаммеда, а во второй строке под «алмазом» подразумевает сына ширваншаха Ахсатана; под рудником в первой строке он имеет в виду себя, а во второй

сравнивает с ним ширваншаха Ахсатана.

2. Т. е. он только что берет перо власти в свои руки, а я тоже недавно начал учить уроки жизни.
3. Четыре жемчуга — четыре стихии. Т. е. он легко выигрывает у венценосцев этот мир. В некоторых списках этот бейт представлен в следующем варианте:

Он — наследник луны и солнца.

Он — открыватель узлов страха и надежды.

4. Во время молитвы лицо молящегося должно быть обращено к михрабу (см. выше). На этом построено много образов поэзии времен Низами. В данном бейте применена гипербол. Поэт утверждает, что все властители во время молитвы лицом обращаются в сторону царевича, ибо он настолько благочестив, что его существо постоянно показывает направление храма Ка'бы.
5. Поэт подчеркивает, что отец и мать царевича происходят от двух царских родов. Действительно, мать Ахсатана Тамар была дочерью знаменитого грузинского царя Давида IV (1089—1125).
6. Свою поэму Низами называет своей дочерью и, следовательно, его сын Мухаммед ей приходится братом. Словом «пенсия» переведен арабско-персидский термин «марсум», который означал определенную сумму денег, выплачивавшуюся из казны. Марсум назначался самим царем (султаном) определенным лицам.
- 7—8. Под словами «этим светом» поэт подразумевает царевича, с кипарисом сравнивает стройный стан царевича, а садом называет ширваншаха.
9. Т. е. пусть вечно здравствует ширваншах, чтобы ты мог опираться на него.

10

1. Семиглавая книга — по-арабски и по-персидски «хафт суб»; Суб' — одна седьмая часть Корана. Чтецы Корана в свое время разделили его на семь частей и, читая в день одну часть, в течение недели завершали всю книгу. Кроме того, Коран делится на семь частей и по тематике (ваад, вайд, вааз, кисас, амр, нахй и ад'на). В данном бейте поэт утверждает, что если он оседлет коня своего красноречия, то сочинит книгу, подобную Корану.
2. Масих, Месих, Месиха, Мессия — перевод древнегреческого слова «Масиха» (Мессия) — имя Христа, что означает «помазанник (божий)». Это имя является как бы прозвищем Исы — Иисуса Христа, одного из шести великих пророков, признаваемых Исламом (Адам, Авраам, Ной, Моисей, Иисус, Мухаммед). Мусульманский, коранический Иса — не богочеловек, геретавший людям божественное откровение, а лишь пророк. По поверью дыхание Исы обладало чудесной способностью воскрешать мертвых. В коране описываются и другие многочисленные чудеса Исы-Масиха.
3. Иррациональный корень (по-арабски «джазр-и асамм» — глухой корень) — это такой корень, который невозможно вывести. Поэт утверждает, что он обладает таким даром речи, что может заставить раскрыться даже иррациональный корень.
4. Под «чревоугодниками» поэт подразумевает бездарных придворных поэтов, присваивавших его стихи.

5. Имеется в виду толпа придворных поэтов.
6. Т. е. бездарные придворные поэты, ползающие угодливо перед Низами, крадут его поэтические образы и мысли и в то же время за глаза поносят его, спорят с ним.
7. Т. е. если поэт сочинит какую-нибудь газель, то эти стихотворные воры начинают переделывать ее, и в результате у них получаются поддельные, фальшивые стишки.
8. Т. е. даже яркая звезда в мутной воде отражается тускло.
9. Т. е. тень, создаваемая светом, омрачает самый свет. Поэт сравнивает себя со светом, а похитителей его стихов и хулителей — с тенью.
10. Желтоухие — хулители и злопыхатели.
11. Море очищает свои берега само, с помощью волн (во время штормов, гневаясь), а поэт очищает свое окружение без гнева (как море), а с улыбкой на устах.
12. В те времена стучали по корпусу светильника, чтобы сгоревшая часть фитиля упала и светильник горел ярче. Далее поэт сравнивает пламя свечи с улыбкой, т. е. она, улыбаясь и сгорая, ослабевает.
- 13—14. Недуг четвергов — эпилепсия. Считалось, что у страдающих этим недугом по четвергам наступает приступ болезни. Поэт сравнивает своих завистников с эпилептиками. Они, утверждает Низами, никогда не поправятся.
15. Перефраз поговорки: «Вор кричит: держи вора!»
16. Т. е. жалея воров, стыдясь за них, поэт объективно помогал им.
17. Море жемчугов и рудник сокровищ — неисчислимое богатство поэтических образов и мыслей.
18. Чтобы оградить себя от дурного глаза в мусульманских странах до сих пор сжигают руту, дым которой якобы защищает от сглаза.
- 19—20. Сумма числовых значений букв имени «Низами» составляет сглаза.
1001. У Аллаха же 1001 обычных имен-эпитетов. Сумма числовых значений имени «Ильяс» составляет 102. Если вычтешь из них «алиф» (а-1) и «бе» (б-2), останется 99. У Аллаха же 99 красивых имен (асма-и хасна). Поэт утверждает, что еще при рождении мать его жгла руту над ним, чтобы уберечь его от сглаза, т. е. назвала его Ильясом. Совпадение суммы числовых значений букв его имени с количеством имен Аллаха и есть та «рута», о которой говорилось выше.
21. Юсуф — библейский Иосиф Прекрасный, сын Якуба — Иакова. Отец любил его больше остальных детей, и они из зависти решили избавиться от него. Они увезли Иосифа в пустыню и бросили в глубокий колодезь, откуда его спасли египетские купцы. Легенду о Юсуфе—Иосифе Коран излагает весьма подробно, причисляя его к пророкам, жившим до Мухаммеда.
22. Иса—Иисус Христос, которого жестоко преследовали его соотечественники.
23. Ахмад — другая форма имени пророка Мухаммеда. Абу-Лахаб — прозвище (буквально «Отец геенны»), которым наградил пророк Мухаммед своего дядю за то, что тот преследовал его в начале его пророческой миссии.

1. Под «собакой» поэт подразумевает завистника.
2. Свои стихи поэт сравнивает с товаром, а ценителей поэзии с купцами, хорошо знающими, какая страна каким товаром славится.
- 3—4. Поэт сравнивает себя с розой, жизнь которой очень коротка, ибо как только она распускается, ее срывают. Завистников же он сравнивает с теми, кто срывает розы. Иными словами, поэт говорит себе: Лучше готовься к отъезду из этого мира и никого не ругай.
5. Слово «базар» В. Дастгирди трактует как «бе азар» — «в обиде, обиженный». Тогда смысл бейта меняется: «Лучше тебе быть обиженным, нежели людям». В нашем же прочтении содержится издевка над бездарными поэтами, которых поэт называет «людьми базара».

1. Т. е. был мал и беззаботен, ибо за тобою присматривали все домашние, как луч присматривает за розой.
2. Т. е. сейчас настало время отличиться своей образованностью, умением справляться с важными делами и т. д.
3. «Самые лучшие стихи — самые лживые из них» — афоризм, приписываемый пророку Мухаммеду. Этому афоризму следовали все придворные поэты эпохи Низами.
4. Под «кривым линиями» подразумевается человеческая фигура, которая отличается несовершенством. Двустипшие является переложением известного афоризма, приписываемого пророку Мухаммеду: «Кто познал себя, тот познал и своего Господа».
5. Мускус извлекается из желез, находящихся в пупке кабарги. В классической поэзии пупок превратился в метонимию и обозначает благоухание, источник аромата.
6. Т. е. воскрешай мертвых подобно тому, как воскрешал Иса — Иисус своим дыханием.
7. Факих — мусульманский законовед-богослов.

1. Т. е. слово, закалив в огне свою подкову, скачет, и, чтобы догнать его, мне нужна помощь вина.
2. Второй раз слово «дух» («рух») употреблено в значении «душа».

1. Жаловаться на законы природы, жизни — бессмысленное дело, ибо все законы природы справедливы.

1. Т. е. вино придаст человеку столько мудрости и ума, что даже ноги превращаются в тысячеголовых мудрецов.

1. Голубая цепь — цепь 9 небесных сводов, которая олицетворяет рок, судьбу.
2. Поэт обыгрывает омонимию слов «хамшира» (сестра) и «шира» (сок). Под райским напитком имеется в виду вода райской реки Каусар.

- 1—3. Т. е. сколько можно причитать «Где мои друзья, спутники и товарищи?» Но без товарищей и друзей в жизни ничего не сделаешь, ведь пчелы наслаждаются своим медом только потому, что трудятся сообща, дружно. Также и шелк коконов никто не мог бы сделать в одиночку.
4. Т. е. раз твои прежние друзья ушли, то придется подобрать себе новых друзей, если даже они тебе не по душе. Если хочешь нормально жить, то надо приспособливаться к неумолимым законам природы.
5. Т. е. молодое, а не старое вино.

1. Согласно рекомендациям тогдашней медицины, чтобы остановить кровотечение, к ране прикладывали паутину.

1. Во время сильных дождей поток уносит с гор змей, и они погибают.
2. Т. е. жизнь устроена так, что ты можешь погибнуть, если даже будешь живуч, как семиглавый дракон.
3. Т. е. не лезь на рожон.
4. Гяз — мера длины (около одного метра).
5. Вода, ветер (воздух) и огонь — неустойчивые, буйные стихии, а земля — устойчивая, ибо она самая спокойная из них.
6. Чанг — струнный музыкальный инструмент наподобие лиры или арфы.

- 1—2. Смысл этого и предыдущих бейтов сводится к следующему: До каких пор ты будешь думать о невзгодах, которые еще не наступили, о том, что ты уже испытал; ведь прошедшее и будущее — суть небытие. Зная об этом, ты все же делаешь вид, что это не так.
3. Семиглавая книга — Коран (см. выше).
4. Т. е. вино, как солнце, вливает в человека силу и освежает засохший родник его тела.

1. Ка'ба — храм в Мекке, точнее черный камень (метеорит), находящийся в главной мечети мусульман в Мекке. Ка'ба является ве-

личайшей святыней ислама, мусульмане совершают паломничество к ней и в сторону Ка'бы обращаются во время молитвы.

2. Т. е. трусливые, тупые.
3. Т. е. вино, которое растворит яхонтоносный камень (минерал) и обнажит яхонт, заключенный в нем.

24

1. Т. е. будь твердым, прочным как гора.
2. Т. е., если ты будешь угождать всем, будешь шелковым со всеми, то подобно лилии, станешь питаться грязным илом.

25

1. Солнце находится в окружении звезд, которые по сравнению с ним являются маленькими частицами.
2. Воин, находящийся на содержании царя, вынужден постоянно скитаться по чужим странам, участвуя в захватнических войнах.

26

1. Т. е. змею, которая отклонилась от своей дороги, растопчут, и она будет извиваться от боли.

27

1. Буквально этот бейт звучит так:
Все, кроме людей, что есть [на этом свете], сидят в щелях довольства малым.
2. Т. с. будь как свет, не подверженный влиянию добра или зла.
3. Под «расцветками» имеются в виду различные условия, обстоятельства.

28

1. Под «войлоком» во второй строке бейта имеется в виду земной простор, дороги жизни.
2. Под «печенью» здесь подразумевается сердце.

29

1. В тексте буквально сказано:
На пути к такой высокой горе
Не обольщайся своей силой.
Под «горой» подразумеваются жизненные препятствия.
2. Поклажа — груз добрых дел, благоугодных деяний, который человек унесет с собой в потусторонний вечный мир.
3. В оригинале буквально сказано:
Ведь ты веришь, когда луна бывает ущербной,
Она избавляется от узов резания хвоста.
Это следует понимать так: когда луна полная, ей каждый день режут хвост (т. е. она идет на убыль), а когда она неполная, ничто не угрожает ей.

1. Т. е. глядя на себя «косыми глазами», ты увидишь вместо одного себя двоих и возгордишься.
2. Хызр — таинственное существо, не божественное, но обладающее бессмертием. По преданию Хызр нашел путь к источнику живой воды в подземном царстве и испил ее. Он способен чудесно передвигаться в пространстве и приходит на помощь путникам, погибающим в пустыне.
3. Девственный или сокрытый жемчуг—жемчуг чистой воды. По поверью жемчуг образуется следующим образом: чистые дождевые капли проникают сквозь толщу воды на дно океана, попадают в раковины и через некоторое время превращаются в жемчуга. Девственный жемчуг образуется от самых больших капель дождя.

1. Аджам—все неарабские страны, находящиеся в средние века под властью халифата. В средневековых источниках этим словом чаще всего обозначали Иран.
2. Дирхем (от греческой драхмы) — мера веса и монета, содержащая 3,148 г серебра.
- 3—4. Под «полной луной» подразумевается красивый, здоровый сын. Жасмин (цветок белого цвета) здесь сравнивается с дирхемами—серебряными монетами (см. прим. 2).
5. Жемчуг — сын.
6. Т. е. он не расставался с женой подобно тому, как рудник не расстается со своим рубином.
7. Дрожжи — жизненные соки.
8. Чтобы уберечь детей от дурного глаза, лицо их обводили линиями из индиго.
9. Тюльпан в чаше своей содержит белую влагу, а лепестки белого жасмина растут вокруг пестика молочного цвета.
10. Сравнение белолицых красавиц (красавцев) с луной — обычный прием в классической поэзии.
11. Жемчуг любви — сущность, самая суть любви.
12. Храм знаний — школа.
13. Тюрки в произведениях Низами — символы белизны, красоты, изящества. Аджам—см. выше.
14. С большой тенью — с большим подбородком.
15. Т. е. Лейли сладостью своих улыбок не только превосходила сахар (сокрушала его), но и сокрушала также [сердца] несметного множества молодых людей.
16. Т. е. красота Лейли была столь могущественна, что, подобна талисману, охраняла окружавших ее подруг.
17. Шахбейт — самое сильное двустипие в стихотворении, царь всех строк.
18. Украшение подбородка — подбородник, представлявший собой украшение из жемчуга в виде ожерелья. Капли влаги с чела Лейли сравниваются с жемчугами подбородника.

19. Амбровое кольцо — черное ожерелье, с коробочкой посередине, где хранили амбру, источавшую аромат. С этим кольцом поэт сравнивает черные благоухающие локоны Лейли.
20. Т. е. ее ланиты были от рождения алы, а глаза черны и не нуждались ни в краске, ни в сурьме.
21. Лейли — по арабски означает ночь.
22. В тексте поэт использует игру слов. Буквально бейт звучит так: Этот вручил свою душу ее красе, Он унес (похитил) ее сердце, но не унес [невредимой] свою душу.
23. Т. е. не удовлетворяла желание его сердца.

32

1. Юсуфоликий (красавец) — солнце.
2. Это и следующие четыре двустишия построены на сложной игре словами «цитрон» и «померанец».
3. В двустишии проведена аналогия с известным эпизодом из легенды об Иосифе Прекрасном (Юсуфе). Когда Иосиф служил у египетского вельможи Пенгефрия, его жена Зулайха безумно влюбилась в Иосифа, и вскоре об этом начали судачить в городе. Тогда Зулайха пригласила к себе жен всех вельмож и сановников, разложила перед ними померанцы и ножи и неожиданно ввела Иосифа. Пораженные его красотой женщины вместо померанцев начали резать свои пальцы.
4. Т. е. Лейли и Кейс вместе представляли такое прекрасное зрелище, что друзья, любуясь ими, забывали о своих печалях.
5. В двустишии буквально сказано:
«Пришла любовь и опустошила дом,
Схватила меч [говоря]: Я ничего знать не знаю».
Т. е. нахлынувшая на Меджнуна и Лейли любовь ни с чем не считалась и не признавала никаких законов.
6. Т. е. они стали предметом пересудов.
7. Словами «настоящее чудо» переведен сложный коранический термин «айат муhkамат». «Айат» буквально означает «знамение, чудо». Это слово служит названием коранических стихов. В Коране есть «айат муhkамат» — «крепкие, прочные стихи», исключающие противоречание им и ниспосланные ранее Мухаммеду «айат мансух» — «стирающиеся стихи». Любовь Лейли и Меджнуна поэт сравнивает с «прочными стихами» — знамениями Корана.
8. Мускус, извлекаемый из пупка кабарги, хранили в шелковом мешочке, который туго завязывался. Т. е. подобно тому, как запах мускуса слышен, как бы туго не завязывали мешочек, так и любовь Кейса и Лейли давала о себе знать, как бы они ее не скрывали.
9. Газель — Меджнун, зелень — Лейли.
10. Девственные жемчуга — крупные слезы (см. выше).
11. «Безумец», т. е. Меджнун. Меджнун буквально значит «взбесившийся», т. е. человек, в которого вселился джинн — злой дух.
12. Поговорка.
13. Спелый гранат лопается, раскалывается на две части, обнажая зернышки..

14. Т. е. он больше не мог совладать с собою.
15. Под «лекарством» имеется в виду Лейли.
16. Т. е. он быстро шел к дому Лейли и нехотя, медленно возвращался назад.

33

1. Сидящий на цепи — сумасшедший. В описываемые времена сумасшедших сажали на цепь.
- 2—3. Т. е. Меджнун, вобравший в себя все горести и вздохи безответно влюбленных. Канун — струнный музыкальный инструмент. В IX в. в Багдаде при дворе халифов не смолкали музыка и песни. Тогда же канун стал символом несмолкающих любовных и лирических песен.
4. Див — дьявол, злой дух.
5. Харут и Марут — имена двух ангелов, которые согласно мусульманской легенде, презирали род человеческий, погрязший в грехах. Для испытания Харут и Марут были посланы на землю в человеческом облике. На земле они влюбились в красавицу Зухру и под влиянием охватившей их страсти совершили ряд тяжких преступлений. В наказание за это они были низвергнуты в колодец в Вавилоне, где будут пребывать до страшного суда. Из глубины этого колодца они обучают желающих магии. Зухра же, ставшая причиной их падения, вознесена на небо в виде планеты Венеры, покровительницы красоты и музыки.
6. Т. е. по могуществу в любви он был равен легендарному царю древнего Ирана Кай-Хосрову, а своими лирическими песнями утешал таких же обездоленных, как он сам.
7. Крепость искушений — крепость страсти.
8. Предать ветрам — забыть, бросить на произвол судьбы.
9. Т. е. улыбку.
10. Т. е. время не щадит никого: ни самых могущественных, ни простых смертных.
11. Солнце обвело свое лицо синим кругом (покрылось пятнами), чтобы спастись от сглаза — затмения.

34

- 1—2. Под «кольцом» подразумевается солнце. Т. е. однажды утром, когда взошло солнце и звезды перед тем, как зайти, стали ярко-красными.
3. Лейли, словно звезда в небесном паланкине, сидела на носилках, а Меджнун держал над ней покрывало, словно небосвод.
- 4—5. Рубаб — смычковый музыкальный инструмент. Чанг — см. выше.
6. В подлиннике:
Лейли подносила [ему] утреннее дыхание. Меджнун, подобно светильнику, умирал перед ней. Т. е. светильник перестает светить (умирает) с наступлением рассвета.
7. Т. е. он становился ее рабом.
- 8—9. У суфиев был обычай «служения», когда во время их сборов музыканты играли нежные, лирические мелодии, и суфии пускались в пляс и в экстазе дарили музыкантам свое рубище, считавшееся у них самой священной и дорогой вещью.

10. Под «шелком» имеются в виду нежные чувства. Меджнун же сжигал руту (сапандис), что якобы предохраняло от дурного глаза.
11. Т. е. плакал кровавыми слезами.

35

1. Много притч — много сказок. Все, что говорили Меджуну, казалось ему бессмысленными сказками по сравнению с чувствами, которыми он был охвачен.
2. Т. е. его тайная любовь стала всем известна.
3. В первой строке поэт обыгрывает неполную омонимию слов «на софте» и «софт». Первое значит «непросверленное», а второе — «на плечах» (матери и отца или племени). Под сводом имеется в виду «опора», т. е. Меджнун.

36

1. Под «пожитками» в данном случае имеется в виду телесное существование.
2. Вamik и Azra — главные герои одноименной поэмы знаменитого персидского поэта Унсури (ум. в 1040 г.). Далее — подобно тюркам-кочевникам он покинул дом и начал скитаться по свету. Дарра'а — длинная верхняя одежда шейхов, дервишей, шерстяное одеяние с разрезом от ворота до подола. Поэт обыгрывает неполную омонимию слов дарра'а и «дарр» (кольчуга).
3. Джейхун — старое название реки Аму-Дарья.
4. Начальные слова арабского выражения — «ла хаула ва ла куввата илла би — Иллахи ал-Азим» — «нет силы и нет мощи, кроме как у Великого Аллаха». Эту формулу произносят при виде чего-либо страшного.
5. Т. е. кто-нибудь осудит его.
6. Под сердцем свечи подразумевается фитиль.
7. Т. е. покинул людей.
8. Т. е. он опозорился.
9. Т. е. я собираюсь отправиться в иной мир, готовлюсь умереть.
10. Т. е. злым духом своего дома.
11. Т. е. к чему ты обвиваешь свою шею косами? Этими косами-цепями лучше обвить, как арканом, мою шею.
12. Т. е. раскрывать тайны сердца.
13. Т. е. помоги мне, умоляю, я готов поцеловать твои ноги, если ты мне поможешь.
14. Кораническое выражение.
- 15—16. Сытый хозяин, который ест лишь из уважения к гостю, крошит хлеб мелкими кусочками. Т. е. сытый голодного не разумеет.
17. Ман — мера веса, разная в различных странах Востока (от 3 до 12 кг).
18. В оригинале здесь обыгрываются различные значения слова «кам» — мало. В первом случае «камзада» означает человека, которого постиг убыток в азартной игре, а во втором случае «кам» значит «малая толика». Двустипшие это буквально звучит так:

У этого потерпевшего убыток [в азартной игре жизни],
не осталось и крупинки имени,

Но если ты жалеешь меня, то я не печалюсь об этом.

19. По поверью у эпилептиков (безумцев) во время новолуния наступает приступ болезни.
- 20—21. Т. е. я один, нет у меня другого спутника кроме тени, но я боюсь и ее, ибо она напоминает людей. Я не спрашиваю о тебе даже у своей тени, ибо боюсь, что она, узнав о тебе, влюбится в тебя и станет преследовать тебя. Во втором двустиишии слово «сень» употреблено в значении «защита», т. е. ты отняла у меня свою защиту (не осеняешь меня).
22. Т. е. в любовной игре ты выиграла мое сердце, душу; это не игра, а настоящее насилие.
- 23—24. Т. е. я стал знаменит благодаря тому, что ты существуешь, благодаря тому, что я безумно люблю тебя, но ты же тем, что существуешь, сделала меня несчастным (обездоленным).
25. Буква «лам» (л) пишется в виде дуги, а две буквы «йай» (и) пишутся в виде двух изгибов.

37

1. Т. е. ни одна святыня не помогла ему.
2. См. выше.
3. Хадж — паломничество, которое мусульмане совершают в определенное время года к храму Ка'бы в Мекке, находящейся в пустыне Хиджаз.
4. Во времена поэта рабы носили специальные кольца в ушах. Ношение колец в ушах — синоним ревностного служения кому-либо.
5. Под «обителью сокровища» имеется в виду та часть Мекки, где находится главное сокровище мусульман — Ка'ба.
6. См. прим. 4.
7. Согласно мусульманскому законоведению есть действия дозволенные (халал) и недозволенные (х'арам). Смысл двустиишия: Если Лейли прольет кровь Медждуна, то он сочтет это дозволенным поступком, не подлежащим наказанию.
8. В те времена сумасшедших, душевнобольных сажали на цепь.
9. Замзам — священный колодец в Мекке. Существует предание, что он вырыт библейским пророком Авраамом. Его воде приписывают чудотворные свойства. Второе значение слова «замзам» — тихое пение, напев, щебетание, бормотание. Поэт обыгрывает полисемантическую природу этого слова.

38

1. Т. е. позорит нас.
2. Он — ветер, т. е. ветреник, который позорит нас.
3. В некоторых списках зафиксирован другой вариант: «Надери ему уши, как козлу».
4. Шихна — начальник городской стражи, комендант.
5. Т. е. отшельник, который носит в ушах кольца рабства, раб своих чувств.
6. Т. е. дичью ему служила лишь пыль дорог.

7. Т. е. сытая лиса лучше голодного волка.
8. Турач (в оригинале дуррач) — фазан, франколин.
9. Т. е. печаль его была такова, что заставляла его забывать о своем телесном существовании.
10. Скатерть двуспальный — широта содержания; рифма узка — т. е. форма была лаконична.
11. Т. е. за одиноким человеком никто не следует.
12. Он был согнут горем, как лук, и прям в своей любви, как стрела.

39

1. Т. е. разве ты убил кого-то, что кровь его преследует тебя и требует отмщения?
2. Т. е. каким бессмысленным делом занимаешься ты!
3. Т. е. после такого светопреставления вокруг тебя ты должен был бы образумиться, прийти в себя.
4. Т. е. в мелочах ты проявляешь тонкость чувств, щепетильность.
5. Т. е. друг, который говорит тебе о твоих недостатках, — настоящий друг.
6. Т. е. свойство зеркала все объективно отражать — это его прожденное качество. Земля является матерью всего сущего, ибо все сущее создано по повелению Аллаха из глины.
7. Т. е. нужно мечтать о таких вещах, которые достойны мечтаний.
8. Т. е. пока у нас с тобой остается чекан доброго имени, оставь этот фальшивый чекан позора.
9. Печень — метафорическое обозначение сына.
10. Т. е. от каждой болезни есть лекарство, не отчаивайся, ведь и малое зернышко тоже в конце концов превращается в растение.
11. Если станешь благополучным, твои желания исполнятся.

40

1. Т. е. О ты, гордость арабов, чей лик дарит красу и благоухание, чьи царство и кочевья разорены мною.
2. Т. е. все, что происходит на этом свете, происходит по воле предопределения судьбы, провидения.

41

1. Т. е. смеяться дело куропатки, а не муравья. Под «смехом куропатки» в классической поэзии имеется в виду квохтание.
2. Т. е. если судьбою мне уготовано жить в муках, то бессмысленно стремиться к спокойной жизни.
3. Т. е. влюбленные подставляют свои головы под меч, но меч щадит их и не рубит.
4. Т. е. так как моя луна (Лейли) скрыта тучами, я ищу смерти.
5. Т. е. я заслуживаю казни.
6. Нежд — обширное плоскогорье на Аравийском полуострове в его северо-восточной части, где кочевало племя Меджнуна — Амириты (Бени-Амир). Имеется в виду, что у Меджнуна ноги от скитаний превратились в железо, а руки окаменели.

- 1—2. Под «семью циркулями и семью халифами» имеются в виду семь планет.
3. Т. е. в любви.
- 4—5. Лук — брови Лейли, дичь — влюбленные в нее. Ее длинные косы были настолько прекрасны, что самые сильные и отважные мужчины (львы) попадали в их аркан.
6. Т. е. жаждали запечатлеть поцелуй на ее розовых ланитах.
7. Обычная форма отказа нищим, просящим подаяние.
8. «Удалитесь!» Буквальный перевод слова «дурбаш» («прочь!», «сторонись!») обозначает копьё, которое несли перед шахом, предупреждая о его появлении. Поэт сравнивает длинные ресницы Лейли с этим копьём и одновременно подчеркивает ее целомудрие: строгим взглядом она отгоняла всех влюбленных в нее, ибо любила только Меджнуна.
9. Т. е. губы ее были настолько сладостны, что они насмехались над сладостью сахара и «зачеркивали» леденцы, не обладавшие подобной сладостью.
10. Т. е. ее рубиновые уста возбуждали у всех желание поцеловать их; они жалели «гору сахара» за то, что она такая несладкая по сравнению с ними.
11. Т. е. скрыто, незаметно для глаз.
12. Раньше для установления смерти человека к его губам прикладывали зеркало; если оно запотевало, значит человек был еще жив, дышал. Т. е. Лейли сама держала перед собой зеркало, чтобы узнать, жива ли она.
13. Т. е. страсть ее к Меджнуну бушевала, словно буря, но она скрывала это и вела себя сдержанно и скромно, как земля (прах).
14. Т. е. она доверяла свою тайну только своей тени.
15. Т. е. она жила между водою глаз (слезами) и огнем любви.
- 16—19. Т. е. привычной музыкой для женщины является звук двуглавого веретена, а Лейли вместо веретена взяла себе оружие царей — стрелу и пронзила ею сердце Меджнуна.
20. Жемчуга — слезы.
21. Т. е. она одиноко (за завесой) страдала, а горе, страдания не щадили ее.
22. Т. е. она ожидала Меджнуна, глядя на дорогу. Источники, как правило, находились у проезжих дорог. Источник также сравнивается здесь с человеческим глазом.
23. Облако, которое плыло из тех краев, где пребывал Меджнун, приносило ей лишь дождь — слезы Меджнуна, говорившие о его нежных чувствах.
24. Т. е. создавала самобытные, новые поэтические образы.
25. Т. е. она своей кровью писала нежные стихи, посвященные Меджнуну.
26. Саз — струнный музыкальный инструмент, а также «согласие, лад»; поэт обыгрывает омонимичность этого слова, т. е. благодаря обмену этими любовными стихотворными посланиями, сердца любящих находили общий язык.

1. Т. е. раскрылись, расцвели.
2. Двухцветный стяг — символ весны и цветения.
3. Под «киноварью» имеются в виду красные лепестки, а под «черной краской» подразумеваются черные тычинки в сердцевине тюльпана.
4. Т. е. у Лейли были настолько прекрасные косы, что лепестки фиалки склонялись к ним (чтобы поцеловать их).
5. Т. е. гиацинт благоухал перед ней, а роза тянулась к ней, чтобы она сорвала ее.
6. Самшит и гранат были осчастливлены приходом Лейли; первый расчесывал свои кудри, чтобы предстать пред ней во всем великолепии, а гранатовый цветок создавал плод граната, чтобы она вкусила его.
7. Нарцисс — обычное сравнение с томными, пламенными глазами красавицы.
8. Аргаван (багряник, иудино дерево) — распространенное на Востоке и у нас в Крыму дерево (полукустарник), которое весной цветет ярко-розовыми цветами.
9. Т. е. кокетничать.
10. Т. е. турач и горлица были настолько рады приходу Лейли, что первый был готов приготовить из своего сердца кебаб для нее, а вторая посыпать его солью — своими жалобными, хватающими за душу песнями. Под «паланкином» подразумевается бутон.
11. Т. е. выглядывала, чтобы посмотреть на Лейли.
12. Фиалки — глаза, т. е. со слезами на глазах.
13. Т. е. белизною своего лица затмить белизну жасмина.
14. Т. е. показать финиковой пальме, кипарису и розе, каков должен быть стройный стан.
15. Китайская живопись во времена поэта считалась наиболее искусной и изощренной.
16. Ирем — название сада, созданного мифическим тираном Шеддадом, который, обладая властью над людьми и духами, решил устроить на земле подобие ада и рая. Ирем — подобие рая. Он упоминается в Коране как «Ирем, обладающий великими колоннами». Легенда говорит, что Шеддад умер, не успев войти в свой рай. Об этой легенде Низами говорит в «Искендер-наме». Ирем — синоним рая или прекрасного сада.
17. Т. е. даже тень ее была прекрасной, как роза.
18. Т. е. ты заставила меня безумно полюбить тебя и опозорить себя, но одновременно ты являешься источником моей тайной надежды, счастья.
19. Т. е. горе ей причиняло острую боль.

1. Кипарис — стройный стан; розы — ланиты. Здесь: по сравнению с ней и розы и розовая вода обесценились.
2. Ибн-Салам — буквально значит сын мира, мирный, приветливый.
3. Ветер — Ибн-Салам, светильник — Лейли.
4. Лейли — луна, а луну нельзя обнять.
5. Пери — фея, волшебница.

6. Т. е. он тратил золото, не считая, не дорожа им.
7. Т. е. он отряхнул пыль с одежды своего желания, успокоился, уверившись, что женится на Лейли.

45

1. Т. е. готовая объявить на весь мир о своей любви и своем горе.
- 2—3. Т. е. она стала предметом пересудов; певцы пели о ней под аккомпанемент бубна и ославили ее.
4. Под «духом Неджда» имеется в виду злой дух, бес.
5. Дирхем — см. выше. Т. е. он был очень богат.
6. «Одержимый злым духом» — безумец Меджнун, луна — Лейли.
7. Не смогли отстирать рубашку — т. е. не смогли исцелить меня от любовного недуга.
8. Имеется в виду коврик, на котором мусульмане совершают молитву.
9. Т. е. безумствовал по-прежнему.
10. Унял свою страсть.
11. Руд — струнный музыкальный инструмент. См. выше.
12. Ростки — волосы.
13. Под «розой» имеются в виду ланиты, щеки. Т. е. румянец вновь вернулся на лицо Меджнуна.
14. Т. е. пустыня, которая притягивала к себе Меджнуна, словно цепью, отпустила его; тот, кого можно было удержать дома только оковами, освободился от пут.

47

1. Бутыль с горючим — примитивные зажигательные снаряды. Их наполняли керосином, зажигали и кидали в противника.
2. Пить кровь — пролить кровь.
3. Со сталью и камнем сравниваются воины Науфала и люди племени Лейли.
4. Дейлемцы — жители Дейлема (Иран), носившие длинные волосы. Слово «дейлем» одновременно обозначает лом, кирку с острым концом.
5. На кончике древка знамени в то время укрепляли металлический кружок — изображение солнца.
6. По представлению астрономов того времени лик созвездия Плеяды был покрыт оспинками.
7. Черные львы — воины племени Лейли, белые дивы — сторонники Науфала.
8. Т. е. Меджнун сокрушался, горевал при виде смерти воинов обеих сторон.
9. Коловратный небосвод по поверью приносит несчастье.
10. Русские в классической поэзии того времени служили символом белизны, дня, а черноволосые грузины метафорически обозначали вечер, сумрак ночи.
11. В подлиннике буквально сказано:
 Когда черная змея (ночь) убрала свои фишки (звезды),
 Заххак утреннего расцвета заулыбался.
 Заххак — мифический царь древнего Ирана, один из главных

героев «Шах-наме» Фирдоуси. Он узурпировал престол древних иранских царей и угнетал народ. Из плеч у него росли две змеи, питавшиеся мозгом людей. Заххак каждый день убивал двух человек, чтобы кормить этих ненасытных змей. Народ под руководством кузнеца Кавы поднял восстание против Заххака, заковал его в цепи и вернул престол законному наследнику Фариду. Заххак (от древнеперсидского «аждахака» — дракон, белый змей) — лучи солнца, извивающиеся словно змеи.

12. Харвар (буквально вьюк одного осла) — мера веса, равная 300 кг.

48

1. Меджнун говорит о том, что Науфал «соединил» двух влюбленных иронически.
2. Т. е. разве Науфал обещал закончить битву, ничего не добившись.
3. Т. е. племя Лейли, людей которого я считал своими друзьями; они враждовали со мной лишь на словах, т. е. не приветствовали меня при встрече, не говорили «Салам алайк» (мир тебе).
4. Дверь Лейли, перед которой я молился, ты теперь навечно закрыл для меня.
5. Ироническое обращение к Науфалу, подразумевающее: «Как гнусно ты поступил!»
6. «Дружеские услуги» — «медвежьи услуги».
7. Т. е. побежденный натиском Меджнуна.
8. Намек на поговорку «нести ослов на крышу», т. е. оказывать почести людям, не заслуживающим их. Науфал обещает Меджнуну «спустить с крыши» людей племени Лейли, которым незаслуженно сопутствовал успех.

49

1. Т. е. у него не было силы и твердости, чтобы отвернуться от боя, не глядеть.
2. Кровь так щедро орошала песок, что, затвердев, он превращался в агат.
3. Т. е. каждую секунду он наносил удар и этим ударом убивал одного человека.
4. Т. е. книга его жизни тут же подходила к концу, он мгновенно расставался с жизнью.
5. Т. е. паланкин становился погребальными носилками, на которых несут усопшего.
6. Т. е. они и из камня могут извлечь воду.
7. Т. е. раздоры приводят войско к расстройству (поражению).
8. Т. е. плохо, если она будет жить с безумцем (испорченным), а ты будешь стыдиться этого.
9. Слезы приносили ему облегчение, как противоядие (опиум).

50

1. Т. е. Меджнун гнал своего коня, и он летел как птица.
2. Кораническое выражение (гл. I, стих 7): «Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых ты облагодетельствовал — не

гех, которые находятся под гневом, и не заблудших». (Коран, стр. 15).

3. Т. е. они свободные создания природы, не привыкшие нести чье-либо бремя, и если ты свалишь их на землю, им будет больно.
4. Оружием розы являются ее шипы, которые в то же время тяготят саму розу.
5. Т. е. его одежда была разодрана колючками.
6. Т. е. из-за Лейли — луны, которую держали взаперти, он так исхудал, что стал подобен тростинке.
7. Т. е. листы своей жизни он чернил стонами и вздохами, и она становилась мрачной, как ночь.

51

1. В подлиннике здесь обыгрывается слово «Чин» (Китай), которое употреблено три раза в различных значениях. Смысл бейта: черные (Абиссиния в классической поэзии — символ черноты) брови ночи нахмурились из-за того, что восточная (китайская) звезда — солнце взошло.
2. Т. е. зачем проливать бессмысленно кровь невинного оленя?
3. Т. е. она проклянет тебя.
4. Во времена поэта на олени зубы надевали золотые коронки и вешали эти зубы на шею детям, чтобы уберечь их от «дурного глаза».
5. Тетиву лука делали из оленьей кожи.
6. Т. е. нет у нас оружия, с помощью которого мы могли бы разрешить спор с нашими врагами.
7. Вместо слова «путник» в оригинале употреблено «сайгаре» (блуждающий, скитающийся); под юсуфоликим имеется в виду луна, которая белизной (красотой) сравнивается с Юсуфом — Иосифом Прекрасным (см. выше).
8. Продавцы (поставщики) гороскопов — звезды, в зависимости от расположения которых составляются гороскопы. Название реки Нил одновременно означает индиго.
9. Мил — металлическая палочка, с помощью которой подводили глаза сурьмой.
10. Змея жалит молниеносно, и птица пьет очень короткими глотками. Т. е. быстро, мгновенно.

52

1. Т. е. когда взошло солнце.
2. Т. е. вздохами, как ветром, он нес свое изможденное тело, как корабль под парусами, по морю своих слез в пустыне.
3. Т. е. зеленая (трава) была свежая, а вода чистая.
4. Т. е. черный ворон своим цветом напоминал печень, которая по понятиям науки того времени была тесно связана с сердцем.
5. Салих — один из пророков, якобы предшествовавших Мухаммеду. В Коране записано, что Аллах послал Салиха к фемудянам, чтобы он наставлял их на путь праведный. Они же не послушались его и ответили: «Ты воистину бесноватый, ты ведь такой же человек, как и мы: покажи нам знамение, если ты говоришь правду». В качестве знамения Салих избрал верблюдицу и сказал свои согражданам: «Пусть один день ей будет назначена

порция воды, а другой — вам ваша. Не причиняйте ей никакого зла, ибо вы испытали бы за это наказание великого (судного) дня». Верблюдица выпивала в источнике всю воду, которая набиралась за день, и фимудяне могли пить только на другой день. «Они убили ее, но уже на следующий день раскаялись. Наказание настигло их» (Коран, гл. XXVI, стих 142—149). Салих и его соплеменники оделись в черную траурную одежду по случаю смерти верблюдицы.

Иными словами, ворон был бессловесным, словно верблюдица Салиха, и был одет во все черное, как Салих и его соплеменники после смерти священной верблюдицы. Ворон считается символом прозорливости. Здесь ворон сравнивается с агатом (гагатом), а дерево — с шелком, расшитым узорами.

6. С белой книгой — невинный, известный добрыми деяниями.
7. Во время походов для шахов разбивали черные шатры.
8. Т. е. Меджнун не дышал, был мертв, словно потерявший свой блеск шаб-чираг (светящийся драгоценный камень). Во второй строке бейта имеется в виду то, что ворон первым выклеывает глаза у мертвецов.

53

1. Т. е. когда взшло солнце.
2. Шаб-чираг — см. выше.
3. Т. е. связала его.
4. Т. е. услышав аромат, принесенный ветром из обители Лейли, он обессилел и упал.
5. Исмаил — один из сыновей Ибрахима — библейского Авраама, которого он хотел принести в жертву во время праздника. Но Аллах ниспослал барана Ибрахиму и тем самым спас Исмаила. Исмаилит — член тайной шиитской секты. Исмаилиты были известны в Европе под названием ассасинов (убийц). Низами питал отвращение к исмаилитам, которые убили многих выдающихся представителей Сельджукской династии и атабеков Азербайджана. Смысл второй строки бейта: «если я обижусь, то буду самым последним подлецом».

54

1. Т. е. я рассчитался с ним, покончил с ним.
2. Нарциссы — глаза.
- 3—4. Т. е. ее кровавые слезы образовали вокруг ее изящного, словно бамбук, стана целый водоем.
5. Крыши домов на Востоке раньше служили местом отдыха и сна. Т. е. Лейли кружилась, не находя себе места, на крыше словно змея с отрубленной головой в мешке.
6. Т. е. было много жаждущих жениться на ней.
7. Колючки на ногах — шипы розы, а свеча — сам цветок.
8. Муштари — планета Юпитер, что означает также и «покупатель». Поэт обыгрывает полисемантичность этого слова.
9. Во время казни, когда во дворце в присутствии шаха обезглавливали осужденного, на кожаную подстилку сыпали песок, чтобы кровь не запачкала пол. Иными словами, Ибн-Салам тра-

тил так много золота, словно сыпал песок на ковер, чтобы обезглавить своих соперников.

10. Т. е. его красноречие было более чудотворным, чем дыхание Масиха (Иисуса Христа), которое якобы воскрешало мертвых.
11. Русский мальчик — символ белизны, света, накидка жениха — белая верхняя одежда; араб — символ черноты. Т. е. когда взошло солнце, рассеяв мрак ночи.
12. Т. е. цена выкупа за невесту (калым) подскочила до небес (до цены души).
13. Для усиления аромата в горящее алоэ подсыпали сахар. Т. е. Лейли, чьи уста благоухали, как благовоние, сгорала, подобно алоэ с сахаром.
14. Библейский афоризм, перешедший в хадисы (беседы пророка Мухаммеда), гласящий, что все люди подобны членам одного организма: если один из них выходит из строя, то и остальные тоже начинают страдать и не повинуются приказу хозяина.
15. Меджнун со светильником в руках искал Лейли, которая была подобна утру.

55

1. Т. е. когда взошло солнце, корабль ночи, погрузив все звезды, поплыл по реке Тигр.
2. Т. е. полюбовавшись стройным, словно финиковая пальма, станом Лейли, он хотел сорвать плоды финика.
3. Т. е. мы оба умрем, я убью и тебя, и себя.

56

1. Имеется в виду составитель полного сборника стихов, приписываемых Меджнуну и Лейли, Абу-Бакр, ал-Валиби (XI в.).
2. Т. е. Меджнун, чье сердце изжарилось в огне страсти, словно шашлык, и кого постигли все несчастья и невзгоды, как жителя разоренной деревни.
3. Поэт обыгрывает здесь полисемантичесность слова «соуда», которое обозначает страсть и меланхолию, а также черную желчь, которая, по представлениям средневековой медицины, вызывала меланхолию. Бальзам—универсальное средство от всех болезней.
4. Мугилян — колючий кустарник, растущий на Аравийском полуострове.
5. Гюрза — змея, яд которой очень ядовит.
6. Т. е. женщина во всех играх жизни плутует.
7. Т. е. хотя она целый год замужем, но сохраняет целомудрие.
8. Т. е. стал меньше безумствовать.

57

1. Т. е. женщина, образ которой хотела бы запечатлеть на холсте тысяча художников.
2. Т. е. его тонкий (ангельский) ум, уступив место безумию, помутился, стал даже более ущербным, чем его имя—Меджнун (безумный).
3. Т. е. тот, кто нарушает уговор, разрушает основы своего бытия.

4. Ты так красива, что имеешь моральное право пролить чью угодно кровь.
5. Ты бела, как луна, и сладка, как сахар, если бы луна могла быть сладкой, ты была бы подобна ей. Рух — слон (шахматная фигура) и лицо. В двустишии применена сложная фигура классической поэтики — утверждение через отрицание.
6. Мускусный шатер — свод благоухающих черных волос Лейли. Султан ее лика — солнце ее лица, абиссинцы — символ Африки и черной расы, Китай — в те времена место обитания тюрков, олицетворяющих красоту, белизну. Т. е. ты настолько красива, что покорила царства и черной и белой расы.

58

1. Имеется в виду Абу-л Фарадж ал-Исфахани (897—967), автор знаменитой книги «Китаб-ал-агани» («Книга песен») — арабский историк и филолог родом из Исфагана, одного из древнейших городов Ирана
2. В оригинале очень сложная игра со словами «чанг» (струнный музыкальный инструмент) и флейта. Т. е. он был уже неспособен произнести ни слова.
3. Т. е. ангел смерти.
4. В подлиннике сказано: «Он проливал кровь печени над печенью». В классической поэзии под «печенью» подразумевалось самое дорогое, в данном случае сын для отца. «Кровь печени» — кровавые слезы.
5. Т. е. время скачет галопом.
6. Т. е. до старости и усталости.
7. Сырой — непонятный.
8. Т. е. общаться, бессмысленно проводить время с животными.
9. В оригинале сказано: «Ты надзиратель (мушриф) обиталища дивов». Т. е. ты стал как бы надзирателем демонов, ты стал «безумцем века», живя в пустыне.
10. Т. е. займись каким-нибудь пустячным делом, чтобы забыть о страсти, поработившей тебя.
11. Хотя радости и удовольствия этой жизни преходящи (ветрены), довольствуйся ими.
12. Удовольствия и радости жизни, как бы они не были мимолетны и обманчивы, отвлекают от серьезных чувств и украшают жизнь.
13. Т. е. радость и веселье, которые еще не наступили, могут и не прийти.
14. Ячменное зерно (джоу) — мера веса в ювелирном деле, равная 1/96 золотника; ничтожное количество, самая малая часть.
- 15—17. Т. е. готовься к переходу в мир иной уже сейчас, ибо в судный день будут читать список твоих добрых и дурных деяний и воздадут тебе за добрые дела и накажут за дурные.
18. Т. е. человеку, внутренне подготовленному к смерти, не страшны физические муки и сама смерть.
19. Человек, укротивший свои страсти, мирские влечения, легко расстается с жизнью.
20. По поверью дивы — злые духи обитали под землей, в подземном царстве.

21. Т. е. злые духи, как бы они не старались обрести человеческий облик, никогда не обретут его вполне, ибо их нрав выдает их.
22. Т. е. я подхожу к концу жизненного пути.
23. Т. е. я умираю.

59

1. Т. е. успокоить отца.
2. Во втором случае имеется в виду игрушечный лев (из войлока).
3. Т. е. лучше уничтожить меня совсем.
4. Чтобы другие не заразились от меня болезнью (любовным безумием), лучше уничтожьте меня.
5. Лучшее погибнуть мне, чем своим существованием причинять людям зло.
6. Т. е. Меджнун сравнивает себя с дорожной землей (пылью), на которой ничто не растет.
7. Считаю, что ты не породил меня.
8. Т. е. нельзя требовать, чтобы стал разумным тот, у кого на челе написано судьбой, что ему суждено быть безумцем. Калам—перо из тростника; здесь имеется в виду божественное перо, которым записаны заранее судьбы всех людей.
9. Т. е. я и так нахожусь на пути к смерти.
10. Ты жил достойно и благородно, твою смерть будут оплакивать, а моя смерть никого не тронет.

60

1. Т. е. его болезнь (жар) была неизлечима (полна узлов).
2. Поэт обыгрывает здесь полисемантичность слова «мил», которое обозначает и палочку для подведения глаз сурьмой, и стержень, которым ослепляли людей.
3. Т. е. я отстал от каравана, отправляющегося в потусторонний мир (я должен был раньше уйти туда).
4. Небесная птица—душа рассталась с телом и обрела покой в раю. Переложение афоризма, приписываемого пророку Мухамеду: «Он обрел покой у могущественного царя», т. е. у Аллаха.
5. Блажен тот, кто, подобно луне, находится в постоянном движении и не задерживается в этом бренном мире (жилище горестей).
6. Т. е. мир, подобно злему духу, стремится вырвать печень (сердце) человека, умертвить его.
7. Т. е. сколько можно гнаться за мнимым счастьем и вместо него получать от жизни удары?!
8. Хотя серебро всегда пригодится в этом мире, не перегружай им корабль своей жизни, иначе он пойдет ко дну.
9. Т. е. не копи добро, а раздаривай его, подобно тому, как мельничный жернов берет зерно, а отдает муку.
10. Т. е. твои друзья и товарищи умерли.
11. Кай—царь, титул древних иранских царей.
12. Человек рано или поздно расплачивается за свои дурные деяния и вознаграждается за добрые.

1. В подлиннике здесь употреблено слово «нахалафи» — неблагодарный, дурной (подлый).
2. Чанг (музыкальный инструмент) имеет изогнутый конец.
3. Т. е. что сердце его разорвалось.
4. Т. е. ты стремился к тому, чтобы моя сущность служила высшей Истине.
5. Голубой цвет в те времена символизировал траур.
6. Здесь и в предыдущих бейтах Низами обыгрывает слово «сердце» (дил). Для отца Меджнуна его сын является его сердцем.
7. Т. е. он плакал, пока не наступила ночь.
6. Фарсанг — см. выше.

1. В оригинале сложная поэтическая фигура. Гора сравнивается с керамическим кувшином, на котором изображен благоухающий базилик.
2. Т. е. словно буква «нун», графическое написание которой представляет изогнутую дугу.
3. Т. е. защитой для друга.
4. Рабия — персонаж легенды, благочестивая женщина, которая, увидев в пустыне умирающую от жажды собаку (для мусульманина собака — самое поганое, нечистое существо), отрезала свою косу, привязала к ней рубашку, опустила в колодец и выжатой из рубашки водой напоила собаку.
5. Насиб — вступительная часть касыды-панегирика, которая впоследствии (XII в.) превратилась в самостоятельную стихотворную форму — газель.
6. Т. е. для исцеления от любовного недуга.
7. Т. е. не подпускали к нему никого.
8. Сулейман — библейский Соломон, признанный Исламом одним из шести могущественных пророков, живших до Мухаммеда. Сулейман якобы владел языком всех животных и птиц.
9. Грифы обычно питаются костями (падалью), а здесь грифы оберегали его кости.
10. Под «мечом» подразумевается лапа льва.
11. Хлебом насущным — пищей.

1. Хотя заяц спит с открытыми глазами, но он в это время ничего не видит. Т. е. как я был слеп!
2. Т. е. человек, который кормится за счет другого, так или иначе привязывается к своему благодетелю.

1. Начало молитвы: Нет силы и нет могущества кроме как у Аллаха Великого (см. выше). Этой молитвой мусульмане изгоняли злых духов.

2. Т. е. небосвод (шестиспицное колесо) наполнился благоуханием и блестящими звездами.
3. Звезды сравниваются с драгоценными камнями венца, а под венцом подразумевается луна.
4. По представлениям средневековых астрономов, полюс в результате движения небосвода находился то над горизонтом, то под горизонтом. Т. е. созвездия небосвода, кружась вокруг медной крепости полюса, осаждали его.
5. Фархад — звезда Бета в созвездии Малой Медведицы; Корабль — звезда в созвездии Большой реки.
Здесь и далее названия некоторых созвездий и звезд даны по оригиналу, т. е. так, как они назывались в средневековой астрономии.
6. Т. е. взошли Плеяды.
7. Утарид — планета Меркурий, символ Стрельца.
8. Зухра — планета Венера, покровительница муз и красоты.
9. Лучи солнца здесь сравниваются с мечом.
10. Маррих — планета Марс.
11. В оригинале обыгрывается омонимия слов Хамал (Овен) и хилал — дуга, четырнадцатидневная Луна, полумесяц. Т. е. образ Овна, отраженный в улыбке Луны, отражался на челе небосвода.
12. Согласно легенде, Морской бык (Телец) держит в горле блестящий жемчуг, который освещает ему путь во тьме.
13. Хука и Хуна — названия созвездий.
14. Рак — созвездие; Зираи — название созвездия, одновременно обозначающее «локоть». Поэт обыгрывает полисемантичесность этого слова. «Хищные когти» — название созвездия.
- 15—16. Нусра, Туфра и Джабха — названия созвездий.
17. Сердце Льва и Лев — созвездия.
18. Сунбула Девolicaя — созвездие Девы (см. выше); Сурфа — название одной из стоянок Луны (созвездия, в которых останавливается Луна).
19. Лелешки и Чаша Сирот — созвездия; Гафр — название созвездия, что одновременно обозначает «милость».
20. Весы — созвездие. Далее обыгрывается лексическое и терминологическое значение этого слова. Под языком имеются в виду язычки весов и одновременно Язык — название одного из созвездий.
- 21—22. Самак (Рыбы), Собака, Лев, Венок, Сердце, Скорпион, Лук — названия созвездий.
23. Благо, Вывоз, Ввоз, Правитель — названия звезд.
24. Имеется в виду сказка о том, как обезьяну заставляли обучаться ткаческому искусству, а именно, у нее на глазах козлу отрезали голову, давая тем самым понять: смотри и тебя может постигнуть та же участь!
25. Забих, Сад и Ахбия — названия созвездия; Обжора — название звезды.
26. Муккадам и Муаххар — буквально Передовой и Последний — названия звезд.
27. Паланкин, Рыбий живот, Верблюдица, Альриша — названия звезд и созвездий — стоянок Луны.
28. Т. е. по Млечному пути.
29. Треугольник и Овен — созвездия.

30. Аййук — звезда.
31. Треножник Котла — название созвездия.
32. Орлы (Летающий и Стоячий) — названия созвездия и звезды.
33. Слагательница стихов — звезда Канопус. Йеменцы — звезды Максута и Макбуза.
34. Ворон — созвездие.
35. Меченосец — звезда.
36. Голова Юга — Южный полюс.
37. Престол — Луна; Третья и Четвертая (планеты) — Марс и Юпитер.
38. Копьеносец и Безоружный, Алькор и Зоркие — названия звезд.
39. Волчий хвост — звезда, которая сравнивается с Иосифом Прекрасным, брошенным братьями в колодец (см. выше).
40. Мертвец, Конь, Чтец — названия звезд.

67

1. Убедившись в непостоянстве звезд и планет, постоянно меняющих свое место на небосклоне.

68

1. Масих — Инсус Христос (см. выше).
2. По поверью, в тот день ему должна была сопутствовать удача.
3. Тутия — бальзам для глаз.
4. Т. е. на мою долю выпали самые тяжкие испытания.
5. Если ты хочешь сообщить что-нибудь плохое, как тот негодий, что приходил ко мне, то лучше промолчи.
6. Т. е. вода, плавность течения которой сравнивалась с плавной красивой речью, останавливалась (засыпала), когда он начинал говорить.
7. Т. е. у нее были такие нежные (газельи) глаза, что она взглядом усыпляла даже львов, которые засыпали с открытыми глазами, как зайцы.
- 7а. Джим — буква «Дж» арабского алфавита, которая изображается в виде кривой дуги и обычно сравнивается с кудрявыми волосами. Алиф — первая буква арабского алфавита, изображаемая в виде прямой палочки; с ней сравнивается стройный стан. Мим — буква «М», которая в середине слова изображается в виде маленькой дуги, кружка; обычно сравнивается с маленьким ртом возлюбленной.
- 7б. Джамшид (см. выше). Его волшебная чаша называлась «джам». Поэт обыгрывает созвучность этих слов.
8. Т. е. ее темные, подобные нарциссам глаза постоянно проливали слезы.
9. «Чет и нечет» — название игры. Т. е. ее брови манили Меджнуна, но чувство долга заставляло говорить «нет»!
10. Т. е. она похищала сердца очень быстро, в мгновенные ока.
11. Т. е. она кровавыми слезами поливала свои ланиты, а лицо ее стало бледным, как лунный свет.
12. Т. е. она стала безумней тысячи безумцев.
- 12а. В оригинале обыгрываются слова «арус» (невеста) и «арусак» (кукла).

13. Т. е. из-за любви к Лейли Меджнун лишился в жизни всех благ и общается со зверями.
14. Законнорожденный — благородный.
15. Печать великих царей на письмах доставляла радость получателям; в данном случае Лейли сравнивается с царицей.

69

1. Все письма и документы в то время начинались с формулы: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного».
2. Т. е. скрившийся от людей, подобно тому, как агат скрывается в толще камня.
3. Т. е. я причина того, что ты стал мишенью для ранящих насмешек. Смысл второй строки бейта: мы соединимся только в день воскресения.
4. Т. е. чеснок не может благоухать.
5. Вода Хызра — живая вода в подземном царстве. (см. выше).
6. Т. е. ты сам знаешь, что я в силу существующих условностей не могу прийти к тебе.
7. Т. е. надеда траур.
8. Т. е. умеет заглядывать в будущее.

70

1. Т. е. именем Аллаха.
2. Т. е. Господа всей вселенной.
3. Т. е. источником твоего несчастья служу я; но я нахожусь в таком положении, что не могу доставить тебе счастья. Ты не можешь доставить мне счастья, ибо все в твоих руках.
4. Т. е. я, подобно праху, принадлежу тебе, хоть и безумец, но не знаю, для кого ты служишь источником счастья.
5. Т. е. я являюсь твоим слугой. Раньше у царей и вельмож существовали специальные слуги, носившие запасные седла (попоны), чтобы подчеркнуть богатство и знатность своих хозяев.
6. Раньше в вино клали жемчуг, что якобы предохраняло от яда.
7. Если заботливо ухаживать за землей, на ней вырастет роза, а если пренебрегать ею, ничего не вырастет. Т. е. будь нежна с мной.
8. Т. е. веди себя с достоинством, как госпожа, а я останусь твоим рабом.
9. Т. е. если ты бросишь меня, я брошу смирение и буду преследовать тебя.
10. Т. е. ты не придавала никакого значения тому глубокому уважению, которое я проявлял к тебе.
11. Т. е. ты сейчас горькими слезами и стонами расплачиваешься за рану, которую сама же причинила мне.
12. Под «душой» имеется в виду жизнь.
13. Под «саврасым конем» имеется в виду сердце Меджнуна, готовое мчаться галопом к возлюбленной.
14. Т. е. ты еще не воспылала любовью ко мне, хотя я сгораю.
15. Т. е. нож, играя, без труда срезает цветок лилии, который сравнивается с длинным языком.
16. Т. е. я не вижу доказательств твоей привязанности ко мне.

17. Т. е. я гадаю и жду: откуда ты появишься.
18. Т. е. когда я увижу, что твои алые уста заговорят (освободятся из тисков неволи).
19. Когда же зеркало твоей души очистится от ржавчины? Когда же удалится от тебя Ибн-Салам, который, как змея, оберегает такое сокровище, как ты.
20. Ибн-Салам сравнивается с мотыльком, а лицо Лейли — с лучезарным светильником.
21. Т. е. несмотря на причиненное мне твоим мужем горе, я желаю ему здравствовать.
22. Т. е. любовь для меня самое важное в жизни, выше всяких расчетов.

71

1. Среди тех, кто понимал состояние Меджнуна.
2. Т. е. он был почитаем и скромен.
3. Самирит — легендарный чародей.
4. Т. е. совсем почернел.
5. Т. е. перед собой.
6. Могила сравнивается с прикрытием, т. е. Меджнун был наг, без какой-либо одежды.
7. Т. е. эта одежда привезена тебе с самыми благородными намерениями, и ты мне ответь тем же.

72

1. Хаджиб — камердинер шаха.

73

1. Раковина, согласно поверью, чтобы родить жемчужину, терпит невероятные мучения. Под раковиной имеется в виду мать Меджнуна, а под жемчужиной — он сам.
2. Т. е. фишки моих нард (см. выше) не задерживаются на своих клетках, и игра проиграна. Иными словами, мне суждена жизнь скитальца.
3. Т. е. дает нам жизнь, а потом отбирает ее.
4. Т. е. на носилках, у которых четыре конца, отправляешься на тот свет.
5. Освободись от уз привязанностей в этой жизни, не будь их рабом.
6. Если алоэ, сгорая, отвращает «дурной глаз», ты будь подобен ему, т. е. никому не доставляй горя и, словно мускус, распространий вокруг себя благоухание, радость.

74

1. Когда солнце победило своих ночных соперников (звезды и планеты) и взошло над горизонтом.
2. Т. е. утро разбрызгало свой солнечный свет над миром.
3. Т. е. он унес свое тело (единственные пожитки в этом мире) от людей.

4. Печень (см. выше) — по представлению восточной медицины вместилище всех человеческих страданий и невзгод, а сердце — источник разума.
5. Т. е. Меджнун сгорал быстро как молния. Жизнь сравнивается здесь с тучей (антоним молнии).
6. Все живое смертно, и никто не может надеяться на вечную жизнь.
7. Т. е. до каких пор ты будешь питать иллюзорную надежду, что твоя жизнь будет длиться еще долго?
8. Относительно буквы «алиф» и горы «Каф» см. выше.
9. Т. е. ты перестанешь считать, что ты пуп земли.
10. Т. е. единственный способ стать хозяином жизни, а не ее рабом, — это освободиться от рабской привязанности к ней, как это сделал Низами.

75

1. Т. е. хотя и госпожа, но находящаяся в крепости (в заточении).
2. Счета его дела — расчеты с жизнью.
3. Т. е. она целиком попала под власть своей привязанности к Меджнуну, стала ее узницей.
4. Т. е. зря проливал слезы.
5. Идолопоклонника — т. е. Меджнуна, поклоняющегося Лейли как кумиру (идолу).
6. Т. е. все старания мужа оставляли Лейли равнодушной.
7. Фарсанг см. выше.
8. Т. е. подобно диким зверям, он бродит по своей пустыне ночью.
9. Т. е. побудь с ним немного.
10. Чтобы проверить, по-прежнему ли он верен ей, и так же безответно любит ее.
11. Т. е. девственную Лейли.
12. Т. е. и одежды его чести, и обычная одежда были на нем разорваны.
13. Т. е. если я подойду к тебе ближе, то согрешу с точки зрения возвышенной любви.

76

1. Т. е. мы изгнаны из общества, однако кичимся прошлым и, подобно полумесяцу, живем воспоминаниями о былом свете, который излучали, подобно полной луне.
- 2—3. Т. е. мы — фокусники, которым нечего показать, мы — наездники без ног и без стремян.
4. Т. е. преодолеть преграду между нами, которую поставила жизнь.
5. Т. е. подари мне один поцелуй своих губ, которые прекрасней, чем моя душа.
6. Т. е. жестокосердные, преследующие меня.
7. В оригинале сложная игра со словами «хал» (родинка) и «хал-хал» (кольца на ногах, которые носили знатные женщины). Смысл бейта таков: «Я купил твои кольца на ногах за дирхемы» — я отдал за них монеты своей души.
8. Черные индусы в те времена обычно служили стражниками при шахах и правителях. Меджнун сравнивает себя с ними.

9. Нежное платье («касаб») — тонкое льняное или шелковое белое полотно, из которого шили платья богатые дамы. Финиками поэт называет сладкие уста Лейли.
10. Т. е. любимая, стремиться к счастью нужно при жизни.
11. Лейли сравнивается с солнцем и миражом — обманчивым видением источника воды, возникающим перед взором путников, изнемогающих от жажды.
12. С вином сравниваются губы Лейли, а по закону Ислама лишь праведные, попавшие в рай, будут наслаждаться там сладостным вином.
13. Т. е. он обезумел от страданий.

77

- 1—2. Т. е. в кольце, в окружении зверей он находился, словно раб, и одновременно находился в кольце своей безысходной страсти.
3. Т. е. без тебя мне не стоит жить, каждое мгновение, которым я буду служить тебе, я буду снимать счастливым мигом своей жизни.
4. Т. е. со своим духовным миром и стихами, которые являются отражением его.

78

1. Т. е. скромно и доброжелательно ответил ему.
2. Т. е. с тем, кто живет, словно злой дух, в развалинах, ты все равно не найдешь общего языка.
3. Прости меня за то, что ты впустую проделал такой путь, чтобы повидаться со мной.
4. Т. е. звери, окружающие меня, могут причинить тебе вред.
5. Мусульмане во время молитвы обращаются лицом к Ка'бе (см. выше). Салам хочет молиться, обращаясь лицом в сторону Меджуна, ибо считает его святым (величайшим поэтом).
6. Т. е. давно избавился от животного тяготения к пище, от желания есть.
7. Уничтожает одну жизнь.
8. Т. е. пока ты жив, не поддавайся горю.
9. Т. е. я достиг вершин возвышенной любви и потому не стыжусь перед самим собой.
10. Под «противником» имеется в виду противник в полемическом искусстве спора.
11. Т. е. если лук слаб и его тетиву легко натянуть, то твоя стрела не попадет в цель, ты огорчишься, если же тетива тугая и ты не сумеешь натянуть ее, ты смугишься.

79

1. Т. е. он не признавал никаких законов.
2. Т. е. добрыми деяниями.
3. Т. е. готовясь к переходу в потусторонний мир, заранее избавляй от мирских забот и привязанностей.

1. Т. е. прикинувшись безумцем, он избегал общения с окружающими его низкими людьми (злыми духами).
2. Тараз — название города в Туркестане, жители которого отличались белизной и красотой.
3. Мекка находится в пустыне Хиджаз, среди раскаленных песков.
4. Хотя мой стан согнулся под бременем любви к тебе, во мне не угасла надежда (желание) вновь распрямиться, если ты одаришь меня своей любовью.
5. Гнилое дерево с четырьмя корнями — этот мир, который зиждется на четырех стихиях. Под четырьмя колышками поэт имеет в виду четыре стороны света.
6. Если посадить одно лишь ядрышко миндаля, без скорлупы, оно не взойдет, сгниет, станет черным (как негритята), послужит «удобрением для могил». Здесь и в предыдущем бейте Меджнун подразумевает, что когда он раскрыл свою душу (стал обнаженным), то обрел белизну (красоту души).
7. Т. е. пожинать плоды своих трудов.

1. Т. е. все сущее имеет свой смысл и назначение.
2. Т. е. желания человека и предопределение судьбы редко совпадают.
3. Т. е. примирился с велениями судьбы, принимай жизнь такой, как она есть.
4. Но поверью во время затмения луны ее проглатывает небесный дракон. Здесь дракон — Ибн-Салам, луна — Лейли.
5. Т. е. занималась самообманом.
6. По поверью злые волшебники своей ворожкой могли заключать в оковы лери и других духов.
7. Т. е. в отсутствии мужа она стонала, а когда он приходил, скрывала свое горе.
8. Стояла прямо, недвижимо, застывала, словно кол, подпирающий шатер.
9. «С приятной солью» — с изюминкой; съедала свою печень — неизменно страдала.
10. Т. е. небосвод (судьба) свершил свое дело — пресек жизнь Ибн-Салама.
11. Т. е. лскарь осмотрел его тщательно и посредством снадобий облегчил его страдания.
12. Т. е. повторная болезнь окончательно разрушила его здоровье, подточила его плоть, как вода размывает глину.
- 13—14. Т. е. сосуд его тела (легкие) лопнул.
15. Т. е. жизнь дается нам в долг, и этот долг мир неизбежно взымает с нас.
16. Смысл этого бейта таков: «Не будь бездеятельным, ты причиняешь эгнм вред своему естеству.
17. Т. е. этот мир с семью обитаемыми частями, девятью небесами, четырьмя стихиями и тысячами звезд.
- 18—19. Кувшин — небосвод, полукувшин — земля. Дымовая завеса — стоны обитателей этого брэнного мира, обители страданий, где перемешаны огонь с дымом.

1. Т. е. ты можешь говорить мне это. ибс достоин вести подобные беседы, обладаешь внутренним прозрением.

1. Ночь с таким днем — такая мрачная ночь.

1. Имеется в виду праздник Новруза (см. выше).
2. См. выше.
3. Золото халифата — самое чистое золото, с которым здесь сравнивается Меджнун.
4. Амр и Аси — широко распространенные в то время имена. Т. е. увел от всех посторонних.
5. Т. е. стал охранять ее, не отходя ни на шаг.
6. Изображения небесного циркуля — человеческие тела. Т. е. влюбленные были так потрясены своим свиданием, что не могли вымолвить ни слова и застыли, как фрески, украшавшие стены дворцов.
7. Т. е. в твоём присутствии мне не стоит разглагольствовать о своей любви.
8. Т. е. она, как и Меджнун, начала проливать слезы.
9. Т. е. поцеловала его в глаза.
10. Галия — благовоние, смесь амбры, мускуса и т. д.
- 11—12. Т. е. осыпала его голову поцелуями.
13. Египет — источник бальзама и благовоний; Абиссиния — источник амбры, одновременно символизирует черный цвет.
14. Т. е. слова тех, кто мало говорит, бывают прекрасны и возвышенны.
15. Т. е. подбородок был округлым.
16. Автор этой главы имеет здесь в виду самого себя.
17. Т. е. страдающему желчью (заболеванием печени, желчного пузыря) противопоказано сладкое (сахар).
18. Т. е. перестал владеть собой.
19. Т. е. ему стало легче дышать в этом мире.
20. Т. е. раскрывал свою душу, ничего не утаивая.

1. Т. е. листья осенью становятся золотистыми, но падают на землю и превращаются в прах.
2. См. выше.
- 3—4. Индус в классической поэзии — символ стражника, здесь — стражник сада. Раньше садоводы-крестьяне срезали виноградные лозы с гроздьями черного винограда и вешали на балконах, сохраняя их таким образом долгое время.
5. Гранаты, созревая, лопаются.
6. Цветник роз — Лейли.
7. Светильник — лицо.
8. Здесь белая тонкая рубашка Лейли сравнивается со светлыми стеблями тростника.
9. Т. е. почти бесплотным.

10. В оригинале обыгрывается слово «соуда» — страсть, страстная любовь, меланхолия. Т. е. болезнь любви ударила в голову, а жар головы перешел в сердце.
11. Т. е. унес румянец ланит.
12. Сахар — губы.
13. Т. е. она слегла и пала духом.
14. Т. е. собираясь открыть свою тайну матери, она от смущения закрыла лицо воротом рубашки.
15. Т. е. обнаружила тайну своего сердца только перед кончиной.
16. Невесту перед свадьбой румянили и обводили ее глаза синей краской и сурьмой.
17. Т. е. тем благовоением, которое источало сердце Меджнуна, преданное Лейли.
18. Т. е. приласкай его, лишившегося сердца из-за меня.
19. Она распустила свои седые волосы в знак глубокого траура.
20. Под «живой водой» имеется в виду Лейли, источник жизни матери.
21. По мусульманскому обычаю умершего омывают чистой водой, мать же Лейли омыла свою дочь кровавыми слезами.
22. Омыла кровавыми слезами ее черные волосы.
23. На луноподобную Лейли мать надела ожерелье из слез, подобных звездам.
24. Она омыла розоподобную Лейли розовой водой и амброй, как умащала невесту перед свадьбой.
25. Человек, превратившийся в прах, находит покой во прахе (земле). Мать Лейли понимала эту простую истину и поэтому, не страшась, предала тело своей дочери земле.
26. Лейли, которая при жизни находилась в заключении (в крепости), вошла в вечную крепость земли, а сокровищница горестей, т. е. Меджнун, остался один.

86

1. Т. е. писатель, впервые записавший эту повесть. Имеется в виду Абу-Бакр ал-Валиби (см. выше).
2. Меджнун уподобляет себя змею (дракону), которые по восточным поверьям охраняли сокровища, зарытые в развалинах.
3. Т. е. Лейли была прекрасна, как луна, и, как луна, постоянно одинока.
4. Т. е. если ты умерла и скрылась под землей, все равно ты находишься в моей душе.
5. Т. е. он, безумец, шествовал по пустыне, плясал, слагал стихи о разлуке с возлюбленной. Здесь содержится намек на то, что верблюд, слушая музыку, пускается в пляс.

87

1. Макушки — название созвездия.
2. Т. е. он кружил вокруг могилы любимой, и не было у него сил покинуть это место.

89

1. Т. е. уничтожила его.
2. Т. е. жизнь его подошла к концу.

3. Т. е. он невероятно страдал.
4. Т. е. все твое тело сплошная рана, а лицо желтого (янтарного цвета), как пластырь на этой ране.
5. Смирись, не привязывайся к мирской земле, и тогда сумеешь обрести место в лучшем мире (на макушке небес).

90

1. Под белой раковиной подразумевается телесная оболочка, а под жемчужиной — душа.
2. Т. е. его тело омыли и умастили амброй, очистили, как очищают жемчужину.

92

1. Т. е. из этой поэмы ты будешь извлекать мысли, ценные как сокровища, и поэтические образы, никем до сих пор не употреблявшиеся.
2. Т. е. не враждуй с законами мира, не вмешивайся в его дела и тогда ты долго останешься в нем.
3. Долговечность твоего царства зависит от твоего справедливого мировластия.
4. Чтобы царство твое расцвело, не допускай слабости (неразумных поступков).
5. Не допускай к себе слишком близко тех, чью преданность ты не испытал на деле.

Настоящие комментарии представляют собой попытку дать истолкование тех мест или отдельных строк поэмы, которые могут быть не поняты или неточно поняты читателями, а также объяснить встречающиеся в тексте незнакомые имена, географические названия, термины и т. д.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что поэтическое богатство шедевра Низами поистине необъятно. Метафоры, щедро рассыпанные в тексте поэмы, сложные, изощренные, порою многозначные сравнения, намеки, сопоставления и противопоставления, обыгрывание одного и того же слова в различных комбинациях по многу раз, тончайшие нюансы в передаче оттенков, настроений — все это, конечно, требует гораздо более обширных, разветвленных комментариев, которые далеко выходят за рамки целей и объема настоящего издания.

Составление таких комментариев — важная и актуальная задача, которая, как мы надеемся, будет успешно разрешена в не столь отдаленном будущем.

Низами и его поэма «Лейли и Меджнун»	5
1. Начало книги. Во имя Аллаха, милостивого и милосердного	29
2. Славословие пророку — да благословит его Аллах и да приветствует!	36
3. Мирадж (восхождение на небо) пророка	39
4. Веское доказательство сотворенности сущего	44
5. Начало доказательства	45
6. Причина сочинения книги	52
7. Во славу ширваншаха Ахсатана, сына Манучихра	58
8. Челобитная	64
9. О поручении своего сына сыну ширваншаха	67
10. Жалоба на завистников и злопыхателей	69
11. Просьба о прощении за свои жалобы	73
12. Назидание своему сыну Мухаммеду Низами	74
13. О пользе немногословия	76
14. Поминание некоторых усопших близких...	77
15. Поминание отца	78
16. Поминание матери	78
17. Поминание дяди Хадже Умара	79
18. Поминание усопших друзей и о дружбе с другими	79
19. О предании своего бытия забвению	80
20. О забвении тщеславия	81
21. О забвении прошедшей жизни	82
22. Об отказе от беспомощности и застенчивости	83
23. Притча :	83
24. О том, что нельзя терпеть гнет	84
25. Об отказе от служения царям	85
26. О том, что не следует отнимать у людей хлеб насущный	85
27. О радости довольства малым	86
28. О радости служения народу	87
29. О скромности, которая приводит к величию	88
30. О сочинении слов в уединении	88
31. Начало повести :	89
32. О том, как Лейли и Кейс полюбили друг друга	95
33. О свойствах любви Меджнуна	98
34. Меджнун отправляется на встречу с Лейли	101
35. Отец Меджнуна отправляется сватать Лейли	103
36. Плач Меджнуна от любви к Лейли	108
37. Отец увозит Меджнуна в Ка'бу	115
38. Отец Меджнуна узнает о намерении племени Лейли	119
39. Отец наставляет Меджнуна	123
40. Ответ Меджнуна отцу	127
41. Рассказ :	129

42. О состоянии Лейли	131
43. Лейли отправляется гулять по саду	136
44. Сватовство Ибн-Салама к Лейли	141
45. Науфал посещает Меджнуна	143
46. Меджнун упрекает Науфала	149
47. Битва Науфала с племенем Лейли	150
48. Меджнун упрекает Науфала	156
49. Второй бой Науфала	158
50. Меджнун освобождает газелей	166
51. Меджнун освобождает оленя	169
52. Меджнун разговаривает с вороном	173
53. Старуха ведет Меджнуна к шатру Лейли	175
54. Отец выдает Лейли за Ибн-Салама	180
55. Ибн-Салам уводит Лейли в свой дом	185
56. Меджнун узнает о замужестве Лейли	188
57. Меджнун жалуется образу Лейли	192
58. Отец навещает Меджнуна	196
59. Ответ Меджнуна отцу	203
60. Отец прощается с Меджнуном	206
61. Меджнун узнает о кончине отца	210
62. Меджнун дружит со зверьми	215
63. Рассказ	219
64. Меджнун молится чертогу всевышнего	222
65. Меджнун взывает к Зухре	226
66. Меджнун взывает к Муштари	227
67. Меджнун молится чертогу Господнему	228
68. Меджнун получает письмо от Лейли	229
69. Содержание письма Лейли Меджнуну	236
70. Ответ Меджнуна на письмо Лейли	241
71. Меджнуна навещает дядя Селим Амирит	249
72. Рассказ	252
73. Свидание Меджнуна с матерью	254
74. Меджнун узнает о кончине матери	258
75. Лейли приглашает Меджнуна	261
76. Меджнун поет газель Лейли	267
77. Салам Багдадский знакомится с Меджнуном	273
78. Ответ Меджнуна Саламу Багдадскому	275
79. Описание [душевного] величия Меджнуна	281
80. Описание любви Зейда к Зейнаб	282
81. Кончина Ибн-Салама, мужа Лейли	290
82. Свидание Зейда с Зейнаб	295
83. Лейли молится Господу всевышнему и всеславному	299
84. Лейли и Меджнун соединяются друг с другом	300
85. Приближение осени и кончина Лейли	312
86. Плач Меджнуна над Лейли	319
87. Элегия Меджнуна над могилой Лейли	325
88. Салам Багдадский во второй раз встречается с Меджнуном	328
89. Кончина Меджнуна у могилы Лейли	332
90. Племя Меджнуна узнает о его кончине	336
91. Зейд видит во сне Лейли и Меджнуна в раю	339
92. Заключение книги с именем ширваншаха	342
Примечания	347

АЗƏРБАЈЧАН ССР
ЕЛМЛƏР АКАДЕМИЈАСЫ

НИЗАМИ адына
ƏДƏБИЈАТ ИНСТИТУТУ

НИЗАМИ КƏНЧƏВИ

ЛЕЈЛИ
ВƏ МƏЧНУН

(Рус дилиндə)

«Елм» нəшријаты
Бакы — 1981

Редактор издательства *Н. Хатунцев*
Художник и технический редактор
В. Огниенко
Художественный редактор
Ф. Сафаров
Корректор *И. Иоаннесян*
ИБ № 485

Сдано в набор 28/VIII 1981 г. Под-
писано к печати 16/IX 1981 г. Формат
бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 1. Гарнитура шрифта литера-
турная. Печать высокая. Печ. лист
20,37. Уч. изд. лист 22,43. Тираж 4000.
Заказ 427. Цена 2 руб. 70 коп.

Издательство «Элм».
370143 Баку-143, проспект Нарима-
ноза, 31, Академгородок, Главное
здание.

Типография «Красный Восток» Госу-
дарственного комитета Азербайджан-
ской ССР по делам издательства, по-
лиграфии и книжной торговли. Баку.
ул. Ази Асланова, 80.

